

А.И. П.

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC
VLADIMIR DAHL LUGANSK NATIONAL UNIVERSITY**

Anthropos: Logos and Theos

**(Ὁ ἄνθρωπος:
ὁ Λόγος καὶ Θεός)**

ISSUE 4

RESEARCH WORK'S DIGEST

Lugansk 2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

А н т р о п о с : Л о г о с и Т е о с

(Ὁ ἄνθρωπος: ὁ Λόγος καὶ Θεός)

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Философия религии
Философская антропология
Философия культуры

Приказом Министерства образования и науки Луганской Народной республики № 477 – Од от 15 мая 2018 издание (журнал «Антропос: Логос и Теос») включено в перечень изданий, издаваемых на территории Луганской Народной республики, публикация в котором приравнивается к рецензируемым научным изданиям.

ВЫПУСК 4

Луганск 2018

УДК 1(060.55)
ББК 87

Редакционная коллегия:

Главный редактор сборника научных трудов

Исаев Владимир Данилович доктор философских наук, профессор, заведующий кафедры мировой философии и теологии института философии и социально-политических наук Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск, ЛНР).

Члены редакционной коллегии:

Исаев В.Д.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Золотухина Е.В.	- доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук (г. Ростов, РФ)
Suncica Denic	- доктор философии, профессор (Сербия)
Шмидт В.В.	- доктор философских наук, профессор (г. Москва, РФ)
Августин (Морозов)	- архимандрит, магистр богословия (г. Салерно, Италия)
Липич Т.И.	- доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)
Лазарев Ф.В.	- доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, РФ)
Вениамин (Погребной)	- епископ, кандидат философских наук, доцент (г. Полтава, Украина)
Гужва А.П.	- доктор философских наук, профессор (г. Харьков, Украина)
Рожков В.П.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Фриауф В.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Орлов М.О.	- доктор философских наук, профессор (г. Саратов, РФ)
Ольхов П.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)
Муза Д.Е.	- доктор философских наук, профессор (г. Донецк, ДНР)
Титаренко С.А.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Вовк В.М.	- доктор педагогических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Лустенко А.Ю.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Шелюто В.М.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)
Воронкин С.В.	- доктор богословия, протоиерей (г. Луганск, ЛНР)
Кобылкин Д.С.	- кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР).

Ответственный секретарь – Кобылкин Д.С., кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР)

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 9 от 25.05. 2018 г.)

Материалы сборника печатаются на языке оригинала. Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 4. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. – 308 с.

В сборник вошли научные работы, в которых рассматриваются актуальные вопросы религии, теологии, философии, философской антропологии, философии культуры, этики и эстетики. Статьи отражают появление новых контекстов религиозного, теологического и философского знания и реинтерпретацию классических вопросов философии религии. Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК

ЖДАНОВА Д.А.

Суханцева В.К.	14
ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Я ПОМНЮ ВАС ВСЕГДА...	
Исаев В.Д.	16
ВСЕ ЗНАЧИМЕЕ СДЕЛАННОЕ, ВСЕ ЯРЧЕ СВЕТ; ВО ИСТИНУ, НЕ ГОВОРИ «ИХ НЕТ», НО С БЛАГОДАРНОСТИЮ: «БЫЛИ»!	
Синельникова Л.Н.	18
О МАСШТАБЕ ЛИЧНОСТИ ФИЛОСОФА	
Мандрыка В.А.	24
ФИЛОСОФ КАК КОНСТРУКТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ	

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Исаев В.Д.	7
БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ДИГИТАЛЬНОМ МИРЕ	
Липич Т.И.	47
РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
Ильченко В.И., Сороковиков А.С., Токмачева М.А.	53
МУЧЕНИЧЕСКАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ ЦАРЯ-ХОДАТАЯ КАК ОБРЕТЕНИЕ ЛИКА ЦАРЯ-ИСКУПИТЕЛЯ	
Протоиерей Алексей Слюсаренко	64
КУЧМА ПРОТИВ СОЛЖЕНИЦЫНА	
Кобылкин Д.С.	72
РОЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР	

Рудько В.А.	087
КОНСТАНТНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ЦЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ АТАРАКСИИ	
Шестакова А.В., Смолянинов Д.И.	098
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ В ПРИЗМЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	
Гуркина А.А.	06
КРИЗИС ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Шелюто В.М.	112
ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ САКРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ	
Шарков Ф.И., Киреева О.Ф.	127
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ	
Звонок Н.С., Лисицина Я.К.	134
СИМУЛЯКР КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ БЫТИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ	
Артемова Ю.А.	43
ТЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	
Гришанова Е.В.	156
СМЕХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЫТИИ	
Кочевский А.А.	63
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИФРОВОЙ МИР: СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	
Крысенко Д.С.	169
ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА ЭВОЛЮЦИЮ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ	

Юкович Л.Ф., Захаркив М.Р., Катюряева Н.А.	179
О СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ПОЛОМ	
Ширманова М.Ю.	190
ЦИФРОВОЙ МИР: МАТРИЦА И ЖИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
Манасеев Д.Д.	197
МИФОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ	
Новак Н.И.	204
ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ И ДИФфуЗИОННОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ	
Кравцов Д.Н.	212
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Лебедь В.Н., Деркач А.А., Восканян К.А.	219
УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ	
Гавлицкий Е.М., Гавлицкая П.В.	230
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И МЕТОДЫ ЕЁ УКРЕПЛЕНИЯ	
Лагер Б.А.	235
ГОСУДАРСТВО КАК ОСНОВНОЙ СУБЪЕКТ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

Дервянко К.В.	242
ОТ ФИДЕИЗМА ДО РАЦИОНАЛИЗМА, или СПУСК С ВЕСЕЛОЙ ГОРЫ	
Протоиерей Александр Пономарев	256
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ЕГО БЫТИЯ	

Ильченко В.И.	268
ВОСПИТАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА В АРХИТЕКТОНИКЕ САКРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ СВЯТОСТИ КАК ГАРАНТА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТЕЧЕСТВА (постановка проблемы на методологической основе православия)	
Лукьяненко К.А.	285
ТЕМА ЛЮБВИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ	
Ивашина Р.А.	296
ПРИЧИНЫ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСЦИПЛИН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ	

CONTENT

MEMORY OF PROFESSOR, DOCTOR OF PHILOSOPHICAL SCIENCES ZHDANOV D.A.

<i>Suhantsneva V.K.</i>	14
DMITRY ALEXANDROVICH, I ALWAYS REMEMBER YOU ...	
<i>Isaev V.D.</i>	16
EVERYTHING SIGNIFICANT, THE LIGHT IS MORE BRIGHTLY; INTO TRUTH, DON'T SAY «THERE ARE NO THEM», BUT WITH GRATITUDE: «WERE»!	
<i>Sinelnikova L.N.</i>	18
ABOUT THE SCALE OF PERSONALITY OF THE PHILOSOPHER	
<i>Mandryka V.A.</i>	24
PHILOSOPHY AS A CONSTRUCTIVE-METHODOLOGICAL PERSON	

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Isaev V.D.</i>	37
SECURITY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE MODERN DIGITAL WORLD	
<i>Lipich T.I.</i>	47
THE ROLE OF TRADITIONAL VALUES IN SUPPORT OF SPIRITUAL SECURITY IN THE HIGH SCHOOL	
<i>Ilchenko V.I., Sorokovikov A.S., Tokmacheva M.A.</i>	53
MARTYR'S SACRIFICE OF THE TSAR-INTERCESSOR AS TURNING TO THE TSAR-REDEEMER	
<i>Slusarenko A.V.</i>	64
KUCHMA VERSUS SOLZHENITSYN	
<i>Kobylkin D.S.</i>	72
THE ROLE OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AS AN EXISTENTIAL PEDAGOGICAL FACTOR	

<i>Rudko V.A.</i>	87
THE CONSTANT RELEVANCE THE VALUE OF THE STATE OF ATARAXIA	
<i>Shestakova A.V., Smolyaninov D.I.</i>	97
ANTHROPOLOGICAL CRISIS OF MODERNITY IN THE PRISM OF EXISTENTIAL PHILOSOPHY	
<i>Gurkina A.A.</i>	106
THE CRISIS OF SPIRITUAL-MORAL VALUES OF MODERN SOCIETY: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT	

RELIGION AND PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Shelyuto V.M.</i>	112
A MAN IS IN THE SYSTEM OF SACRAL VALUES OF CULTURAL TRADITION	
<i>Sharkov F.I., Kireeva O.F.</i>	127
PROBLEMS OF FORMING THE CULTURAL COMPONENT OF THE PRESENT INFORMATION MEDIA	
<i>Zvonok N.S, Lisitsina Ya.K.</i>	134
SIMULACRUM AS SEMANTIC NODE OF BEING IN POSTMODERNIST CULTURE	
<i>Artemova J.A.</i>	143
THE THEME OF SOCIOCULTURAL INCERTITUDE IN LITERATURE TRADIDION OF ANCIENT EAST	
<i>Grishanova Ye.V.</i>	156
LAUGHTER AS A SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE IN THE POLITICAL GENESIS	
<i>Kochevskiy A.A.</i>	163
INFORMATION SOCIETY AND THE DIGITAL WORLD: FORMATION AND PROBLEMS	
<i>Krysenko D.S.</i>	169
THE PROBLEM OF THE COLD WAR INFLUENCE OVER EVOLUTION OF SOVIET AND AMERICAN IDENTITY	

<i>Yukovich L.F., Zakharkiv M.R., Katyuryaeva N.A.</i>	179
SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF COMMUNICATING WITH THE OPPOSITE GENDER	
<i>Shirmanova M.Yu.</i>	190
DIGITAL WORLD: THE MATRIX AND LIVE THE REALITY	
<i>Manaseev D.D.</i>	197
MYTHOLOGY IN US SOCIETY MANAGEMENT SYSTEM	
<i>Novak N.I.</i>	204
TRADITION IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION AND DIFFUSION THEORY OF CULTURE	
<i>Kravtsov D.N.</i>	212
ROLE AND IMPORTANCE OF MODERN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARS IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY	
<i>Lebed V.N., Derkach A.A., Voskanyan K.A.</i>	219
MANAGEMENT OF INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF INFORMATION CULTURE: COMMUNICATIVE AND SOCIAL- PHILOSOPHICAL ASPECTS	
<i>Gavlistkiy E.M., Gavlitskaya P.V.</i>	230
NATIONAL SECURITY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND METHODS OF ITS STRENGTHENING	
<i>Lager B.A.</i>	235
STATE AS THE MAIN SUBJECT OF THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY	

ACTUAL PROBLEMS OF THEOLOGY

<i>Derevyanko K.V.</i>	242
FROM FIDEISM TO RATIONALISM, OR THE DESCENT FROM VESELAYA GORA	
<i>Ponomarev A.V.</i>	256
SPIRITUAL AND MORAL HEALTH OF THE INNER MAN AS THE BASIS OF SECURITY OF HIS BEING	

<i>Ilchenko V.I., Sorokovikov A.S., Tokmacheva M.A.</i>	268
MARTYR'S SACRIFICE OF THE TSAR-INTERCESSOR AS TURNING TO THE TSAR-REDEEMER	
<i>Lukyanenko K.A.</i>	285
THEME OF LOVE IN CLASSICAL LITERATURE AND ITS ROLE IN EDUCATIONAL PROCESS AND IN SPIRITUAL-MORAL UPBRINGING	
<i>Ivashina R.A.</i>	296
REASONS AND BASES FOR TEACHING RELIGIOUS DISCIPLINES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF VARIOUS LEVEL	

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ЖДАНОВА Д.А.

***16 апреля 2019 года
исполняется 90 лет со дня рождения
первого на Луганщине доктора философских наук,
профессора Жданова Дмитрия Александровича,
основателя Луганской философской школы.***

Ему мы посвящаем этот выпуск

Суханцева В.К.

«ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Я ПОМНЮ ВАС ВСЕГДА...»

Воспоминания о крупных личностях всегда отливают позолотой, лаком, тем или иным составом, скрывающим естественные трещины и узоры «поверхности». И возникает «хрестоматийный глянец», исчезает подлинник на радость окаменевшему времени и нерушимости мифологии.

Поэтому писать надо правду, что и попытаюсь сделать.

С Д.А. Ждановым, профессором Ждановым, как я его всегда про себя называла, у меня связано несколько устойчивых ощущений. Первое – благодарность, ровная и мощная, не зависящая от дат и хронологий и, напротив, возрастающая с годами. Как правило, в жизни по-настоящему помогают считанные люди; изменить же судьбу может только кто-то единственный. Всей своей философской биографией я обязана лично ему. Это *он* сказал мне, окончившей Гнесинку пианистке, по болезни вернувшейся из Москвы в Луганск и считавшей жизнь законченной: «Деточка, я в твоём музыкознании ничего не понимаю и ничего не могу. Может, ты попробуешь философию – эстетику, например?» Я согласилась, поскольку терять было нечего. И *он* нашел мне научного руководителя, добрейшего А.Б. Когана, на долгие годы ставшего почти родственником. Он открыл мне кафедру – в 29 лет, без степени. И оказался прав во всем, поскольку философия действительно оказалась судьбой, и другой судьбы я себе уже давно не желаю.

Второе – восторг перед мыслительно-интеллектуальной мощью, наглядно разворачивавшейся на лекциях профессора Жданова. Чеканные формулировки, безупречная логика построений – перед слушателями кандидатского семинара на глазах возникал высокопрофессиональный философский текст. Он складывался здесь и сейчас, без конспектов и черновиков, в свободном и кристаллическом движении мысли: Платон, Аристотель, Кант и Гегель вырывались из пожелтевших хрестоматий и актуально наличествовали, подтверждая алиби философии в совсем ином бытии. Д.А. Жданов занимался проблемой мышления, естественно, с позиций диамата, ибо других позиций тогда не предполагалось. О генезисе мышления была его докторская диссертация – первая философская докторская в Луганске. Однако, будучи учеником П. Копнина, он, Жданов, относился к тем мыслителям, которые сквозь догматы прорываются к

истокам великой диалектической школы от Гераклита до Гегеля, вне которой философская традиция аннигилирует и перестает быть. Здесь не время и не место углубляться в проблемы современной философии, в пост- и постпостмодерн, но иногда с грустной радостью я думаю: хорошо, что профессор Жданов ряда опусов не успел прочитать. Это так, к слову.

С Д.А. Жданова начинается луганская философская школа. Именно благодаря ему, через почти 20 лет после его ухода из жизни в Луганске, в Университете им. В. Даля открылся философский факультет, с 2003 года заработал и работает сейчас, во время войны, Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций, а докторами философии стало более 2 десятков человек. Поэтому профессору Жданову никакого глянца не нужно. Его дело продолжается, и, как выразился однажды О. Мандельштам, продолжается его «посмертный рост»: человека давно физически нет, но запущенная им причинно-следственная связь событий и результатов от времени не зависит.

Третье – сострадание. Сегодня, когда я уже намного старше его, трагически преждевременно ушедшего из жизни в марте 1986 года, я понимаю, что он жил «на разрыв аорты» между грузом ректорства и депутатства, общественных нагрузок и бесконечными отчетами перед партийными структурами, мелочным дерганьем, неприятностями различного масштаба, все меньше и меньше садясь к письменному столу и все больше отрываясь от философских проблем в угоду идеологическим и пропагандистским. Он был крупным ученым, философом от Бога. Он был крупным руководителем и организатором. Но он был человеком своей эпохи, потерявшим на войне отца и прошедшим всю трассу своего поколения. И он, советский философ, эту эпоху принял и честно жил в ней, хотя с годами становился все мрачнее, замкнутее, многое понимая и смиряя в себе.

За день до смерти он ходил по этажам своего первого корпуса, заглядывал в кабинеты и аудитории. Потом стало ясно: прощался. Потом были его похороны – пышные и напряженно официозные. Потом – поминки с каменным присутствием партийного руководства.

А потом в руководимом им институте началась другая эпоха. В ректорском кабинете менялся лица, но такого больше не было. А возле его кафедры философии висел портрет, к которому все реже и реже приносили цветы, а потом и вовсе перестали.

И тогда профессор Жданов переселился в память. Например, в мою и, думаю, еще очень многих. Правда, нас, которые помнили его и общались с ним, все меньше. Поэтому эстафету надо передать из первых рук особенно тем, кто сегодня становится философами в Луганске. У них,

конечно, свои учителя. Но все они, как и мы, философы школы профессора Жданова.

Суханцева Виктория Константиновна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Магусовского (г. Луганск).

Исаев В.Д.

**ВСЕ ЗНАЧИМЕЕ СДЕЛАННОЕ, ВСЕ ЯРЧЕ СВЕТ; ВО
ИСТИНУ, НЕ ГОВОРИ «ИХ НЕТ», НО С
БЛАГОДАРНОСТИЮ: «БЫЛИ»!**

В 2003 году я издал монографию, в которой изложил основные положения своего понимания мироустройства. В ней есть такое посвящение: «Светлой памяти Учителей, стоявших у истоков моего становления: Фролова Ивана Тимофеевича, Жданова Дмитрия Александровича, Шарпило Бориса Антоновича». Имя Дмитрия Александровича Жданова – не случайно. С 1966 по 1969 год я работал ассистентом на кафедре философии Луганского педагогического института им. Т.Г. Шевченко, которую возглавлял Дмитрий Александрович. Это великое счастье, как я особенно хорошо понимаю теперь, работать в пору юности под руководством такого человека как Д.А. Жданов. Именно здесь благодаря ему я узнал, каким надо быть, чтобы быть философом. Для этого надо прежде всего быть человеком: видеть сильные и слабые стороны людей, с которыми тебя сталкивает жизнь при этом искренне радоваться малейшему проявлению таланта и всегда быть готовым прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. Надо обладать колоссальными знаниями во всех сферах культуры, быть в курсе всех важнейших событий в литературе и искусстве. В это время уже заканчивалась «оттепель», найти и прочесть что-то достойное в журналах становилось все труднее, и именно от Дмитрия Александровича я узнал, что в журнале «Всесвіт», который в то время редактировал Коротич, в прекрасных переводах (правда на украинский) печатаются интереснейшие произведения зарубежных авторов; от него же я узнал о существовании журнала «Байкал», где продолжали публиковаться Стругацкие. При этом поражала способность

Жданова в нескольких фразах определить сущность проблемы. Добрая ирония по отношению к самому себе сочеталась с требовательностью, если дело шло о принципиальных вопросах, занятие спортом («надо быть боксером: настоящий боксер – тот, кто не закрывает глаза при ударе» - его слова), глубочайшее уважение к коллегам, настоящее товарищеское отношение к ним и рыцарское отношение к женщине...

Как планировать работу собственную и кафедры, как вести заседания кафедры (в обсуждении должны принимать участие все, причем, начинают выступления молодые ассистенты, заканчивают самые опытные). Обсуждение всего интересного и важного, что происходит в мировой философии, обсуждение того, как это применять в преподавании. Так до сих пор помню обсуждение только что вышедшей монографии Семенова «Как возникло человечество». Всегда поражало чутье заведующего кафедрой на действительно важное и интересное: указанная монография, например, до сих пор представляет немалый интерес.

Еще об одном качестве хочется напомнить: умение угадывать у человека талант быть настоящим философом. На этой кафедре работали такие удивительные люди как доцент Иван Ефимович Дудник, доцент Иван Карпович Исаев, ставший впоследствии профессором Владимир Лобас, доцент Георгий Андреевич Образцов, Владимир Алексеевич Илюшин и многие другие, которые составили философскую плеяду Ждановской школы.

Многие годы впоследствии, уже возглавляя собственную кафедру, я все свои действия сверял по компасу «как бы это сделал Дмитрий Александрович». Вспоминая эти три года, проведенные на кафедре Д.А. Жданова, понимаю, как важно именно вовремя на собственном опыте понять значение многих и многих простых и непростых понятий и слов. Что такое дружба, честное и бескорыстное отношение к работе, интеллигентность, элита и многое – многое другое. Об элите и важности и значении этого слова хочу сказать особо. В мое время в пединституте элита – это проректор по научной работе Борис Антонович Шарпило, Дмитрий Александрович Жданов, первый профессор на Луганщине Николай Гаврилович Гончаренко, Бадер Василий Антонович – это были подлинные друзья, которые во многом формировали в то время общественное мнение о пединституте, талантах и поклонниках, формировали общественные взгляды на все важнейшие события в стране, области, науке, институте. Получить одобрение этой «великолепной четверки» в вузе означало порой больше, чем получить ученую степень или ученое звание.

В 2004 году в коллективной монографии, посвященной анализу научного наследия проф. Жданова Д.А., проф. В.Ф. Лобас справедливо

писал: «Д.А. Жданов разрабатывал проблему становления абстрактного мышления в социальной атмосфере торжества рационализма... Сейчас мы живем в условиях недоверия к разуму. Не только юношество предпочитает перебивать в атмосфере виртуального иррационализма, но и маститые философы, именующие себя постмодернистами, отказывают науке в праве быть эталоном разумности, а стремление к Истине, Добру и Справедливости объявляют бессмысленным. Постмодернистские упражнения французских авторов, выполняющих функцию релаксации в жестко рационализированной культуре Запада, в наших условиях обретают статус социального диагноза. Постсоветское бытие приобрело черты иррационального существования». И сегодня по-моему актуальным является такое наблюдение, поскольку все проявления фашизма, национализма, война. Поражающее порой равнодушие к добру и злу иррациональны и бесчеловечны по своей сути. Именно поэтому научное наследие Д.А. Жданова остается актуальным и еще дождетя своего глубокого и всестороннего исследования.

В этих коротких заметках я лишь набросал некоторые черты такого удивительного человека – человека обширнейших знаний, талантливейшего руководителя, крупного ученого-исследователя, человека-философа и человека-гражданина, каким был и каким остается для всех знавших его – Дмитрия Александровича Жданова. Пусть вечным ему памятником будет процветание философской школы ЛНР, основы которой созданы им.

Исаев Владимир Данилович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Синельникова Л.Н.

О МАСШТАБЕ ЛИЧНОСТИ ФИЛОСОФА

*Доброй и светлой памяти профессора
Дмитрия Александровича Жданова*

Моя память о Дмитрии Александровиче связана с самым началом преподавательской работы, когда ты ещё мало профессионален, но особому открыт воздействию неординарной личности. Философ

А.А. Брудный в книге «Психологическая герменевтика» высказал несколько необычную мысль о том, что все или почти все философы обладают какой-то особой красотой. Дмитрий Александрович Жданов обладал и особой красотой философа, и обычной красотой. Во всяком случае женская часть Луганского педагогического института была абсолютно единодушна в такой оценке.

Для нашего кумира была характерна особая форма философствования – публичная импровизация, показ рождения мысли, её разворачивание перед аудиторией в диалоговой форме. Мастерство философской беседы – особый, далеко не всем свойственный показатель профессиональности. «Философия не профессия, а темперамент и способ жизни», – считал М.К. Мамардашвили [5, с. 11]. У хорошего философа к сумме знаний, которой он обладает, присоединяется нечто интимное, очень личное, повышающее степень воздействия на слушателя. В устном общении с аудиторией Д.А. Жданов умел проявить как строгость, логичность, доказательность мысли, так и импровизационный талант, умел приблизить философию к адресату через вариативные формулировки, образные параллели, примеры из жизни. Это был показ «сознания вслух» – воспроизведение мысли в момент её рождения.

Д.А. Жданова радовала работа в аудитории, он чувствовал внимание и любовь молодёжи, и это создавало особый настрой на творчество, точнее, сотворчество. Было интересное общение, была хорошая наука, трудно постижимая, но от того ещё более прекрасная. Судьба подарила моему поколению философа безупречного вкуса и магического обаяния.

У Д.А. Жданова, человека высокой культуры и образованности, была отчётливо выраженная коммуникативная полиглоссия – полноценное владение как письменной, так и устной формами представления своих мыслей в общении, но именно в устной форме, в тесном контакте с аудиторией он творил философскую мысль и талантливо передавал её восхищённым слушателям (это обстоятельство заставляет подумать о том, что не худо было бы в вузах завести фонотеку устных выступлений тех преподавателей и учёных, мысли и коммуникативно-риторическая культура которых достойны быть зафиксированными и продолженными во времени). Только свободно размышляя над философскими проблемами, можно понять, что такое философия. «Что на самом деле приносят размышления философа? Душевный покой? Вряд ли. Молитва способна принести утешение, хорошая книга – увлечь, игра драматических актёров – растрогать. Но философия?» [2, с. 267]. Лекции Д.А. Жданова показали, что философия, постоянно находящаяся в поисках смысла, задаёт вопросы и ищет на них ответы, что философы – это

теоретики, свободно размышляющие над вечными вопросами бытия, и люди, внимательно всматривающиеся в жизнь (слово *теоретик* произошло от греческого глагола *внимательно всматриваться*). Экспликация результатов философской работы требует пребывания в языке как дискурсе *рассуждения*, когда субъект речи выступает как творец и репрезентант смысла, осознающий себя в единстве с другими субъектами, которые вовлекаются в пространство мыслетворения, в динамику «добывания» знания и в поиск возможностей его вербализации. Такого рода совместная контемплация (глубокое размышление, раздумывание) расширяет возможности понимания философских проблем и меняет масштаб их видения. Учёный творит ментальные миры, моделируя естественную ситуацию движения смысла.

В моём исследовательском сознании на многие годы утвердилось, что философия – это наука о самом важном, которая предлагает ориентиры понимания главного: кто мы, куда идём, почему вынуждены поступать так, а не иначе, как можно прогнозировать развитие общества, общественного сознания, каково представление о структуре мира и нравственных ценностях.

Отвечая на вопрос, кто занимается философией, А.А. Брудный приводит любопытную классификацию американского учёного Риделя: философией занимаются разного рода люди, во-первых, это философы «по обстоятельствам» (каждый человек в определённые моменты своей жизни становится философом), во-вторых, это люди, задумывающиеся над философскими проблемами своей профессии, в-третьих, это те, кто получает деньги за занятие философией, при этом для части из них философия – это только профессия, для других – призвание [2, с. 276]. Философов по призванию не так уж много. Профессор Д.А. Жданов принадлежал к их числу.

Философия – это особый способ мышления, она не может не иметь особого языка, на котором происходит мышление. Любые научные действия рассчитаны на понимание. Понимание же осуществляется посредством языка мысли. Понимание – исходная точка для оценочных суждений, оно определяет мировоззренческие ориентиры. Язык философии – феномен общекультурного развития общества и развития научного знания как такового, в нём вербально закрепляются результаты философских размышлений, отражаются этапы познания.

Можно говорить о языке философии вообще, о языке философии определённого времени [1; 4] и о языке отдельного философа [7]. Последнее направление анализа философского языка связывается с *языковой личностью философа*. Категорию языковой личности можно

рассматривать как естественный отклик исследовательского сознания на насущные проблемы современной гуманитарной науки. Русистика превратила эту категорию в неотъемлемую часть концептуального аппарата, организуя на её основе попытки системного описания курсов разных типов. Жизнеспособность и эвристичность категории языковой личности делает её тонким инструментом междисциплинарного анализа.

Языковая личность философа, как правило, представляет собой интенсивную индивидуальность, то есть *сильную языковую личность*. Д.А. Жданов относился именно к такому типу личности. Сильная языковая личность имеет собственную стратегию речевого бытия, обладает креативными способностями, проявляющимися в даре именованности событий мысли, что особенно важно для создания философского дискурса, в котором постоянно идёт поиск имени для непоименованного, не представленного в эмпирии. Языковая компетенция философа не сводится к объёму тезауруса, сформированного в результате хорошего знания языка, его лексических, фразеологических и прочих возможностей, в неё входит и *когнитивно-гносеологическая компетенция* – способность вербализовать ощущения и предощущения, знание и предзнание, мнение и сомнение, иногда говорить о том, что не только не познано, но и не познаваемо. Умение полноценно и постоянно жить в мысли и в языке – неотъемлемое свойство творческого человека. Понимание и интерпретация философской мысли, философского дискурса имеют лингвистическую природу, так как любое знание передаётся через слово. Изменение значения слова оказывается знаком эволюции философского знания, изменения в строении философского дискурса отражают изменения в самой теории познания, а также эволюцию форм презентации познанного. Передавая знание, слово формирует сознание.

В современном философском дискурсе, в его категориальном аппарате произошли серьёзные изменения. Обозначился выход из жёстких дихотомических рамок *материальное / идеальное, видимое / невидимое*, активизировалось обращение современных философов к метафизическим проблемам – проблемам духовно-целостного постижения мира истинного бытия, космологии, теологии, философии духа. К знаниям, подтверждаемым эмпирически, добавляется объёмный и разнообразный по содержанию блок знаний, не нуждающихся в таком подтверждении. Классическая философская традиция всегда была метафизична, и на определённых этапах развития философской мысли понятия «философский язык» и «метафизический язык» воспринимались как синонимы. В советское время понятие «метафизический язык» использовалось крайне редко: метафизика как метод рассмотрения философских проблем противопоставлялась диалектическому материализму.

В обновляющейся научной парадигме значимое место приобретает

такое понятие, как трансцендирование. С этим понятием связано особое переживание чувства целостности видимого и невидимого мира, работа разума и души в сопряжении того и другого, приводящего к новому знанию и пониманию глубинных основ бытия.

С трансцендированием коррелируют понятия интуиции и эмоциональности, на которых основываются философские рассуждения не в меньшей мере, чем на рациональных и логических доводах. Анализируя мир и смысл творчества, переживание творческого экстаза, Н. Бердяев также основывался на понятии трансцендирования: «Творческий акт для меня всегда был трансцендированием, выходом за границу имманентной действительности, прорывом свободы через необходимость» [3, с. 219]. Метафизическое мышление и сознание порождает личностные структуры в философском дискурсе, свидетельствующие об индивидуально-личностном существовании. Глубочайшая сущность человека в том, что он размышляющее существо. Личностные структуры в философском дискурсе связаны с процессом *переживания познания*, в таких структурах логическое, рассудочное совмещается с интуитивным, с предзнанием. Философ дедуцирует из совместности эмпирического и интуитивного, и эта совместность организует структуры мышления о мире. Одновременное пребывание в физическом и в метафизическом мире рождает многообразие мыслей и многообразие способов их вербализации. Д.А. Жданов в своих философских размышлениях проявлял все признаки новой парадигмы, становление которой только начиналось.

Самое существенное в философских занятиях – чувство переживания целостности мира, только целостному миру можно задавать вопросы о смысле бытия. И тогда философские размышления можно обозначить как «стрелу познания». Не случайно название одной из книг М.К. Мамардашвили «Стрела познания» [6] перекликается со строчками О. Мандельштама:

Будет и мой черёд –
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдёт
Мысли моей стрела?

«Стрела мысли» Д.А. Жданова ушла далеко и продолжает своё движение, поскольку личность этого замечательного человека и философа сохраняется в нашей памяти.

Новые идеи, как известно, не отменяют предшествующих, которые продолжают жить и участвовать в решении философских проблем. Новые тенденции в организации философского языка также основываются на лучшем опыте предшественников. В этом философском континууме всегда

значим и памятен масштаб личности. А.А. Брудный выделил две особенности философии: 1) она требует уровня, масштаба, она не может быть мелкой и 2) все философы считают друг друга живущими. Он высказался об этом так: «И я ловлю себя на том, что и шегольски одетый Керкегор, и огромный Ясперс, и внушительный Мамардашвили не кажутся мне ушедшими из жизни, потому что живы их мысли» [2, с. 277]. Отнесём эту замечательную мысль и к Д.А. Жданову.

Литература

1. Азарова Н.М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в.: Монография. – М.: Логос / Гнозис, 2010. – 250 с.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991. – 446 с.
4. Грановская Л.М. О языке русской философской литературы XX века // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. – М., 1995. – С.127-137.
5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1992. – 368 с.
6. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 304 с.
7. Синельникова Л.Н. «Мимолетные» записи философа как уникальный дискурс (к 145-летию со дня рождения В.В. Розанова) // Жизнь текста, или Текст жизни. Избранные работы в 3-х томах. – Т. 2. – Луганск: Знание, 2005. – С. 283-289.

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского» (г. Ялта, РФ).

Мандрыка В.А.

ФИЛОСОФ КАК КОНСТРУКТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Данная статья посвящается великому неординарно-талантливому, прекрасному философу-теоретику – Дмитрию Александровичу Жданову. В следующем году исполняется 90 лет со дня рождения этой поистине выдающейся личности. Он основатель первой аспирантуры и кафедры философии в городе Луганске, ректор-реформатор Луганского госпединститута им. Т.Г. Шевченко; депутат Верховного Совета СССР, настоящий наставник и друг многих своих коллег и знакомых. Все эти и многие другие слова мы с гордостью, трепетом и особой памятью говорим о нашем дорогом и незабываемом Дмитрии Александровиче Жданове. Уникальная профессиональная, конструктивно-теоретическая и методологическая деятельность, особая привлекающая мера живого вербального мышления и многозначные формы уникального духовного общения направляли и вдохновляли многих его коллег, студентов, последователей философских дискурсов на профессиональные успехи и стремления.

Содержание этой статьи – дополнение статьи «О философии личности и личности в философии» – «Філософські дослідження», №5. – Луганськ, 2004. Я с гордостью рассуждаю в этой статье о своем глубокоуважаемом учителе и наставнике Дмитрии Александровиче Жданове.

Дмитрий Александрович представал как личность глубоко думающая и понимающая, размышляющая нестандартно. Он формулировал, высказывал отдельные идеи и проблемы, предлагал конкретные смыслы их решения. Размышления представлялись в форме продуктивно-творческого мышления по проблемам поиска способов целостного видения задачи, как ответа на поставленный вопрос, то ли как обобщения и выводы диссертационного исследования. Продуктивное мышление представало как процесс поиска и рождения новых смыслов, мышление с гибким понятийным аппаратом анализа (то есть с теоретическими отступлениями, определениями, ссылками на тексты Декарта и Канта).

Каким же образом конструктивность и методология являются определяющими фундаментальными понятиями, абстрактно-

теоретического мышления и познания личности? Понятие «конструктивность» в эпистемологии мышления и философии науки обозначает творческую активность субъекта познания, который путем рефлексивных процедур смыслополагает новые разнообразные образы, понятия, модели структур рассуждений. Философский конструктивизм представляет собой подход, согласно которого познавательная деятельность является вербально-смысловым конструированием в контексте альтернативы метафизической онтологии и эпистемологическому реализму. О конструктивистском отношении человека к миру, его конструктов сознания и конструированной действительности Князева Е.А. утверждает, что: «конструктивизм в эпистемологии – это такой подход, в рамках которого считается, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его. Этот подход развивается разными авторами на базе различных дисциплинарных областей: на базе генетической эпистемологии, или психологии развития ребенка, – Жаном Пиаже, системной теории и кибернетики – Ханцем фон Фёрстером, антропологии – Грегори Бейтсоном, психология восприятия – Ульриком Найссером, психотерапии – Паулем Влатцлавиком, когнитивной психологии – Эрнестом фон Глассерефельдом, нейробиологии и когнитивной науки – Умберто Матураной и Франсиско Варелой; существуют разумеется и иные версии» [7, с. 227].

Конструктивность и методологическая направленность философа-профессора-теоретика в единстве философа-профессора-преподавателя вуза – неотъемлемые свойства неординарно-талантливой личности. Именно такие свойства проявлял Дмитрий Александрович Жданов, как заведующий кафедрой философии, как ректор педагогического института, как депутат Верховного Совета СССР, как руководитель аспирантурой. Его жизненный мир и бытие-в-мире состояли из весьма разнообразных событий. Ждановское философствование, на заседаниях кафедры, ректората, при обсуждении актуальной тематики развития института, в беседах с учеными и студентами, на мой взгляд, было сосредоточено на основных перспективных смыслах бытия в контексте истины, правды, добра и красоты. Его глубоко-содержательные логические дискурсы всегда имели убедительную теоретическую и практическую аргументацию в форме понятий, эмоциональных образов художественной литературы, фактов истории. Иногда он, как чудесный полемист, умело выстраивал свой диалог, беседы, полемику, и, в этом процессе как бы расшатывал привычные сцепления – понятий и образов присутствующих, чтобы стимулировать возникновение и понимание новых смыслов, целей, идей.

Естественно, возникала интеллектуальная перестройка, по-видимому, связанная с эмоциональным напряжением и безупречными фактами опыта.

Конструктивное влияние Дмитрия Александровича Жданова на развитие научного и философского мышления на начинающих преподавателей и аспирантов, определялось не только глубиной идейного содержания его исследований в области теоретической философии, тематических лекций в аудитории студентов, выступлений на ученом совете на общих собраниях института. Он внес существенный вклад в формирование делового и перспективного стиля научного и учебно-педагогического творчества, в новое понимание путей и способов организации научно-теоретического мышления и роли его в преподавательской деятельности. Его собственная исследовательская и преподавательская деятельность дала образцы настоящего творческого подхода к поиску новых идей в философии, новых подходов в чтении лекции студентам, новых форм организации работы кафедры и института в целом. А его глубокие конструктивно-организаторские формы, идеи и размышления о развитии комплексных исследований института в целом и отдельных кафедр стали основой активизации научной и методической тематики исследований. Одним из центральных методологических вопросов философа-ректора Дмитрия Александровича Жданова представились вопросы об отношении между теорией и совокупностью опытных фактов, научно-педагогическими проблемами и развитием гуманистического мировоззрения студенчества. Широкое и последовательное обсуждение этих вопросов он тесно связывал с вечным противоречием между двумя нераздельными компонентами познания – опытом и мышлением. Дмитрий Александрович настойчиво проводил мысль о том, что, хотя опыт ученого и опыт педагогический есть – начало и конец всех наших познаний и знаний о реальности, но, тем не менее, необходимо на первое место (относительно) ставить изучение новых монографий, статей и их содержанием обогащать научно-теоретическую и педагогическую работу.

Стояла задача изучения научных, философских и педагогических новаций и активно конструктивными формами использовать их в смещении информационного центра в конкретных исследованиях с чувственно-эмпирических предпосылок на анализ их рационально-интеллектуальных оснований. Несомненно, это был важный методологический ход, который обусловил позитивные перспективные успехи в деятельности всего коллектива пединститута.

Профессор Синельникова Л.Н. очень хорошо знала Дмитрия Александровича Жданова. Она многие годы общалась с ним, глубоко

уважала его, стала доктором русской филологии, профессором, и заведующей кафедры русского языка во времена ректорства Дмитрия Александровича. В своей глубоко логико-содержательной статье, посвященной памяти Дмитрия Александровича в контексте языковой личности философа справедливо отмечает: «Философов по призванию не так уж много. Д.А. Жданов принадлежал к их числу. Э. Ионеско говорил: «Нечего философствовать, если ты не великий философ». Сквозь легкую ироничность этой фразы проглядывается главное: хорошая философия – это высокий профессионализм и масштаб личности философа. И эти критерии применимы к Дмитрию Александровичу» [12, с. 34]. Я целиком согласен.

Логико-философская и методологическая работа Дмитрия Александровича Жданова «Возникновение абстрактного мышления» классическая, она является образцом глубокого кропотливого процесса изучения, имеющих на то время, отечественных и зарубежных исследований философов, логиков, психологов, лингвистов. Монография научная, она излагает сложнейшие вопросы истории становления механизма рождения абстрактного мышления. Я обращаю внимание читателя на то, что Дмитрий Александрович анализирует вопросы, «которые не разбирались в ранее вышедших работах или требуют иного решения в свете полученных наукой в последнее время новых результатов» [4, с. 2].

Исторически возникновение мышления, процессы формирования интеллекта – фундаментальная загадка человечества. Ломов Б.Ф. о работе Кликса Ф. «Пробуждающееся мышление» отмечает следующее: «Проблема происхождения человеческого мышления имеет фундаментальное значение не только для психологии, но и для системы научного знания в целом. По своему значению она вполне сопоставима с такими проблемами, как возникновение Вселенной и возникновение жизни на Земле. И она столь же трудна как и эти проблемы» [6, с. 7]. Трансформация форм и видов первобытных мыслительных процессов – это время глубокой и сложной истории эволюции народов. Клод Леви-Строс – автор концепции этнологического структурализма, исследует особенности структурных изменений языка и понятийного мышления. Он отмечает историческую тенденцию «разрастания понятий». Это объективность познания, которая отражает «один из наименее учитываемых аспектов мышления тех, кого мы называем «примитивными». Если оно (это мышление) редко направляется к реальностям того же уровня, к каковым привязана современная наука, то подразумеваются сопоставимые интеллектуальные действия и методы наблюдения ... мир является объектом мысли, по меньшей мере настолько же, как и средством удовлетворения потребности» [8, с. 114-115].

В работе «Возникновение абстрактного мышления» – глава шестая – «Возникновение идеального мышления» имеется фундаментальное положение: «Становившееся постепенно все более гибким и изощренным абстрактное мышление способствовало устранению возможных отклонений от мысленного плана и упорчанию, развитию идеального целеполагания. Идеальный образ цели постепенно усложняется, требуя все большего развития способности абстракции и неуклонно совершенствуясь вместе с ней» [4, с. 128].

По мере восходящего процесса развития абстрактно-теоретических знаний, конструктивного преобразования бытия – опредмечивания субъектом себя в создаваемых сущностях нового бытия – искусственного, все более таинственной и нераскрытой является логико-гносеологическая природа разума и рассудка в аспекте целеполагания чистого разума и чистого рассудка – продуктивного мышления. Эдмунд Гуссерль в этой связи отмечает, что «разум, дающий смысл существующему миру, и его противоположность – мир, существующий лишь благодаря разуму, глубочайшая внутренняя связность разума и сущего, осознанная как мировая проблема «есть с точки зрения универсальной философии, истинного бытия – идеальной цели познания и разума «загадка всех загадок» [3, с. 143]. Так как конечной целью научного разума является постижение (Г. Башляр – «Новый рационализм») и созидательно-гуманистическое преобразование бытия (Н.Н. Моисеев – «Научный рационализм»), то логико-познавательная и практически-конструктивная сущность чистого разума и чистого рассудка должна стать темой глубоких, многоконцептуальных, философских, психологических, кибернетических, педагогических и иных видов исследований.

Состоялся философский дискурс, в котором участвовали Жданов Д.А., Попович М.В., Крымский С.Б., Павлов В.Т., Дученко Н.В. и Яценко А.И. (это все профессора Киевского университета, выступали на республиканской конференции, состоявшейся в институте). Дискурс о наиболее важных философских и научно-теоретических (онтологических) компонентах познания в контексте конструктивно-продуктивной возможности разума и рассудка. Наиболее важным компонентом во всей системе концептуальных предпосылок позиции А. Эйнштейна, называлось условие – «объективных локальных причин». Эта особенность была сформулирована на основе достаточности в форме отдельных суждений. По существу, это условие было тем разумно-рассудочным стержнем, который фиксировал рационально-потенциальную перспективу А. Эйнштейна – основную проблему физической реальности.

Важно здесь сослаться на то, что в основе рассуждений всех участников этой дискуссионной полемики, цитировались идеи И. Канта о

роли разума и рассудка в трансцендентальном выходе к идеальному первичному источнику как начальному абстрацированию – образованию абстракций. Это есть непосредственный процесс мыслительного осознания абстрактно-рационально-теоретической направленности субъекта познания и продуцирования им понятий. Мераб Мамардашвили отмечает: «Мы держим рацию, то есть пропорцию между ненаблюдаемым и невымышляемым. И вот эти *понятия*, говорит Кант, *являющиеся продуктом в нас некоторого духовного воздействия, ни у одного человека не являются наглядными и эмпирическими*» [10, с. 137]. Далее Мамардашвили указывает на то, что Кант открывает «беспредметное мышление», которое есть «Мыслью ...есть Бытие» – определенный образ сознания.

Тематика, акты, формы, методы и структуры абстрактного мышления проблематизация и теоретизация абстрактно-теоретических структур занимали Дмитрия Александровича Жданова всю его жизнь. Он содержательно широко и конструктивно-методологически глубоко истолковал расширяющуюся значимость синергетических процессов развития и связи их с опытными формами естествознания и научно-технической цивилизационной деятельностью. В этом он был чрезвычайно глубоко убежден, ссылаясь на конкретные феномены абстракций И. Ньютона, Г. Галилея, А. Эйнштейна, М. Планка, В. Вернадского, В. Гейзенберга. В своих теоретических медитациях-вариациях, он часто увлеченно цитировал фрагменты работ этих ученых, их историко-познавательные методы и формы развития конкретных абстракций и, естественно, роли их в конструктивизации научных теорий. Наш глубоко уважаемый и почитаемый профессор философии, теоретически связывал естественно-научные идеи-конструкты этих ученых с их философско-мировоззренческими идеями и конкретными концептуальными высказываниями.

Что побуждает нас к размышлению над смыслами Декарта «*Cogito, ergo sum*» и принципа верификации К. Поппера? Какую эвристическую и методологическую роль они имеют для активно-конструктивных процессов развития классической, неклассической и постнеклассической науки? Эти прекрасные разумно-рассудочные слова-принципы, при всей содержательности их тона, в то же время чудовищно сложны по содержанию. Понять их вначале очень трудно. Их необходимо несколько раз перечитывать и по-новому интерпретировать.

Разум и рассудок выражают процессуальный аспект абстрактной мыслительной деятельности – механизм преобразования знаний и процесса познания, т.е. то, как осуществляется теоретический синтез. В этом смысле

разум и рассудок есть аналоги метода познания. Аксиоматические построения математики, как считал И. Кант, а вслед за ним и Гегель, предстают как «чистые» виды мышления. Гегель критикует И. Канта за ограниченное истолкование разума, суть которого в том, что «будто именно разум впадает в противоречие с собой; он не признает, что противоречие как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка» [2, с. 99]. Гегель абсолютизирует разум, математические и естественнонаучные примеры «всесилия» его философской спекуляции вокруг сущности чистого разума. Гегель неправомерно ограничивает синтез теоретического границами разумного, истолковывая рассудок как вспомогательный этап, как несущественную форму становления содержания и структуры абстрактно-теоретического знания. Гегель, противопоставляя разум рассудку, подчас не учитывал особенности противопоставления «рассудок-разум» по сравнению с противоположностью диалектики и метафизики. Можно вследствие этого сделать ошибочный вывод: рассудок – это метафизика, а разум – это диалектика. В этой связи Ф. Энгельс писал, что имеет определенный смысл «гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно» [11, с. 537]. В гносеологическом плане следует отметить, что рассудок тогда становится метафизикой, когда он замыкается в себе, ограничивается его сфера действия, не обращается к разуму. Диалектический процесс мышления не ограничивается действием разума, он развивается и в рассудочной мыслительной деятельности, но в менее отчетливой форме. Абсолютизация разума в пределах взаимосвязи разума и рассудка порождает спекулятивный разум, а абсолютизация рассудка ведет к метафизике. Пары «разумное-рассудочное» и «диалектика-метафизика» не совпадают. Имеются исследования, в которых рассудок и разум трактуется как эмпирическое и теоретическое. Такая позиция (а она ошибочна) позволяет отнести математику, теоретическое естествознание (о которых рассуждали Р. Декарт, Лейбниц и И. Кант) и другие теоретические науки за пределы теоретического.

Продуктивность научных исследований (особенно междисциплинарных) обеспечивает рост разнообразных структур абстрактно-теоретических знаний – философских, естественнонаучных, гуманитарных и научно-технических. Вместе с тем в современной цивилизации возрастает роль сознательной, целенаправленной теоретической деятельности, формы – проектирования, технического и художественного смыслового конструирования, системного моделирования, программирования, прогнозирования, моделей организационно-управленческой деятельности (Г.П. Щедровицкий). На

основе их создается особый логико-познавательный инструментарий – феноменология и методология эвристического моделирования и проектирования искусственно создаваемых предметов и процессов, их идеальных и материальных конструкций. Французский эпистемолог Г. Башляр разделяет действительность на «естественную» и «техническую реальность». Он считает, что в научном мышлении рассуждения субъекта познания об объекте имеют форму проекта и диалектического отношения между «научным феноменом и научным ноуменом», имеющего тенденцию реализации ноумена. «Истинная научная феноменология, – пишет Г. Башляр, – есть в сущности своей феноментехника. Она усиливает то, что раскрыта за поверхностью являющегося. Чудотворный разум рисует свои картины вслед за схемами своих чудес. Наука рождает мир посредством магических импульсов, имманентных реальности, а посредством импульсов – импульсов рациональных, имманентных духу» [1, с. 37].

Новое абстрактно-теоретическое знание не возникает целиком из опыта. Думается, что научное междисциплинарное познание не начинается и из ощущений, оно опосредовано, как правило, различными предпосылками. Хайдеггер считает, что «телесность воспринимаемого не дает первичного понимания реальности» в процессе естественной установки фундаментальных структур бытия. Рассматриваемая «реальность реального», Хайдеггер утверждает, что «... телесность не дает первичного понимания реальности ..., особенно если я понимаю восприятие как простое восприятие вещей, мир уже не доступен в своей полной мировости, в полноте своей значимости, как она обнаруживает себя для озабоченности. В чистом восприятии вещи мир показывает себя скорее в дефективной значимости ..., не достает чего-то, что она имеет и должна иметь в качестве мира; в голом – пока-только взгляде на многообразие вещей изначальности мира наносится какой-то ущерб» [13, с. 229-230].

В онтологии, гносеологии и феноменологии складывается неклассические методологические основы. Их проблемы и структуры познания, по мнению В.А. Лекторского, в «центре многих наук о человеке». Он выделяет такие особенности неклассической теории познания: пост-критицизм, отказ от фундаментализма, субъектоцентризма и наукоцентризма [9, с. 76-79]. Сегодня можно говорить о новых подходах в трактовке процессов познания и получения знаний, моделей абстрактно-мыслительной деятельности. Речь идет о содержательных аспектах эволюционной теории познания К. Лоренца и Г. Фоллмера, «проективной теории познания» Рейхенбаха, «натурализованной эпистемологии» У. Куайна, «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже, экзистенциальном

подходе в исследовании знания, концепции эпистемологической логики и искусственного интеллекта, когнитивной психологии, «информационной эпистемологии» А.И. Ракитова.

Единство разума и рассудка конституирует опыт разумно-рассудочного системно-теоретического междисциплинарного синтеза. Открытие этого вида синтеза позволило не только в мысли, но и практически творить чудеса, которые по своей фантастичности напоминают сюжеты романов В. Беляева «Голова профессора Доуэля» или А. Хаксли «Этот смелый новый мир». Фундаментальный научный поиск и практическая целеустремленность обусловили фантастический прогресс научного знания и техники, разнообразие «экзистенциальных» моделей-гипотез. Современный опыт верифицирует вчерашние утопические идеи литературных фантазий как реальность, например, «призраки евгеники», «ужасы клонирования», «человекоподобные роботы»-андроиды, «суперживотные», «энзимы». Теоретические конструкции биотехнологии, робототехники, микротехники, электроники есть своего рода демонстрации научно-теоретического и экспериментального междисциплинарного синтеза знаний, истинно и иллюзорно-образных понятийных представлений. В сущности это есть определенный технологический подход к знанию и доверие к авторитету разума.

В зоне внимания Дмитрия Александровича, практически всегда, были масштабные идеи, которые висели в воздухе и которые становились неотъемлемым элементом общепринятой и кафедральной мысли. Обсуждались они всегда на начальном этапе признанным авторитетным трио – Д.А. Жданов, Н.Г. Гончаренко и Б.А. Шарпило (в институте третьего называли «ходячая энциклопедия»). К этой кагорте интересных интеллектуалов часто присоединялся Петросян А.А. Эти интеллектуалы задавали идейный тон обсуждению многих проблем истории, философии, литературы, языка, сюжетов жизни и творчества великих философов, ученых, поэтов, писателей. Точкой отсчета была особо-одаренная личность. Интересовали уникальные сюжетные предсказания, пророчества. В 1983 году, я присутствовал при обсуждении творчества М. Твена, фантаста Г. Уэллса, А. Белого, О. Мандельштама и М. Мамардашвили. Зашла речь о содержании уникальности мифов и предсказаний. Профессор Гончаренко Н.Г. – участник Великой отечественной войны, эмоциональный рассказчик исторических сюжетов, произнес поэтические слова А. Белого:

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной лопнувшю бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатобомбой.

В стихах предупреждение о грозящей человечеству беде (гекатобомба – оружие массового убийства), – сказал Гончаренко Н.Г.

Шарпило Б.А. – уникальный рассказчик сказаний, художественно-образных сюжетов, анекдотов, дополнил мыслью о том, что поэт А. Белый слушал курс у естествоиспытателя Н. Умова. Об этом А. Белый написал так:

И строгой физикой мой ум
Перепопнял профессор Умов.

Острые дискуссии достигли вершины в то время, когда зашла речь о сюжетах, содержащих феномены человекообразных творений, произведений Ж. Верна, Г. Уэллса, К. Чапека. Говоря спокойно, уверенно и логически глубоко рассудительно и убедительно Дмитрий Александрович Жданов, изложил свою точку зрения на отдельные фрагменты, а затем особое внимание он сосредоточил на творчестве К. Чапека и И.В. Гете. К. Чапек интересен тем, что в пьесе «RUR» первым употребил слово «робот». («RUR» сокращенное название Rossums Universal Robot – разумный универсальный робот). Слово робот (1920г.) произведено от чешского слова *robot* – «подневольный труд». Следовательно, этот феномен есть свидетельство того, что искусство упредило науку и философию, приблизив, пусть в мечтах время изобретения человекоподобных устройств. Далее Дмитрий Александрович высказал убедительно свое мнение о том, что когда у писателей рождались антропоморфные логико-смысловые конструкции, а ученые еще только собирались их материализовать в металле, дереве, пластмассе, то в умах романистов и поэтов рождалась еще более дерзновенная смыслополагаемая конструктивная мысль – об искусственном мозге. Она возникла в том же XVIII в., что и мысль о роботе. Автор ее И.В. Гете. Свою идею он сформулировал так:

Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

Изложенные примеры и многие другие, свидетельствуют о том, что философско-конструктивный способ мышления исторически присущ не только особо-одаренным, талантливым личностям-философам. Он присущ и поэтам, и писателям, и художникам, и ученым естествознания, и

психологии и другим творческим профессиям.

Личность философа-методолога Дмитрия Александровича Жданова конституировалась событиями жизненного мира педагогического института, области и республики как оптимистическая направленная и творчески уверенная. Под его руководством был создан перспективный реформаторский проект качественного изменения всех форм деятельности института. Много произошло интересных событий. Созданы лаборатории на кафедре физики по «выращиванию» кристаллов, руководил энергичный профессионал, любимец студентов заведующей кафедры физики Ромбах В.П.; лаборатория на кафедре химии по созданию лекарств для борьбы с вредителями хлопка – руководил Шаранин Ю.А. Участие в исследованиях лабораторий принимали аспиранты, студенты, преподаватели. Результаты исследований публиковались в отечественных и зарубежных изданиях, стали основами многих кандидатских диссертаций. В целом в институте стали докторами философских наук Лобас В.Ф., Суханцева В.К., Воеводин А.П., Соловей Я.А., а Исаев И.К. опубликовал монографию к докторской диссертации. Ярких примеров в контексте проекта Дмитрия Александровича можно перечислить десятки. Но более убедительно было бы снять кинофильм, написать книгу о его жизни, творчестве, профессорско-ректорской деятельности и депутатстве.

История науки знает выдающихся исследователей отдельных направлений естествознания, но значительно более редко встречались ученые, которые своей мыслью охватывали все знания о природе своей эпохи и пытались дать их теоретический синтез. Таковы были: Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, Ж.-Л. Бюффон, А. Гумбольдт и крупнейший естествоиспытатель В.И. Вернадский. Следует особо отметить то, что В.И. Вернадский был ученым исключительно широко эрудированным, он всегда был на переднем крае научных и философско-методологических знаний, в своих выводах и обобщениях теоретически заглядывал далеко вперед. Ярким конструктивно-методологическим примером является обоснование понятия «ноосфера» и философско-научной концепции ноосферы. Когнитивной силой смыслового проникновения в тайны бытия и предвидения, изложенных выше уникальных интеллектуалов, является эвристическая и конструктивная сила целеполагания, модальные возможности абстрактно-теоретического разума и его саморефлексии. Но огромное значение, как явствуют индивидуальные высказывания, имеют чисто языковые смысловые комбинации (лексические и грамматические).

Итогом анализа является выводы:

Первый. Конструктивно-методологическая деятельность профессора философии Дмитрия Александровича Жданова обусловила качественные

перемены и перспективы развития кафедры философии и педагогического института в целом.

Второй. Формы и методы Дмитрия Александровича Жданова, его мыслительно-конструктивные дискурсы позитивно повлиявшие на изменения сознания и практической деловитости всего коллектива института (а он был примером), является подлинным образцом личности с большой буквы.

Третий. Прошли десятилетия. Память о личности Луганского философа Жданова Дмитрия Александровича очень светлая, она жива в наших сердцах. Кажется, что откроется дверь, войдет Дмитрий Александрович, приятно улыбнется и скажет ...

В завершении ко всему сказанному процитирую эпиграмму Шиллера, слова, которые часто произносил Дмитрий Александрович Жданов.

Сомнение совести

Ближним охотно служу, но – увы! Именно к ним
склонность.

Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?

Решение

Нет другого пути: стараясь питать к ним презрение
И с отвращением в душе, делай, что требует долг!

(Пер. Вл. Соловьева)

Литература

1. Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987, – 376 с.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук., Т.3 – М.: Мысль, 1977. – 471с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – Вопросы философии. – 1992. №7. – С.137-176.
4. Жданов Д.А. возникновение абстрактного мышления. – Харьков, издательство Харьковского университета, 1969. – 175 с.
5. Кант И. Сочинения в 6-ти томах. – М.: «Мысль», 1964. – Т. 3. – 799 с.
6. Кликс Ф. Пробуждающиеся мышление. У истоков человеческого интеллекта. Перевод с немецкого. Общая ред. Б.М. Величковского. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.
7. Князева Е.Н. Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии // Когнитивный подход. Научная монография. /

ответственный редактор – академик РАН В.А. Лекторский М.: «Канон», РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 227-271.

8. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер. вступл. ст. и прим. А.Б. Островского М.: Республика 1994. – 384 с.

9. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология). – Вопросы философии. – 1999. №8. – С. 72-80

10. Мамардашвили М. Кантианские вариации. – М.: «Агаф», 1997. – 320 с.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – 827 с.

12. Синельникова Л.Н. Философ как языковая личность// Філософські дослідження. Луганськ, 2004. – С. 32 – 46.

13. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск.: Водолей, 1998. – 384 с.

Мандрыка Василий Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 130.2:159

Исаев В.Д.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ДИГИТАЛЬНОМ МИРЕ

В статье исследуются аспекты осуществления духовно-нравственной безопасности человека в связи с появлением новой конфигурации социума. Объясняются некоторые парадоксы бытия личности (в частности, Яго-парадокс, парадокс троянского коня) в связи с растущей доминанцией виртуальности в современном социуме. Предлагается новое понимание виртуальности и ее структуры по отношению к человеку и социуму в целом.

Ключевые слова: *дигитальность, конфигурация социума, виртуальность, якобы-реальность, парадокс виртуса, квазиреальность, Яго-парадокс, мы-интересы.*

Мы не против происходящей в мире цифровизации (сразу оговоримся и договоримся!), мы – за виртуальность, дигитализацию нашей жизни – это все факт нашей жизни, это все – достижения нашей цивилизации, в которой нет обратного хода: все, что возникает в цивилизации, входит неотъемлемой частью в органическое тело нашего бытия. Попутно отметим, что под дигитальным мы понимаем общее обозначение для применения цифровых представлений любых величин в вычислительной технике с помощью электронных устройств. И все-таки... Сегодня все более актуальной в форме жесткой альтернативы «жизнь или смерть» (мир или война!) возникает перед человечеством проблема безопасности как проблема именно жизни или смерти. Джон Кеннеди знал афоризм: Слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», дугой – «благоприятная возможность». Так что опасность, любая, даже возросшая до невероятных

размеров, всегда может уменьшится или вообще ее нам удастся избежать через найденную благоприятную возможность, которая создается и возрастает вместе с опасностью. Так что прежде, чем говорить о все возрастающей необходимости осознать и строить нашу духовно – нравственную безопасность, определимся с теми опасностями, которые возникли сегодня в виртуализирующемся мире как угрозы нашему духовно-нравственному миру.

Прежде всего отметим, что в XXI веке возникла новая конфигурация социума, в котором мы сейчас и живем. Какая? До конца это нам остается непонятным. И тем не менее, чтобы видеть новые угрозы, надо выяснить эти особенности новой конфигурации, необходим системный анализ социума в этой, новой, конфигурации. Чтобы его осуществить, нужны инструменты, адекватные новому качеству социума, нужны, другими словами, новые понятия и новый метод также адекватный этой конфигурации. Если обратиться к анализу одного из центральных понятий в нашей интерпретации проблемы, то мы увидим, что это понятие – «*виртуальное*», и его синонимы – «дигитальное», «цифровое» имеют множество интерпретаций, каждая из которых покрывает только часть анализируемой проблемы. Наиболее разработана концепция виртуальности как главной особенности современного мира Н.А.Носовым, который по праву считается одним из создателей науки о виртуальности – виртуалистики [1]. В его понимании виртуальность рассматривается через оппозицию «виртуальность – «константность». Из этого логически следует важнейшее заключение методологического характера: «Категориальная оппозиция «виртуальный-константный» делает классические категориальные оппозиции «субъект-объект» (и синонимичные ей: «идеальное-материальное», «идеальное-реальное», «телесное-психическое», «объективное-субъективное», и проч.) и «сущность-явление» относительными, поскольку в каждой реальности при соответствующем конструктивном отношении можно найти свои «субъекты» и «объекты», свои «сущности» и «явления». Что, в свою очередь, приводит к заключению о «полионтичности» бытия. И далее – самый важный для нас постулат «Манифеста виртуалистики»: «Полионтичность несовместима с постулатом экстерриториальности, ибо человек не может быть ни просто субстанцией, ни абсолютом, иначе становится бессмысленной сама идея человека. Это означает признание *постулата имманентности* – человек принадлежит тому миру, который он мыслит, в котором действует, который воспринимает и переживает» [2]. Но если человек «живет в таком мире, каким он его мыслит» и только, то тогда понятие виртуальной реальности через

полионтичность снимает в таком случае проблемы нравственности, Абсолюта, классической логики. Мир воспринимается в такой интерпретации в логике шоу. По сути такая картина есть результат релятивистского его видения, что исключает полностью возможность системного анализа виртуальности и виртуализации по отношению к человеку: «...Отсутствие (в современной философии) идеи полионтичности (т.е. множественности субъективных миров) приводит к стремлению построить в пределе единую теорию, модель мира, в которой всё было бы связано со всем. Собственно, ничего плохого в этом нет, надо лишь понимать, что при этом сам теоретик выходит из этой модели и, к тому же, претендует на то, чтобы обладать божественным разумом, что противоречит научной картине мира, поскольку, если бы такой разум существовал, то его тоже надо было бы включить в картину мира, и поэтому возникает необходимость обладать ещё более сложным умом, который бы знал законы божественного разума первого уровня... и так далее до бесконечности». [1, с. 28].

Мы же исходим из того, что *виртуальное не есть реальное*, а виртуальность не обладает в полной мере качеством реальности. На самом деле – это «**ЯКОБЫ** реальное», «**ЯКОБЫ**-виртуальность» в той мере, в какой качество реальности может существовать в виде «якобы-реальности». Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что сегодня роль и значение частицы «якобы» все время усиливается во всех формах коммуникации. Например, существует так называемый «когнитивный эффект каскада доступной информации». – Когнитивное искажение, которому обязаны успехом все идеологии мира: коллективная вера в идею становится намного более убедительной, если эту идею постоянно повторять в публичном дискурсе. «Мы часто сталкиваемся с ним в разговорах с бабушками: многие пенсионеры уверены в правдивости всего, о чем достаточно часто говорят на телевидении. А вот новое поколение, скорее всего, почувствует этот эффект через фейсбук», – так писал корреспондент *Latifjornal* еще 2014 году [3]. Сегодня это звучит во много раз актуальнее, чем даже в 2014, поскольку виртуальная реальность позволяет тиражировать и доносить без труда ту или иную (любую!) информацию, совершенно не считаясь с наличием объективной истины и объективной реальности. Как известно, частица *якобы* указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности, когда она употребляется для присоединения придаточной части сложноподчинённого предложения и указывает на то, что эта часть содержит сообщение, *которое говорящий не признаёт своим и за его достоверность не отвечает*. Все большее доминирование в нашем мире

виртуальности рождает как раз необходимость сомнения как спутника нашего мышления в достоверности характеризуемых нами обстоятельств нашего бытия – как в достоверности наших представлений о сути вещей, так и достоверности наших представлений о качествах людей, нас окружающих. Однако парадокс виртуальности состоит в том, что, «якобы реальность», возникая в качестве виртуальной на основе осознанного сомнения в ее подлинности тут же усыпляет наши собственные сомнения. Чем сильнее сомнения, тем легче и охотнее мы их усыпляем через воспроизведение виртуальной реальности. Мы предлагаем этот парадокс обозначать как *«парадокс виртуса»*. Суть его состоит в том, информация в виртуальной форме производит над личностью непроизвольное гипнотизирование и программирование на тот или иной императив, который скрыт в этой информации и который содержательно модифицирует наше целеполагание на основе такого самогипноза и самопрограммирования, когда настороженность сомнения усыпляется подсознательным «якобы», лежащем в основе виртуальности. Человек сегодня все более целеполагает и целереализует в виртуальном – якобы реальном – пространстве. Если в довиртуальную эпоху человек в качестве субъекта сохранял личностные свойства хотя бы имплицитно через овеществление себя в артефактах: «Все то, чего коснется человек, приобретает нечто человеческое», – писал поэт, то в эпоху виртуализации возможности реализовать свои личностные качества резко уменьшается, если совсем не сходит на нет! В эпоху глобализации СМИ, когда сто тысяч переживают реально, вещественно трагедию теракта, торнадо или землетрясения, миллиарды людей, наблюдая ее виртуально, виртуально же ее и переживают, не используя и не растрчивая своих личностных ресурсов, – такие виртуальные страдания, характерные для нашего времени, не формируют, а разрушают, усыпляют реальную способность к страданию и состраданию. Есть разница между реальным распятием на кресте и виртуальным сосраспятием.

В этом случае нарастает опасность трансформации культуры в ЯКОБЫ-культуру, в квазкультуру, а это, в свою очередь, ставит под угрозу существование человека как личности [4]. Так что процессы виртуализации по мере нарастания требуют все большей заботы и все больших сознательных усилий по сохранению культурного пространства и иммунизации против квазкультуры. Это возможно только в том случае, если главным исполнителем такой работы станет православная Церковь, а православие – субъектом культуры. Никакая государственная, экономическая, производственная и иная цивилизационная активность не может не только строить, но и сохранять культурное пространство как

пространство именно личностного бытия человека. Православие, как центр культурного пространства всегда опирается на синергичную трансцендентную энергию и помощь Христа, который есть и любовь, и Личность. «Призрачно все в этом мире бушующем», – поется в одной песне. Но мир бушует сам по себе, остановить это бушевание, пока какой-нибудь пьяный кучер не сбросил наш мир в пропасть, можно только через культуру, жизнь которой придает православие. Появление человека виртуального (*Homo virtus*), когда в социуме расширяется виртуальный сектор, означает, что человек как личность вплотную подошел к точке невозврата. Чем больше вещей в этом бушующем мире становятся виртуальными, тем меньше личностного остается в человеке (другая форма проявления «парадокса виртуса»!). Впереди только технический прогресс виртуальным человеком и квазикультурой. Противостоять такой тенденции может только человек стоящий в поле Традиции – человек верующий, человек православный.

Таким образом, отметим главное – квазиреальность стала ведущей в наших жизненных обстоятельствах, ею сегодня пропитана вся реальность, вытравливая из нее всякую возможность воспринимать реальность как объективную реальность. Именно в этом, по нашему мнению, и состоит новизна конфигурации современного социума.

Квазиреальность существует и (вольно или невольно) создается в двух видах:

– во-первых, как квазиреальность, обслуживающая квазикультуру, которая, в свою очередь эффективно в силу своей природы поддерживая цивилизационные процессы и цивилизационные отношения через виртуальность этих отношений;

– во-вторых, как квазиреальность, обслуживающая квазичивилизацию, которая, в свою очередь, в силу своей природы поддерживает культуру в целом и все ее составляющие процессы и отношения.

В первом случае речь идет о виртуальности, работающей на цивилизацию, когда во всех отношениях обязательно присутствуют субъект-объектные отношения: Я-цель, производящий или конструирующий виртуальную реальность «под себя, свои интересы» и Другой как объект, потребитель этой реальности. Во втором случае и Я и Другой – оба являются субъектами. Нам кажется, что в этом смысле разведения понятий «информация» и «коммуникация», предложенный В.М. Немчиновым [см. 5]. Коммуникация предполагает взаимный интерес, обмен якобы реальностью в поисках возможностей выражения подлинных (культурных) ценностей и путей разрешения взаимных проблем и интересов. Информация более прагматична, она производится с целью

принудить объект к определенному образу мышления и определенным поступкам на этой основе. По сути это цивилизационный способ принуждения другого силой нематериального, т.е. квазиреальности.

Так что главная опасность цифровизации нашего бытия кроется в материальны и нематериальных, реальных и квазиреальных процессах и их результатах, связанных с производством и потреблением информации. При таком подходе совсем по другому воспринимается афоризм «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Это «владение» состоит в том, что информация воспринимается как факт настоящего, в смысле сиюминутного фрагмента нашего существования, ни как не связанного ни с прошлым нашим опытом, ни с будущим. Информация в смысле квазиреальность (виртуальность) фрагментирует пространство и время как способ нашего существования – происходит «утрата связности существования человека во времени» [6]. Цифровой мир становится для нас все более убедительным. Эта все возрастающая убедительность (при одновременном забвении истины существования объективной истины) зиждется на основе «казуса Яго». Ведь Яго как воплощение зла и цивилизационных отношений на основе зависти и ненависти к счастью Отелло и Дездемоны выдает провокационную информацию о том, чего нет на самом деле – так сказать, информацию о якобы измене Дездемоны, создает убедительную и более реальную, чем сама реальность, квазиреальность, создает виртуальную картину неверности Дездемоны – то чего нет. Но это «то, чего нет», в действительности приводит к гибели и Отелло, и Дездемоны – этого воплощения сути культуры в ее бытии по отношению к человеку. В обстоятельствах господства цивилизации в форме доминирования квазикультуры (провокативность – одна из важнейших ее сущностей) цивилизация вместе с квазикультурой уничтожает культуру, создавая информацию как квазиреальность. Казалось бы, что самым действенным орудием борьбы с этой опасностью цифровизации является известный принцип «подвергай все сомнению». Однако не все так просто с этим принципом, ибо его последовательное применение в крайней точке приводит к скептицизму, затем к недоверию, затем к отрицанию веры и, наконец, – к атеизму [7]. По нашему мнению императив «сомневайся» в этом принципе направлен не во вне – на объективную реальность, а во внутрь, к своему внутреннему человеку: не сомневаясь в объективной истине и объективной реальности, сомневайся в том, что ты правильно, истинно ее понимаешь. Информация как способ познания стоит как раз вне оппозиции «истина-ложь», поэтому она может быть и тем и другим. Только в коммуникации (когда возникает другой как Другой) правомерна не только постановка проблемы сомнения, но создаются условия ее

разрешения через обращение к успешному опыту Другого, то что называется практикой. Не случайно говорится «Опыт и практика – великое дело». Коммуникация в указанном нами смысле Другого не ставит под сомнение и не выключает его из сферы нравственных отношений, тогда как информация, особенно в виртуальном мире как квазиреальность предполагает любую возможность создания любой реальности вне всяких норм, правил и традиций, для квазиреальности «великим делом» является провокативность и обман, если она выпала из рамок объективности и моральности.

Наиболее ярко эта сторона виртуальности проявляется в том, что мы бы назвали *«казусом Троянского коня»* – это когда созданная с целью обмана виртуальная реальность облакает информацию в формы более похожими на объективную реальность, чем сама реальность. Именно в этом случае вирус разрушения беспрепятственно проходит сквозь барьеры всех сомнений.

Есть только один путь движения к истине – это путь движения к Истине, путь Истины, Истинный путь («Я есмь истина и путь», – говорит Христос). Этот путь осуществим через культуру, которая есть опыт познания смыслов, запечатленных в Святом писании. Все иное, что по инерции называется культурой, есть вавилонский путь достижения единства, который переводит в конце концов жизнь человека в поле квазикультуры и оканчивается разделенностью и увеличением разнообразия и неопределенности. По нашему мнению, культура – это пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с альтруизм-центром «мы», обслуживаемым цивилизацией и разворачивающийся в логике вечности.

Пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с егоцентром-«я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с логикой истории, мы называем цивилизацией.

В предлагаемом нами подходе, конечно, неизбежно теоретическое разведение цивилизации и культуры, но это такое разведение, которое не содержало бы желания обнаружить и закрепить теоретически в них контраверзу. Цивилизация и культура, как мы их здесь рассматриваем, – это способ в сегодняшних исторических обстоятельствах поставить вопрос: что такое человек, если его рассмотреть в обстоятельствах единства цивилизации и культуры. Цивилизация и культура – это два измерения жизненного пространства человека, ковер ее жизни, где уток – цивилизация, а основа – культура. Изготовление такого ковра – это жизнь каждого конкретного человека (личности, персоны): различные узоры –

один ковер. Эта работа (жизнь!) делает бытие человека внутренне противоречивым в этом единстве, делает человека существом активным и мотивированным стремлением как-то разрешить противоречивость. Цивилизация и культура – это наша и нам данная данность, как два полушария человеческого мозга или Земли, как вдох и выдох, как Ветхий и Новый Заветы.

Любая практическая проблема в рамках целесообразной деятельности человека и ее целей, и получаемых результатов может быть разрешена в сторону более эффективного и оптимального решения только после ее предварительного осмысления с помощью соответствующих категорий или понятий, а лучше всего, – после ее предварительного теоретического осмысления.

Зная структуру опасности, угрожаемой личностному опыту существования человека как человека творческого, цивилизационного и культурного в единстве этих его качеств, можно говорить и о том, как ввести безопасность в ткань ежедневного опыта нашей жизни. В имеющейся литературе понятие «**безопасность**» поражает своей многозначностью, а видов безопасности описан уже не один десяток, которым противопоставлен еще более удлинённый список угроз. Обычно основными аспектами или сторонами феномена социальной безопасности являются: отношения государства и общества, антикоррупционная борьба, вопросы безопасности государства, рынок коммерческих услуг безопасности, а также экологическая, этническая и техногенная безопасность. Как видим, психологические и философские аспекты исследования данной проблемы крайне редки. Редкое исключение здесь составляют несколько работ, диссертаций да конференций. Традиционно безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надёжность», и сегодня она чаще всего трактуется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности». Такая трактовка понятия сохранилась и до настоящего времени, на ней и формировались как доктрина национальной безопасности, так и методологические основы общественной безопасности. Так уж повелось в науке, особенно в социальной, что самые привычные термины, самые традиционные понятия труднее всего поддаются анализу. Они кажутся само собою разумеющимися, а когда начинаешь их использовать в качестве инструмента анализа, оказывается, что этот инструмент никуда не годен. Не известно, как его применять. Примерно это произошло со словом «безопасность». Итак, прямое значение этого слова, означает состояние, когда какому-то объекту ничего не грозит, ничего не угрожает, ни с внешней, ни с внутренней сторон. Нет никакой опасности.

Но так в жизни не бывает, потому что любой объект находится в движении. Между тем, выходит, что отсутствие всякой безопасности означает, что этот объект должен существовать устойчиво и вечно или, по крайней мере, очень длительное время. – Отсутствие всякой опасности приводит систему к вечной стабильности! Нет опасности – значит, ничего не происходит. В этом смысле, в абсолютной безопасности находятся Эверест или Марианская впадина.

Безопасность имеет много аспектов: политическая, экономическая, физическая, биологическая, но основой существования личности является духовно-нравственная безопасность, в основе своей – это организация жизни и деятельности человека и общества с целью защиты их жизненно важных интересов с учетом вероятных внутренних и внешних угроз. Есть только две стратегии в жизни человечества – либеральная и демократическая. Слова эти затерты от частого политического употребления, поэтому лучше сказать так: либеральное, которое, в сущности, обозначает эгоизм и демократическое, которое, в сущности, обозначает социализм. Либо Я-интерес, либо МЫ-интерес. Есть только две модели строительства безопасного социума: либо через «Я-интересы», а значит через информационные технологии и либо через «Мы-интересы». Осуществление безопасности через «Я-интересы» может быть только силовым. Безопасность обеспечит то «Я», которое наиболее сильно, наиболее грубально, наиболее безнравственно. Безопасность через «Мы-интересы», осуществление «Мы-интересов» сразу ставит проблему стержня – вокруг чего объединяется «Мы». И здесь временные показатели – материальные ценности. Они создают безопасность этого образования до поры до времени. Примером являются банды, бандформирования. Они заботятся о собственной безопасности, пока кто-то из них не займет ведущее положение или захочет занять ведущее положение, поэтому осуществление модели «мы-безопасность» должна осуществляться не вокруг временных и не вокруг материальных интересов, а вокруг идеальных и вечных интересов. А такими являются духовные ценности, применительно к нашему социуму – это христианско-православные ценности. Механизмы такой безопасности находятся внутри человека и имеют своей основой культуру в нашем понимании этого слова.

Литература

1. См., например: Носов Н.А. Манифест виртуалистики. – М.: Путь, 2001. – 17 с. – (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15. http://www.virtualistika.ru/vip_15.html).
2. Там же.

3. Постоянный адрес: [Электронный ресурс] – URL: <https://tiina.livejournal.com/5132268.html>.

4. Впервые подробно мы эту проблему рассмотрели в работе: Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. – Луганск: Світлиця, 2003. – 188 с.

5. Журнальный клуб Интелрос «Focus» – №3, 2017 : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/focus/fo3-2017/33599-kommunikaciya-i-informaciya-antropologicheskaya-dialektika-nachala-xxi-veka.html>

6. Юрий Пахомов. Грозит ли нам цифровое расчеловечивание? : [Электронный ресурс] – URL: http://spkurdyumov.ru/digital_economy/grozit-li-nam-cifrovoe-raschelovechivanie/.

7. См. например, глубокую статью, иллюстрирующую это: Юрий Семенов. Идеологическая мода в науке и скептицизм : [Электронный ресурс] – URL: http://scepsis.net/library/id_313.html/.

Isaev V.D. SECURITY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE MODERN DIGITAL WORLD

The article examines the aspects of the implementation of spiritual and moral security of man in connection with the emergence of a new configuration of society. Explains some of the paradoxes of being a person (in particular, It is a paradox, the paradox of the Trojan horse) in connection with the growing domination of virtual reality in modern society. A new understanding of virtuality and its structure in relation to man and society as a whole is proposed.

Key words: *digitalnet, the configuration of the society, virtuality, ostensibly a reality, the paradox of Virtus, quasirealistic, Iago's paradox, we-interests.*

Исаев Владимир Данилович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются базисные основания формирования ценностей, которые должны анализироваться в культурно-историческом контексте. Нравственные нормы и постулаты, выработанные человечеством, являются базисом, на котором формируются ценности. Основным критерием воспитания и образования современной российской молодежи выступают духовные ценности. Теологическое образование может и должно помочь в преодолении духовного кризиса общества и вывести на новый уровень духовно-нравственного воспитания личности

Ключевые слова: традиционные ценности, теологическое образование, воспитание, личность, духовный кризис.

Еще в начале 90-х годов XX века известный мыслитель Френсис Фукуяма провозгласил «конец истории». Согласно этой идее человечество уже достигло своего пика в развитии и поэтому ему ничего не остается, как распробовать свои либеральные ценности по всему миру. Результаты этой политики и мировоззренческой установки мы можем все вместе сегодня наблюдать. Следование базисным, универсальным либеральным ценностям не сделали человечество более счастливым, а мир стал еще более непредсказуемым. В современном обществе все более явно выстраиваются проблемы, связанные с духовной безопасностью личности и общества. Это не в последнюю очередь связано не только с кризисом ценностных парадигм, но и с развитием информационного общества, диктующего свои законы формирования ценностных ориентаций, как всего общества, так и отдельных личностей, связанных реформированием экзистенциальных характеристик бытия. В ситуации усложняющейся общественной жизни, личность становится объектом разнообразных влияний и либеральных ценностных установок, что формирует основу для трансформации социальных, культурных, политических, духовных основ личностной самоидентификации. Важнейшим элементом анализа становится не только национальная безопасность, но и духовная безопасность личности. Исследователи считают, что данное понятие находится в стадии становления. Необходимость его введения в научный оборот связана, в первую очередь, с необходимостью стабилизации общества и сохранения национальной, культурной идентичности.

Поэтому роль духовно-нравственных ценностей в обществе становится все более очевидной. Основным принципом, характеризующим высокий уровень духовно-нравственной культуры выступает наличие в обществе нравственных установок, дающих возможность человеку приобщаться и делать своими внутренними установками традиционные ценности, выступающие базовым элементом духовной безопасности личности.

Необходимо иметь в виду, что ценности должны осмысливаться, по выражению Святейшего Патриарха Кирилла, в культурно-историческом контексте, и не подвергаться давлению определённых политических сил, считающих себя высшим авторитетом. Нравственные нормы и постулаты, выработанные человечеством, должны выступать тем базисом, на котором формируются ценности.

В связи с этим, можно вспомнить о «золотом правиле нравственности», которое на языке Евангелия звучит так: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6:31). Поэтому, только те общие ценности человека, которые опираются на его совесть, не могут быть идеологизированы или политизированы, и способны составить нравственный консенсус человечества, невзирая на его многоконфессиональную принадлежность.

Сегодня в России формируется единая общенациональная идея, которая будет объединять народы и поколения в рамках единого государства, на основе не сытости, а на основе духовности общества. Митрополит Илларион в одном из своих выступлений справедливо выделил мысль о том, что только общество, которое имеет систему устойчивых ценностей, является жизнеспособным и может развиваться.

Наша государственность изначально соилась на основе Православия, которое стало основой духовно-культурного кода России. Ценности, заложенные в нем, прошли проверку временем и испытаниями, выпавшими на долю русского народа. Для возрождения духовности и православной культуры потребуется еще немало усилий.

Исходя из этого, мы должны укреплять прочную духовно-нравственную основу общества, где определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодёжной политики, которые являются для нашего общества полем для формирования нравственно гармоничного человека, ответственного гражданина России. На сегодняшний день религиозная традиция для многих наших соотечественников, которые семятся не только к материальному благополучию, но и к обретению устойчивой системы и иерархии ценностей, становится все более значимой.

Современные российские социологи, философы и теологи отмечают,

что наиболее разрушительное воздействие атеистической идеологии в XX веке испытала на себе российская культура. Это в свою очередь привело к отчуждению от религиозной традиции и Церкви миллионов людей. И поэтому сегодняшнее время современный философ А.С. Панарин охарактеризовал как «эпоху предельной порчи человека». Но вместе с тем, сегодня быسو растет число людей, исповедующих православную религиозную веру.

Еще в 2015 году была принята «Сатегия национальной безопасности Российской Федерации», в которой немалое место отводится духовной безопасности, и в которой говорится о возрождении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, способствующих объединению общества и благодаря которым может формироваться фундамент Российской государственности, межнациональное единство, мирное сосуществование нашего многоконфессионального общества, а также возрождение патриотизма и уважение традиций. В этом документе совершенно четко определяются эти самые ценности, к которым относят верховенство духовного над материальным, ценность человеческой жизни, ее свобода, справедливость, милосердие, нормы морали и нравственности, семья и т.д. Следовательно, государство четко формулирует те узловые точки нашей жизни, которые являются национально значимыми и отсутствие которых может угрожать национальной и духовной безопасности саны. Президент Российской Федерации в своем Приветствии участникам XXVI Рождественских чтений отметил: «именно незыблемые духовно-нравственные идеалы, традиции патриотизма и гражданственности на протяжении веков скрепляли наш народ, задавали жизненные ориентиры, помогали сани двигаться вперед, по пути прогресса» [1].

Основным критерием воспитания и образования современной российской молодежи в деле формирования духовной безопасности выступают духовные ценности, которые являются в иерархии ценностей на высшей ступени и формируют целостную систему этих самых ценностей. Важнейшей составляющей этого процесса является возрождение светского теологического образования в России, которое является необходимым фактором сохранения наших традиционных духовных ценностей, без которых невозможно подлинное возрождение России.

Теологическое образование может и должно помочь в преодолении духовного кризиса общества и вывести на новый уровень духовно-нравственного воспитания личности. Как неоднократно отмечал Святейший Патриарх Кирилл, теология в вузах – это культурный императив для общества, которое долгое время было практически

отчуждено от религии как особой сферы человеческого бытия.

В последнее время происходят существенные изменения в статусе теологического образования, прежде всего, признание его научного статуса. Митрополит Илларион отмечает: «Признание научного статуса теологии соответствует современному мировому опыту и стратегии интеграции отечественной науки в мировое научное сообщество. Но важно, чтобы теология стала открытой к общественным и социальным проблемам, решаемым в нашей стране, а ее роль в общем научно-гуманитарном просвещении полноценно использовалась для развития межрелигиозного диалога и сотрудничества» [2]. Теология вошла в список научных специальностей Высшей Аттестационной Комиссии РФ, и совсем недавно были открыты 2 диссертационных совета по защите диссертаций по направлению Теология, а также был создан Экспертный совет ВАК по теологии. Все это говорит об изменении отношения в обществе к теологии, как таковой, и к теологическому образованию, в частности.

Светские вузы (институты, академии, университеты) накапливают интересный опыт по формированию духовно-нравственной культуры молодого поколения. Прежде всего, в духовно-нравственной культуре отношение к Богу, вере показывает степень ее религиозности. По меткому выражению И.А. Бунина: «Только тот народ силен, который религиозен».

Смысл и назначение ВУЗов в России состоит, прежде всего, в подготовке высококвалифицированных специалистов, а также в возможности и необходимости противостояния негативным воздействиям внешней среды.

Поэтому вузы занимаются не только просвещением и образованием молодежи, но и прививают им чувства патриотизма, любви к своему Отечеству, милосердия, сострадания, чести и достоинства, словом, все то, что составляет основу духовно-нравственной культуры, как преподавателей, так и студенческой молодежи. Ведь не секрет, что именно в студенческом возрасте формируется система устойчивых ценностных ориентаций и набора тех социальных потребностей, которые будут базовыми в их жизни. Во многом это относится и к формированию ответственной позиции по созданию семьи, что является сегодня своеобразной лакмусовой бумажкой выбора определенной системы ценностей.

В свое время К.Д. Ушинский в своей статье «О пользе педагогической литературы» писал: «Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений» [3, с.169].

В связи с этим, нельзя не согласиться со словами русского философа

И.А. Ильина, который считал, что педагог «должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить его в детях, укреплять и развивать» [4, с. 196]. Игумен Киприан в ряде своих статей и в личной со мной беседе говорил о важнейших качествах преподавателя, к которым он относил высокий уровень духовности, целомудрие, воздержание и др. От этого во многом будет зависеть успешность учебного процесса [5].

В Белгородском государственном национальном исследовательском университете накоплен достаточно интересный опыт по духовно-нравственному воспитанию и образованию студенческой молодежи.

В 2016 году социально-теологический факультет им. Митрополита Московского и Коломенского отметил свое 15-летие. Все эти годы кафедра философии и теологии выполняет функцию центра духовно-нравственного воспитания студенчества. На всех факультетах нашего университета ведется преподавание общих курсов по теологии «Основы православной культуры и «История мировых религий». Как показывает опыт, далеко не всех вузах саны уделяется такое внимание духовно-нравственному образованию. Благодаря поддержке губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна и ректора нашего университета О.Н. Полухина у нас появилась возможность получения бюджетных мест для набора абитуриентов по направлению «Теология» и преподавания всех гуманитарных и общественных дисциплин на высоком академическом уровне. Усилиями преподавателей нашей кафедры мы открыли два новых профиля: по направлению «Теология» – «Государственно-конфессиональные отношения» и по направлению «Философия» – «История отечественной философии и культуры», а также готовится магистерская программа «Христианская антропология».

Все эти усилия направлены на сохранение и преумножение тех духовных ценностей, которые дадут возможность молодым специалистам противостоять прагматизму и меркантилизму современного общества. В свое время Патриарх Кирилл говорил о том, что необходимо противостоять моральному релятивизму, т.е. такому положению дел, когда все дозволено. Необходимо понять, отмечал он, что для этого нужна система защиты добра, которая могла бы обеспечить не только свободу выбора, но и свободу от зла.

Святитель Иоасаф, покровитель Земли Белгородской, отмечал, что духовное обогащение человека формирует в нем личность для общества. Но формирование духовной культуры личности является процессом длительным и сложным. И поэтому, нельзя расслабляться, иначе, по

мнению Святейшего Патриарха, «нужно помнить: чтобы сохранить самого себя, чтобы не превратиться в мягкий пластилин, из которого кто-то будет лепить всё, что хочет, нужно очень внимательно относиться к своему внутреннему состоянию – духовному и интеллектуальному. Вот почему я глубоко убежден, что на нынешнем этапе развития цивилизации особенно важен религиозный фактор, потому что он мобилизует человека» [6].

Еще в 1937 году в работе «Основы христианской культуры» И.А. Ильин предостерегал будущие поколения о том, что человек, в душе которого образовалась «безбожная пустота» все больше отходит от вечных истин христианства, тем самым и от своей собственной культуры, которая на них основана. Как мы видим, Ильин обеспокоен тем, что отречение от национальной культуры ведет к деградации личности. Поэтому понимание мира сквозь призму духовных ценностей, дает молодым людям духовную опору, основание своей собственной жизни

Литература

1. Путин В.В. Приветствие участникам и гостям XXVI Международных Рождественских образовательных чтений «Нравственные ценности и будущее человечества» : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5135933.html>. (Дата обращения 14.04 2018)

2. Митрополит Илларион. Теология в современной России: становление отрасли / Митрополит Илларион : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4934526.html>. (Дата обращения 3.11.2017)

3. Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы / К.Д. Ушинский / Педагогические сочинения: в 6т. – Т.1 / сост. С.Ф. Егоров. – М., 1988. – С. 169.

4. Ильин И.А. Русский учитель / Опыты православной педагогики / И.А. Ильин. – М., 1993. – №5-6. – С. 196.

5. Игумен Киприан. Воспитание добродетелей./ Игумен Киприан. – М., 2014.

6. Святейший Патриарх Кирилл. Патриарх пожелал молодежи не превращаться из-за комфорта в «кисель» или «пластилин» / Святейший Патриарх Кирилл. : [Электронный ресурс] – URL: <https://foma.ru/patriarh-rozhelal-molodezhi-ne-prevrashatsya-iz-za-komforta-v-kisel-ili-plastilin.html> (Дата обращения 3.11.2017)

Lipich T.I. THE ROLE OF TRADITIONAL VALUES IN SUPPORT OF SPIRITUAL SECURITY IN THE HIGH SCHOOL

The article deals with the basic grounds for the formation of values,

which should be analyzed in the cultural and historical context. Moral norms and postulates worked out by mankind are the basis on which values are formed. The main criteria for the upbringing and education of modern Russian youth are spiritual values. Theological education can and should help in overcoming the spiritual crisis of society and bring a new level of spiritual and moral education of the individual

Key words: *traditional values, theological education, upbringing, personality, spiritual crisis.*

Липич Тамара Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ», г. Белгород, РФ).

УДК 235.3

Ильченко В.И., Сороковиков А.С., Токмачева М.А.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ ЦАРЯ-ХОДАТАЯ КАК ОБРЕТЕНИЕ ЛИКА ЦАРЯ-ИСКУПИТЕЛЯ

*Править народом может любой.
Но умереть за народ может только Царь.
Св. Иоанн Златоуст*

*Россия возродится лишь тогда,
когда в душе русского человека
вновь появится алтарь для Бога
и престол для царя
Иван Ильин*

Несмотря на то, что история Руси знает немало примеров святых властителей, жертвенный поступок последнего российского императора Николая II и его семьи до сих пор остается предметом неоднозначного отношения не только в социуме, исторической науке, но даже в церковной среде. Преградой в осознании высоты царского подвига для многих является его отречение от престола, вызывающее самые разные реакции: от обвинения государя в нерешительности и противозаконных действиях до предположений о том, что отречения не было как такового. Так кто же государь – мученик-страстотерпец или ходатай и искупитель пред Искупителем, Иисусом Христом, за люди своя?

Ключевые слова: царь-искупитель, ходатай, Эпоха искупления, иерархичность искупления, диалектика категорий «Искупитель – искупитель».

В 1917 году, вскоре после февральского переворота, Святителю Макарию Невскому, отстраненному с Московской кафедры Временным правительством за несоответствие «духу времени», было чудесное видение об императоре: среди поля стоит Николай II, окруженный множеством народа, и своими руками раздает ему манну. Незримый голос в это время говорит: «Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен!» [1, с. 71].

К сожалению, большинство историков и государствоведов не желают признавать мистико-метафизическую обусловленность некоторых социальных процессов, а потому теологическое толкование царской власти находится для них за гранью понимания. Здесь проявляет себя смысловой разрыв, который может быть устранен лишь принятием того, что царская власть есть «та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией» [4, с. 49]. А потому образ, онтологию, судьбу Николая II может понять только человек православно верующий. Без выяснения и учета мистической стороны эпохальных событий начала XX века невозможно тему отречения от престола последнего российского императора и его жертвенного подвига воспринимать целостно, рассмотреть за иррациональностью ее великий метафизический и провиденциальный смысл.

Став духовной преемницей Византии, Русь восприняла от нее чин миропомазания и венчания властителя на царство, берущие свои корни из Ветхого завета и знаменующие ниспослание Святого Духа для выполнения возложенной миссии, превосходящей человеческие силы и возможности. По традиции, чин венчания на царство входил в литургический контекст, сопровождался личной молитвой монарха к Господу и священным таинством миропомазания на царство, которое символизировало переход царствующей особы в новое, сакральное качество, отличное от простого мирянина [23, с. 31-36]. Царь отныне становился *земным «христом»* (от др.-греч. *χρῖσματος* – «помазанник») своего народа и *ходатаем* за него перед Царем Небесным. Ни один человек в государстве, кроме монарха, не удостоивался второго миропомазания (над прочими это таинство исполняется единожды – при крещении). Завершалась церемония приобщением Святых Таин, которое новый властитель совершал в алтаре, уже не как мирянин, но как священное лицо. При венчании на царство русские государи давали крестное целование в знак преданности Богу и ответа перед Ним за своих подданных.

В 1613 году русский народ, измученный польским игом, сподобился

дать «Соборный обет» на верность самодержавным царям из Дома Романовых до скончания века. Всенародная присяга, принимаемая на государственном уровне и налагающая моральную и юридическую ответственность на каждого подданного Российского государства, представляла собой торжественную и одновременно страшную клятву, нарушение которой являлось не просто преступлением против власти, но и тяжелым грехом: любой, выступающий против данного постановления, «да проклянется в сем веке и в будущем, и отлучен будет от Пресвятой Троицы» [20, с. 374]. Попраение этой Соборной клятвы началось, однако, практически сразу же после ее декларации, как представителями низших сословий, так и самими членами Царского Дома [17, с. 17]. Несмотря на общее благочестие русского народа и в целом почтительное отношение к власти, неверность Дому Романовых проявлялась в самых различных формах: от небрежения о келейной молитве за царскую фамилию до покушений на царственных особ и заговоров против самодержавия. Каждое отступление капля за каплей наполняло общую чашу предательства, подтверждая пророческие слова Авеля Тайновидца: «...измена же будет расти и умножаться...» [5]. Когда же чаша переполнилась, а отношение к царской власти перешло в фазу открытого неповиновения и вероломного разрушения монархии, Господь, желая спасения русскому народу, послал ему искупителя этого греха в лице царя Николая II, который принес себя в добровольную жертву в уподобление Христу и избавил русский народ от довлеющего над ним зорока.

Тема искупительного подвига последнего императора поднималась такими современными исследователями, как В. Кузнецов, Р. Зеленский, П. Мультигули, Ю. Воробьевский, прот. А. Шаргунов и др. О том, что царь земной является иконой Царя Небесного, писали и святые отцы Церкви. В сочинениях Максима Грека находим следующее пояснение: «Что есть царь? Царь бо ничто же ино есть, разве образ живой видим, сиречь одушевлен самаго Царя Небеснаго» [21, с. 158]. Святитель Димитрий Ростовский также, называя христианского монарха «живым образом и подобием Христа Царя, живущего на небесах», указывает на единство образа и Первообраза и проводит аналогию между Церковью Торжествующей и воинствующей, Царем Небесным и царем земным: «Как Тот положил душу Свою за Церковь Свою, которую приобрел ценой Крови Своей, так и этот не щадит души своей за Его, Христову, Святую Церковь» [18, с. 574]. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что царь-помазанник является земным «христом», т.е. он есть «христос» Господень по благодати. Так, «временное» и «тленное» царя земного, подобно микрокосму, отражало, сливалось, соприкасалось с «вечным» и

«божественным» Царя Небесного и содержало в себе в общем виде разгадку макрокосмоса.

С момента крестной смерти Христа, положившей конец Эпохе Закона, главной мировоззренческой парадигмой для ищущих спасения стало подражание Совершенному Богочеловеку: «Научитесь от Мене...» (Мф 11:29), «Будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш Небесный» (Мф 5:48), «Бывайте убо подражатели Богу...» (Еф 5:1) и т.д. Абсолютная Искупительная Жертва Иисуса Христа, будучи необходимым условием для победы над первородным грехом, в который впало всё человечество, задавала и высшую иерархическую планку образца для подражания. Таким образом, была открыта новая страница в человеческой истории, или точнее – новая глава, которую можно обозначить, как **Эпоха Искупления**. В результате Жертвы Спасителя жизнь верующих во Христа обрела новую доминанту, она приняла *искупительный характер*. Теперь и молитва, и жизнь во Христе, и все таинства Церкви обрели высший смысл, они стали искупительными: только на этом пути осуществляется метанойя по восхождению к богоподобию (спасение, теозис).

Понятие же «искупление» (как родовое) не есть замкнутое только на Иисусе Христе, поскольку не может рассматриваться в отрыве от принципа иерархичности церковного строя, установленного еще святыми апостолами. Так, вне иерархии не могут совершаться церковные таинства, ибо без канонично рукоположенного священника не состоится таинство исповеди, без епископа – таинство рукоположения священника, а, значит, не может совершиться и искупление человека. Искупление, как дело спасения человека, принадлежит Самому Христу, и в плане экклезиологии реализуется как с точки зрения иерархии, по степеням: Христос – апостолы – епископы – священство – миряне, так и с позиции церковных Таинств: рукоположение, помазание на царство, браковенчание.

Стало быть, искупительная благодать посылается православному царю через таинство миропомазания, которое сообщает ему право и силу быть искупителем своих подданных. Иоанн Златоуст, говоря об искуплении, подчеркивает, что «вектор греха должен быть направлен от грешника против того, кто этот грех должен искупить» [7] и добавляет: «раб не может выкупить господина, но раба выкупает свободный» [там же], т.е. искупительную жертву может совершить лишь власть имеющий: царь, епископ, священник, муж, как глава семьи. На искупление, как на властную категорию, указывает и Н.А. Бердяев в своем труде «*Душа России*», заключая, что «лишь жертвенность большого и сильного, лишь свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет» [2, с. 26].

О смысле искупления чужого греха и уплате нравственного долга

одним лицом вместо другого православная Церковь учит устами митрополита Макария Булгакова, указывая на необходимость соблюдения следующих условий:

- 1) Когда на это есть воля Божия и согласие самого Верховного Законодателя и Судии;
- 2) Когда лицо, принявшее на себя уплатить долг... само не состоит перед Богом в таком же долгу;
- 3) Когда оно добровольно решается исполнить все требования долга, какие только предложит Судия;
- 4) Когда принесена такая плата, которая бы вполне удовлетворила за долг [13, с. 148].

Все перечисленные условия, заимствованные с бытия нашего Спасителя и обобщенные в четыре пункта, в полной мере были воплощены в христоподобном искупительном подвиге государя Николая Александровича. Разберем их подробнее применительно именно к царю-мученику.

О том, что искупительный подвиг Николая II являлся частью Божьего замысла о России, указывают пророчества святых угодников, дошедшие до нас из различных источников. Так, преподобный Авель (Васильев) Тайновидец, еще за сто лет до рождения последнего русского императора предрекал его судьбу: «На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит народ свой...» [5]. Дошло до нас и пророчество преподобного Серафима: «Будет некогда царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого царя и самодержавия, но Бог царя возвеличит» [6, с. 439]. Известно другое событие, связанное с Саровским старцем: через Е.И. Мотовилову он передал запечатанное хлебным мякишем письмо «четвертому государю, который приедет в Саров», т.е. Николаю II. Содержание письма осталось неизвестным, однако есть свидетельства, что император, прочитав его, «плакал безутешно» [6, с. 99]. Также остались воспоминания о неоднократном обращении Николая Александровича к известной в то время блаженной Паше Саровской и о ее увещании: «Государь, сойди с престола сам!» [15, с. 55]. Старица пророчествовала о Николае II: «Он выше всех царей будет» [10, с. 195]. Еще один факт, свидетельствующий в пользу того, что отречение государя от престола произошло во исполнение Божьей воли – это обретение Державной иконы Божией Матери в Вознесенской церкви села Коломенское 2 марта 1917 года. Сама Царица Небесная приняла из рук царя державу и скипетр, благословив, таким образом, восхождение Николая II со ступени царского

служения как *ходатая* за русский народ на более высокую ступень – в качестве *искупителя* греха своего народа.

Соблюдено и второе условие: подобно тому, как Царь Небесный был непричастен к первородному греху, земной царь Николай Александрович был неповинен в соборном грехе клятвopреступления на верность Дому Романовых. Сам же был оставлен всеми, в том числе и архиереями, которые должны были бы первыми душу положить за земного «христа», но вместо этого «немедленно установили связь» с клятвopреступниками и откровенными служителями сатаны, именовавшими себя «Исполнительным комитетом Госдумы». А ведь каждый из них прежде принятия священного сана давал присягу на верность царю, в которой, в частности, говорилось: «Аз, нижепоименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю, Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому... верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь» [16, с. 409]. Государь и тут оказал милость предателям – приняв на себя зрак раба, освободил их от присяги и смиренно пошёл на российскую голгофу искупать кровью соборный грех измены русского народа.

Третий пункт, о добровольном согласии уплаты нравственного долга, подтверждается неоднократно повторяемыми разным людям и в разных обстоятельствах словами государя: «Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой» [12, с. 194], или «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России» [8, с. 289].

И, наконец, плата должна быть соразмерна долгу. Из Ветхого Завета мы знаем, что за отступление от Бога с карты мира исчезали целые города и народы. Жертвенная смерть Божьего помазанника с царственной супругой, детьми и верными слугами, очевидно, стала достаточным выкупом за то, чтобы русский народ, тяжко согрешивший бунтом против Творца, не был стерт с лица Земли и не повторил судьбу исчезнувшего народа под водами потопа, городов Содома и Гоморры, а далее – Византии. Россия, понеся тяжелую епитимию очистительных страданий в виде войн, революций, террора все же выжила, оставшись практически в тех же границах по молитвам царя-мученика-ходатая-искупителя.

Далее, следуя логике иерархичности, становится понятным, почему

и священник может стать искупителем своей паствы. Так, Иоанн Восторгов, беседуя с патриархом Тихоном о мученической кончине митрополита Владимира, заключил: «Грех требует искупления и покаяния. А для искупления прегрешений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва. Вот где тайна мученичества старца митрополита... Эта смерть есть воистину жертва за грех» [19, с. 95].

И, наконец, отец, глава «малой церкви», является ходатаем и предстателем перед Богом за свою семью, свой род. Как сказал протоиерей Борис Ничипоров, «отец – это тот, кто осознает, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода. Отец своей жизнью выпрямляет путь рода к Богу» [11, с. 111] и посредством таинства венчания наделен правом принести искупительную жертву за своих домочадцев. В этом подтверждается истина, сказанная Богом еще во времена ветхозаветные: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Втор. 5:9-10).

Казалось бы, система носит стройный характер и вписывается в рамки строгой подчиненности, тем не менее, апостолом Иоанном сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Евангелие однозначно указывает, что подвиг искупления совершается и в том случае, если нет четко выраженной иерархичности, ибо жертвенная любовь здесь покрывает всё. Различные проявления подвига любви «за други своя» раскрывают нам чины святости: праотцы, пророки, апостолы, жены-мироносицы, равноапостольные, мученики, исповедники, святые праведные, преподобные, блаженные, юродивые, благоверные князья и цари, которые, исполняя «то, что Я заповедаю вам», идут по пути искупления не только своих грехов, но и грехов рода, а также народа, принося себя в жертву Христу *во искупление* грехов ближних своих. Здесь мы подходим к пониманию, что означает «жена, не спасешь ли мужа?» и, как дети, страдая за грехи родителей, способствуют искуплению их грехов, хотя, при всем этом искупителями они называться не могут, ибо не имеют на то дарованной от Бога власти. Уместно вспомнить, что в одном из писем Ольги, старшей дочери императора, написанного незадолго до расстрела, есть такие строки: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь» [14, с. 276].

Потому отрицать возможность искупления чужих грехов, любя самих грешников – это как «за деревьями не видеть леса», т.е. отрицать главную цель, смысл и творческую задачу по осуществлению смысла жизни любого христианина – обожение, или уподобление и сораспятие Христу.

К сожалению, противники искупительного подвига царя (именно в таком понимании) в результате неспособности (нежелания или неразумения?) диалектически отдифференцировать абсолютное онтологическое значение категории и её уподобительное значение (Искупитель – искупитель, Царь – царь, Учитель – учитель, Наставник – наставник, Отец – отец), рискуют в этом вопросе не просто полностью уйти в рационализм, присущий протестантизму, но и впасть в иконоборческую ересь, поскольку все новозаветные чины святости (мученики, исповедники, святители, блаженные и т.д.), которые постепенно раскрывались Церковью на протяжении веков, являются иконами (образами) соответствующих подвигов Спасителя. В Церкви содержится вся полнота Правды и Истины Божьей, необходимой для нашего спасения, в Ней ничего не появляется случайно, а лишь раскрывается изначально заложенное по мере того, как в нем возникает необходимость. Очевидно, именно сейчас назрела необходимость рассмотреть такого чина святости, как «искупитель» с одновременной канонической разработкой и последующим принятием догматов, что позволит не только пресечь навешивание на монархистов ярлыков «царебожников», но и затормозить неумолимое развитие процессов апостасии, происходящих в мире, ибо непризнание искупительной жертвы последнего царя Дома Романовых есть хула на таинство помазания на царство, а поскольку таинство это (как и все таинства Церкви) совершается Духом Святым, то одновременно с этим – хула на Духа Святого. Богохульников же Господь (хотя Его терпение безгранично) миловать не будет, они, как предупреждает Священное Писание, будут наказаны войной, голодом, мором, и в конечном итоге – нелицеприятным Судом Божиим до третьего, четвертого колена в мире дольнем, или в вечности, поставленные ошуюю Иисуса Христа.

Для подтверждения важности богословского осмысления этой проблемы, приведем свидетельство доцента Московской Духовной Академии протоиерея Василия Фонченкова о явлении ему святой царицы Александры Федоровны, где она просила всем передать, что «над Россией будут чары до тех пор, пока русский народ не признает их мученическую, исповедническую кончину как искупительную жертву во имя России и русского народа» [22]. Об этом же в 1997 году писал и старец Николай (Гурьянов) в своем обращении к Святейшему патриарху Алексию II, что

правду о царе и царской семье может явить и свидетельствовать только Церковь. Пока святое имя государя и его августейшей семьи не будет очищено от лжи, клеветы и неправды, пока не будем исповедовать святость царя и царственных мучеников, с совести русского народа не будет снят грех измены! Но такие проблемы могут быть подняты и решены только на Поместном соборе РПЦ.

Таким образом, признавая мученическую кончину царя Николая II как христоподобную искупительную жертву за грех измены русского народа самодержавным царям из Дома Романовых, мы славим Господа нашего Иисуса Христа, ибо, согласно догмату Седьмого Вселенского Собора об иконопочитании, честь, воздаваемая образу, переходит к Первообразу, а от Него по благодати опять к образу. Во-вторых, мы призываем русский народ принести соборное покаяние в попрании обета 1613 года, чтобы освободиться от того проклятия, которое мы навлекли на себя многократным его нарушением и усвоить плоды искупительного подвига государя. Необходимо покаяние и в умолчании и бездействии в защите царя, ибо молчанием, как пророчествовал св. Григорий Богослов, предается и Бог, и царь. Только после этого мы не только спасаем свои души, но и становимся сопричастниками воскресения Святой Руси. И, наконец, в молитвах к святому царю-искупителю, получаем дерзновенного и смиренного ходатая за нас пред Престолом Божиим.

В акафисте Святому царю мученику Николаю, икосе первом, звучит: «Ангелов Творец посла тя земле Российстей, яко ангела незлобива, на вразумление людей твоих, ты бо **избра по образу Сына Своего Единороднаго в жертву искупления за грехи людей российских**, мы же, дивящися таковому о тебе промыслению Вседержителя, со умилением вопием ти: радуйся, Христу уподобление; радуйся, жертво всесожжения. **Радуйся, российских царей украшение** (выд. авт.)» [3, с. 41-42]. На образ царя-искупителя чутко реагирует православное сердце, что находит отражение не только в молитвенном общении человека с Богом, но и в его творческом самовыражении: «Жертву святую Ты принёс в искупление за всех», – звучит в песне барда Алексея Мыслевского «Мой государь» [9].

В заключении необходимо отметить, что враг рода человеческого больше всего боится покаяния, тем более, покаяния всенародного, которое может стать началом возрождения Святой Руси, а потому будет прилагать еще большие силы для того, чтобы оно не состоялось. Однако необходимо помнить, что сила Бога в нашей покаянной немощи совершается. Предлагаемое исследование искупительного подвига государя – это обращение к извлечению нравственных уроков из пройденного нашим народом с 1613 года драматического пути и его глубокому, нелицемерному

и бесстрашному научно-историческому и богословскому осмыслению. XXI век несет новые, еще более утрашающие вызовы, чем те, с которыми Россия столкнулась в XX веке. Наше Отечество может быть спасено только в трудах духовно-нравственного возрождения в святынях православия, когда каждый русский человек в своей душе создаст алтарь для Бога и престол для царя-помазанника.

Литература

1. Американский просветитель русского народа: из неизданного / Иеромон. Серафим (Роуз). – Москва: Никея, 2010. – 231 с.
2. Бердяев Н.А. Душа России / Н.А. Бердяев. – М.: Сказ, 1990. – 30 с.
3. Житие святых царственных мучеников. Акафист. – Краматорск: ЗАО «Тираж-51», 2005. – 72 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии в 4 ч. / В.В. Зеньковский, под ред. А.В. Полякова. – Л.: Эго, 1991. – Ч. 1. С. 49.
5. Кирибеевич (Шабельский-Борк П.Н.). Вещий инок. Историческое сказание // Земщина, 1991, № 28 (45); 1992, № 67 (Первое издание Берлин, 1933).
6. Кузнецов В.В. Русская Голгофа / В.В. Кузнецов. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 512 с.
7. Кузнецов В.П. Царь Николай Второй искупитель соборного греха русского народа: из аудиокolleкции: [Электронный ресурс] – URL: <http://avdy-san.livejournal.com/187309.html>.
8. Мультатули П. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II / П. Мультатули. – М.: Астрель, 2012. – 443 с.
9. Мысловский А. Мой государь [видеозапись] // Одигитрия: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.odigitria.by/2016/08/04/moj-gosudar-pesnya-alekseya-myslovskogo-video>
10. Небесные покровители Санкт-Петербурга / Сост. О.С. Надпорожская. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 352 с.
11. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога / Б.В. Ничипоров. – М.: Школа-пресс, 1994. – 188 с.
12. Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны / Ж.М. Палеолог – М.: Директ-Медиа, 2014. – 224 с.
13. Православно-Догматическое Богословие. В 2 т. – СПб.: Типография Якова Трея, 1883. – Т. 2. – С. 148.

14. Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни / Х. Раппапорт, пер. с англ. А. Мовчан. – М.: Издательство «Э», 2015. – 608 с.

15. Романов Б.С. Государь, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала / Б.С. Романов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 624 с.

16. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост., автор предисл. и коммент. А.М. Бабкин. – М.: Индрик, 2006. – 504 с.

17. Сороковиков А.С. Теократия или теология: Израиль или Рим? / А.С. Сороковиков // Кафедра мировой философии и теологии ЛНУ им. Даля: [Электронный ресурс] – URL: <https://kmfit.ru/wp-content/uploads/2017/12/teokrat-teolog.pdf>.

18. Святитель Димитрий Ростовский. Речь к Петру Великому // Поучения и слова. – М.: Проспект, 2017. – 597 с.

19. Священный собор Православной российской церкви 1917-1918 гг.: обзор деяний, вторая сессия / Сост. А.А. Плетнева. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2001. – 542 с.

20. Серафим Соболев архиеп., Филарет Дроздов митр. Московский и Коломенский, Иоанн Максимович митр. Шанхайский и Сан-Францисский. Русская идеология: православный богословский церковно-монархический сборник / С. Соболев, Ф. Дроздов, И. Максимович. – М.: Лествица, 2014. – 430 с.

21. Успенский Б.А. Семиотика истории. Т. 1. / Б.А. Успенский // Избранные труды. В 3 т. – М.: Гнозис, 1994. – 429 с.

22. Фомин С. Музей: история создания // Наша эпоха: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.nashaepoha.ru/?page=history&lang=1>.

23. Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича / Сообщил архимандрит Леонид // Памятники древнерусской письменности. – СПб., 1882. – С. 31-36.

Pchenko V.I., Sorokovikov A.S., Tokmacheva M.A. MARTYR'S SACRIFICE OF THE TSAR-INTERCESSOR AS TURNING TO THE TSAR-REDEEMER

Despite the fact that the history of Russia knows many examples of holy rulers, the sacrificial deed of the last Russian Emperor Nicholas II and his family is still a subject of ambiguous attitude not only in the society and historical science, but also in the church environment. For many, the obstacle in understanding the heights of the tsar's deed is his abdication, which causes a variety of reactions: from accusation of the sovereign in indecision and illegal

actions to assumption that there was no abdication as such. So who is the emperor: a martyr or an intercessor and redeemer for his people in the presence of Redeemer, Jesus Christ?

Key words: *tsar-redeemer, intercessor, Epoch of redemption, hierarchy of redemption, dialectic of categories «Redeemer-redeemer».*

Ильченко Валерий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени В. Даля (г. Луганск).

Сороковиков Александр Степанович – писатель, поэт, сценарист (г. Покров Владимирской обл.).

Токмачева Марина Алексеевна – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени В. Даля (г. Луганск).

УДК-17-177

Протоиерей Алексей Слюсаренко

КУЧМА ПРОТИВ СОЛЖЕНИЦЫНА

К 100-летию А.И. Солженицына.

Почему второму президенту Украины понадобилось критиковать русского писателя Александра Солженицына? Насколько хорошо Кучма знает его творчество? Чей взгляд на прошлое, настоящее и будущее России и Украины пронизательнее? Ответы на эти и другие вопросы предлагаются читателю в нашей статье.

Ключевые слова: *интеллигенция, коммунизм, украинская независимость, украинский сепаратизм, Малороссия, Новороссия, образованщина, духовная энтропия.*

Леонид Кучма – единственный из всех президентов независимой Украины, посчитавший необходимым вступить в публичную полемику с русским писателем Александром Исаевичем Солженицыным. Poleмические замечания Кучмы в адрес Солженицына содержатся в книгах «Украина не Россия» (2004) и «После майдана. Дневник президента» (2005-2006). За два срока правления Леонида Даниловича, граждане Украины успели убедиться в весьма посредственных ораторских и литературных способностях политика. Совершенно очевидно, что Кучма

не мог написать в одиночку этих книг. В предисловии к «Украине – не России», Леонид Данилович честно признаётся в том, что у него были соавторы, правда имён своих собратьев по перу он не раскрыл. Творчество Кучмы, в этом смысле, принадлежит к тому сорту литературы, родоначальником которого был Леонид Ильич Брежнев, фигура в днепропетровской парторганизации – культовая.

Но даже с учётом номинального авторства Кучмы, следует признать, что Леонид Данилович оказал определённое влияние на содержание своих книг. В том же предисловии, Кучма, признавая соавторство группы лиц, всю ответственность за написанное ими берёт на себя.

Полагаем, что Леонид Данилович читал некоторые книги Солженицына. Прежде всего, роман «В круге первом» – тема шарашек могла быть интересна украинскому инженеру-ракетчику. Он знаком также с некоторыми публицистическими статьями писателя. Никаких признаков того, что Кучма читал главные книги Солженицына «Красное колесо» и «Архипелаг ГУЛАГ» в текстах политика не наблюдается.

Почему же Кучме понадобилось вступить в публичный спор с писателем? Солженицын, был одним из тех современников событий 1991 года, которые всеми силами старались сохранить единство России и Украины. Накануне референдума 1 декабря 1991 г. Александр Исаевич обратился с воззванием к жителям Украины не голосовать за независимость. Уже после оформления самостоятельности Украины, Солженицын неоднократно критически отзывался об антироссийской политике киевской власти. При этом нравственный авторитет писателя был таков, что слово его воспринималось как обличения пророка. В результате, Солженицын оказался на Украине фигурой умолчания. Власть его игнорировала, украинские издательства не печатали его книг. До сих пор на украинский язык не переведено ни одно произведение Нобелевского лауреата. Украинская интеллигенция заклеила писателя устами Черновола, Лукьяненко и прочих «свидомых» деятелей «реакционером и шовинистом». Однако, не смотря на все эти усилия, главный борец с коммунизмом был живым обличением, неправды украинской государственности, добытой мародёрскими путями. К концу своего правления, Кучма пребывал в уверенности, что украинская держава состоялась и надлежит дать ответ тому, кто ставил её существование под сомнение.

Кроме того, Кучма увидел, что в самой России отношение к Солженицыну изменилось. Если при Ельцине, Александра Исаевича откровенно игнорировали, то с приходом к власти Владимира Путина, к Солженицыну стали прислушиваться внимательнее. В Киеве это заметили.

Полемика с писателем, таким образом, приобрела стратегическое значение.

Словно обязательные мантры, все украинские президенты тут и там повторяют слова о том, что украинская государственность – навсегда. Никогда более не наступят времена общерусского единства. Однако вопиющим противоречием этим словам остаётся единство Русской Церкви, даже несмотря на автономию УПЦ. Украинская независимость не освящена Церковью. Вслед за политической независимостью не наступила независимость церковная. Хотя над этим работают, да только безуспешно. И рапортовать особо не о чем. Христиане – соль земли. И если соль украинской земли не пожелала разрыва с Москвой, то чего стоит сепаратизм? Чего стоит воспетая президентами независимость? Солженицын промыслительно был дан нам Богом. Он был – подлинный голос Русской Церкви и русской культуры. Увы, официальная РПЦ в роковые дни 91-го не смогла сберечь народного единства. Слишком многие наши соотечественники оказались за церковной оградой. Да и как это можно было сделать с киевским митрополитом Филаретом (Денисенко) в душу которого уже вошёл сатана? В этих условиях слово правды прозвучало от мирянина, от человека праведной и чудесной жизни. Даже скептик Кучма понимал, что Солженицын фигура серьёзная и рано или поздно его идеи могут подорвать основы самостийной политики.

Нужно отдать должное Кучме. Он старался вести свою полемику с писателем уважительно. В его книгах нет лжи, к которой прибегали в Советском Союзе (пресловутая книга Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР»), нет в них оскорблений в адрес писателя, типичных для украинских масс-медиа или интернет пространства. Книги Кучмы вообще лишены всякого радикализма. Он пытается выстроить доброжелательные отношения с Россией. Тем не менее, даже в этом, сравнительно умеренном политике, в конечном итоге, обнажается духовная, культурная и политическая слепота украинского сепаратизма.

Первое столкновение Кучмы с Солженицыным происходит на страницах «Украины – не России». Не указывая название работы писателя, авторы книги Кучмы приводят цитату из работы Солженицына «Россия в обвале»:

«...не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в которых украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских «прозрачных границ», «неразрывности русско-украинского союза» – до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, всё далее отступала, только отступала. Постоянно (и поныне) уступала экономически, пытаясь подкупить

непримиримость украинской стороны» [1, с. 207].

Позднее, в своём дневнике «После майдана», Кучма вновь вернётся к этой теме:

«Солженицын изображает меня и Кравчука какими-то беспредельными наглецами и шантажистами, которые только то и делали, что заставляли Ельцина капитулировать перед собой: «За все время Ельцина ни одна его встреча с украинскими президентами не обошлась без капитуляций и уступок с его стороны». В этих словах не только полное незнание фактической стороны дела, но и полное непонимание природы международных отношений вообще и российско-украинских - в частности. Так о международных отношениях рассуждают в трамваях, банях, на пляжах, когда спадает жара и люди обретают возможность шевелить языками» (11 мая 2006).

Со своей стороны, украинский президент представляет дело так, будто бы Киев всегда шёл на компромисс с Россией. Однако реальность подтверждает правоту Солженицына. В течение всех 90-х Украина покупала энергоносители в России не по рыночным, а по льготным ценам. Украина не ратифицировала устав СНГ и имеет двусмысленный статус в этой организации. Русский язык, вопреки предвыборным обещаниям Кучмы не получил официального статуса. Переговоры по Керченскому проливу зашли в тупик. Во время войны в Чечне Украина оказывала боевикам информационную поддержку (а среди воевавших на стороне дудаевцев оказались и боевики УНА-УНСО). На территории Украины была прекращена трансляция российских телеканалов и т.д. и т.п. В чём же видит Кучма компромисс со своей стороны? Никаких примеров уступок Киева Москве президент привести не смог... И уж, конечно, не готов Киев ни к каким компромиссам в территориальных вопросах. Авторы книги Кучмы пишут:

«Тот факт, что не кто-нибудь, а сам Солженицын даёт характеристику нашим границам как «фальшиво измышленным, ленинским», и объявляет «государственным воровством» «присвоение [! – Л.К.] Севастополя», нас задевает куда больше, если задело бы на нашем месте немца, итальянца, австрийца, швейцарца» [1, с. 208].

Да, действительно, трудно найти в мире более сговорчивую народность, чем украинцы...

Последнее, более или менее легитимное правительство России, в 1917 г. признало границы украинской автономии в рамках исторической Малороссии, исключая Крым, Новороссию и Донбасс. И только большевикам нынешняя Украина обязана новыми территориальными приобретениями. Кучма это и признаёт. По его словам, Сталин – «великий

собиратель украинских земель», он увеличил размеры республики почти на треть [1, с. 137].

Очевидно, что политика большевиков в национальном вопросе была направлена на ослабление «имперского» влияния великорусского народа. Именно в этих целях от России отторгались целые территории в пользу национальных республик. И вот, когда власть коммунистов иссякла, и настал час дележа наследства СССР, никто из вождей новообразованных государств не задумался о происхождении своих территориальных богатств. Ельцин поначалу колебался. Возможно под влиянием Солженицына, который писал ему в августовские дни 1991 г. и советовал начать с Украиной и другими республиками СССР переговоры о территориальном урегулировании при их выходе из Союза [2]. Пресс-секретарь Ельцина Павел Воцанов 27 августа даже сделал соответствующее предупреждение, однако тут же был одёрнут Гайдаром, Боннэр и Козыревым.

На Украине позицию Ельцина и Гайдара оценили. У Кучмы оба политика вызывают неподдельное уважение. Ельцину в книге «Украина – не Россия» посвящён особый панегирик (с.421-429), в котором российский президент удостоился хвалебных эпитетов – он и «гениальный» и «великий». Отношение Солженицына к Ельцину – общеизвестно. Отказ принять от Бориса Николаевича орден Андрея Первозванного, писатель мотивировал просто: он не может принять награду от власти, разорившей собственный народ. В апреле 2006 Александр Исаевич дал интервью Виталию Третьякову, в котором высказался и о времени Ельцина:

«При Горбачёве было отброшено само понятие и сознание государственности. (Отсюда его многочисленные капитуляции и безоглядые уступки во внешней политике, принесшие ему столь шумные похвалы на Западе.) При Ельцине по сути та же линия была продолжена, но ещёотягощена безмерным имущественным ограблением России, её национального достояния, а также беспрепятствием и потакательством государственному хаосу. При Путине, не сразу, стали предприниматься обратные усилия спасения проваленной государственности. Правда, некоторые из этих попыток сначала носили характер скорее косметический, затем стали проявляться чётче. Внешняя политика, при учёте нашего состояния и возможностей, ведётся разумно и всё более дальновидно. Но по тяжести доставшегося от предшественников наследства ещё многое и многое в России не вытаскано из упадка. Общее состояние народной жизни остаётся тяжёлым и неупорядоченным».

Кучма интервью прочёл. И сделал свои выводы. В дневнике бывшего президента Украины 6 мая 2006 г. появилась следующая запись:

«Я бы обратил... внимание на то, что холодная война обострилась и в самой России. Словно по заказу, на ринг вышли два главных противника в этой войне. Это Александр Солженицын и Егор Гайдар. Солженицын («Московские новости», № 15, 28.04.2006) показал себя сторонником политики Путина, Гайдар – противником. (...).

Четырьмя днями раньше («Профиль», № 15, 24.04.2006) совсем другую картину нарисовал Егор Гайдар. Он дал противоположные оценки происходящему в России. Резко антисолженицынский характер носят и его предложения. (...) В сдержанных выражениях Егор Гайдар подвергает сегодняшнюю политику России резкой критике. Россия, по его словам, переживает «тяжелый приступ постимперского синдрома».

Нечего и говорить, что все симпатии Кучмы на стороне Гайдара. Может быть, в этом и нужно видеть причину провала экономической политики самого Кучмы? Лановой и Пинзеньк, отвечавшие при Кучме за экономику и финансы, были всего лишь украинскими клонами Чубайса и Гайдара.

7 мая новая запись о Солженицыне:

«Ну а то, что в очередной раз сказал об Украине Александр Солженицын, вызывает у меня только глубочайшее сожаление. Раньше я читал такие его выпады с недоумением и сожалением, а теперь осталось одно сожаление. Человек просто не знает и не хочет знать, что у нас происходит. Только полностью игнорируя действительность, можно заявить о «фанатическом подавлении и преследовании русского языка в Украине». В XXI веке странно выглядят ссылки Солженицына на то, что некие территории никогда не относились к «исторической Украине». Он, казалось бы, не может не знать, что современное международное право не признает таких ссылок, а политическая мораль демократического мира их резко осуждает. Это – запрещенный прием, использование его не раз приводило к тяжелейшим последствиям. Этот прием пахнет большой кровью. К тому же не может Солженицын не знать, какие территории никогда не относились и к «исторической России».

Поправим авторов дневника Кучмы. Солженицын никогда бы не написал «в Украине». В соответствии с нормами русского языка он предпочитал привычное нашему уху «на Украине». В подлинном виде цитируемый фрагмент выглядит так:

«Происходящее на Украине, ещё от фальшиво-построенной формулировки для референдума 1991-го года (я уже об этом писал и говорил), составляет мою постоянную горечь и боль. Фанатическое подавление и преследование русского языка (который в прошлых опросах был признан своим основным более чем 60% населения Украины) является

просто зверской мерой, да и направленной против культурной перспективы самой Украины. Огромные просторы, никогда не относившиеся к исторической Украине, как Новороссия, Крым и весь Юго-Восточный край, насильственно втиснуты в состав нынешнего украинского государства и в его политику жадно желаемого вступления в НАТО. За всё время Ельцина ни одна его встреча с украинскими президентами не обошлась без капитуляций и уступок с его стороны. Изживание Черноморского флота из Севастополя (никогда и при Хрущёве не уступленного УССР) является низменным злостным надругательством над всей русской историей XIX и XX веков. При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многомиллионное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним».

В чём же не прав писатель? Разве не фанатизм – упрямый отказ предоставить русскому языку статус государственного (в крайнем случае – официального) в стране, где для миллионов граждан он является родным? Автор статьи имеет многолетний опыт работы в украинской системе образования. Вся документация в ней существует исключительно на «державной мове». Даже если педагог читает свой предмет по-русски, он обязан всё бумаги оформить по-украински. И вот, педагоги и учащиеся вынуждены тратить немалое время на подготовку никому не нужных документов, только потому, что так угодно Киеву! Вместо того чтобы читать новые книги, пополнять свой багаж знаний – все принуждены заниматься сизифовым трудом украинизации! Ну разве не фанатизм?! Не зверские методы? До сих пор ни одной сколько-нибудь стоящей книги по православному богословию на украинском языке не написано. Тем не менее, согласно требованиям украинской системы образования, студент теологической кафедры обречён писать свою работу на «мёртвом» для его специальности языке. А кому будет интересен его труд? И с каким внутренним духом берётся за работу человек? Да ведает ли о том Кучма? Ему-то самому насколько известно, что происходит в его стране? Не будем недооценивать информированность президента. Кучма знает много. Но книги его выдают и элементарное невежество их авторов, а значит и самого бывшего президента. Так, например, авторы Кучмы утверждают, что Т.Г. Шевченко узаконил слова «украинец» и «украинцы» [1, с. 265]. Жаль, что президентские филологи не потрудились привести тексты поэта, в которых тот «узаконил» названные слова. Вот была бы сенсация! Ведь Шевченко этих слов никогда в своих произведениях не употреблял...

Или вот описывают авторы Кучмы правление Богдана Хмельницкого:

«В отличие от многих политиков Европы того времени, гетман не

проявлял нетерпимости к другим народам, никто бы не назвал его религиозным фанатиком» [1, с. 241].

Поправим коллектив авторов Кучмы и здесь. Как совместить их тезис с реальной историей? В которой множество поляков и евреев стали жертвами «толерантности» гетмана? В исследовании Солженицына «Двести лет вместе» читаем:

*«...в 1648 г. разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками стали жертвой... погибли десятки тысяч евреев»** [3, с. 32].

Хочется надеяться, что датировка Брестской унии 1569 годом (С.145, «Украина – не Россия») – всего лишь опечатка...

Только самодовольным невежеством можно объяснить следующий пассаж кучмовских исследователей о киевской учёности XVII века:

*«...церковная мысль стояла в Киеве намного выше, чем у московских начётчиков и буквоедов, с этим согласны и современные российские историки церкви»*** [1, с. 145].

Ряд подобных примеров можно без труда множить. И говорят они о том, что лакуны в знакомстве с украинской историей имеются, прежде всего, у Кучмы и у его соавторов. И Солженицына они знают лишь понаслышке. Не прочли. А знать Солженицына и значит знать Россию. Настоящую, не исковерканную её клеветниками и душителями. Обольщаются поэтому президентские писатели, утверждая: «в незнании России нас не заподозришь» [1, с. 201]. В том то и дело, что заподозришь!

Неприятие Кучмой Солженицына объясняется глубинными метафизическими причинами. Кучма – советский образованец с украинским колоритом. В истории родной земли он не видит промысла Божия (только и проговорился – Чернобыль будто Господь попустил для «нэзалэжности!»). Распад России Солженицын пережил как славянскую трагедию, как результат духовной энтропии. Кучма же увидел в гибели исторической России только закономерный и естественный процесс [1, с. 63].

Унизительный конец правления второго президента Украины стал крушением всей его политической карьеры. Президентская должность на Украине очень несчастливое место. Каждый его хозяин заканчивал позором. Не от того ли это происходит, что сами основания украинского государства покоятся на потаённой лжи?

* Автор приводит цитату еврейского историка Ю.Гессена.

** Для духовного отрезвления авторам Кучмы рекомендуем обратиться к труду протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия», с весьма нелицеприятными характеристиками киевского богословия.

Литература

1. Кучма Л.Д. Україна – не Росія. М.: Время, 2004. – 560 с.
2. Письмо А.И. Солженицына Б.Н. Ельцину от 30.08.1991. : [Электронный ресурс] – URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/18321/>
3. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995). – Ч.1. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.

Slusarenko A.V. KUCHMA VERSUS SOLZHENITSYN

Why is the second President of Ukraine took criticize Russian writer Alexander Solzhenitsyn? How well Kuchma know his work? Whose view of the past, present and future of Russia and Ukraine perceptive? Answers to these and other questions offered to the reader in this article.

Key words: *Intelligentsia, communism, ukrainian independence, ukrainian separatism, Microrussia, Novorossia, smatterers, spiritual entropy.*

Слюсаренко Алексей Владимирович – протоиерей, кандидат богословия, клирик храма святых мучеников и исповедников Гурия, Самона и Авива г. Луганска. Старший преподаватель кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени В. И. Даля (г. Луганск).

УДК 130.3: 141.32:171

Кобылкин Д.С.

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день за них идет на бой
(И. Гёте).*

*Все, что отдано – твое, все,
что нет – потеряно
(Ш. Руставели).*

В данном исследовании анализ посвящен проблеме двойственности между миром природы и миром культуры, при которой исследуется взаимосвязь двойственности идиографического и номотетического моментов, а также взаимодействие имперсоналистического и персоналистического творчества, для

выяснения целесообразности развития плодотворного пути человека. Последнее связано со значением эстетического синтеза, что позволяет действовать не в духе имперсоналистического творчества, считая, что ничего, подобного «личности» не существует, наличествуют же только вещи, а в духе персоналистического творчества, полагая, как замечал Франк, общий замысел которого вернее всего может быть выражен стремлением к духовной универсальности Гете. Этому течению, может быть, суждено вывести философию на новый плодотворный путь.

Ключевые слова: философская антропология, сущность, человечность человека, личность, вещь, целестремительность, целое.

Постановка проблемы. Современные мыслители, исследуя философско-антропологические проблемы, исходили из той мысли, что «единая идея» человека, а именно, наука о человеке в полном смысле этого слова имеет право на существование. Активный интерес к проблематике человека в целом обусловлен прежде всего экзистенциальной потребностью, теми жизненными проблемами, с которыми конкретный индивид так или иначе сталкивается в контексте своего повседневного существования. Это и разрушительные действия в отношении окружающей среды, и накопление ядерных вооружений, не говоря о аксиологических проблемах, связанных с человеческой жизнью. Все это побуждает к размышлению над осмыслением сложившейся ситуации.

Цель исследования. Проанализировать особенности экзистенциального и педагогического фактора философско-антропологических проблем, порождающих ощущение антиномизма, в котором, с одной стороны, прослеживается тотальная незащищенность жизни людей, все более расширяющимися возможностями техники и технологий общества потребления, а с другой – проследить развитие человека, возвышающегося над обыденно-практическим, «вещным» уровнем развития потребностей, когда вектор развития устремлен к иерархичности космологического устройства мира, поскольку на высшей ступени этой космической иерархии предстает Бог или абсолютная личность.

Основная часть. Исследовательская мысль все глубже проникает в комплексную постановку проблемы человека, а именно, как замечал академик И.Т. Фролов: «Проблема человека, его сущности и существования в материальном и духовном, нравственном аспектах, его развития и предназначения, его будущего – это, пожалуй, самая основная из всех, которые когда-либо вставали перед человечеством на протяжении тысячелетий его истории» [11, с. 9]. Согласно его мнению, – это неисчерпаемая проблема, и в то же время является актуальной

практической задачей. Вокруг этой проблемы во всем мире идут острейшие дискуссии, причем в них вовлекается все большее число людей, в том числе и весьма далеких от науки, видящих порой ее результаты в искаженном свете, однако бодро сочиняющих всякого рода футурологические мифы со ссылками на современную науку [11, с. 12].

Современная наука все глубже проникает в тайны вселенной, в загадки живой, одухотворенной материи. По мнению П.С. Гуревича: «Перспективы генетической инженерии, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, – все это разрушает традиционное представление о неизменной биологической природе человека» [7, с. 505]. Но опасности подвергается не только биологическая природа человека. Перверсия осуществляется и через психологические проблемы. Индивид утрачивает представление о собственной идентичности, об устойчивости своего внутреннего мира, о специфически человеческом. Такой процесс не мог не повлиять на образовательный и воспитательный процессы. Разрушение традиционных ценностей, привычных форм общественной жизни, стремительное изменение окружающей обстановки находят отражение в массово-психологических процессах.

Однако, как бы современная наука не продвигалась в проникновении тайн вселенной, раскрывая важнейшие секреты природы, она все так же остается экзистенциально бессильной в отношении положения человека во вселенной. Как замечал Мишель Монтень в своей критике человеческого разума: «Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, даже маленькой частицы которой оно не в силах познать, не то, что повелевать ею!» [6, с. 73]. Это утверждение М. Монтеня, по мнению Э. Кассирера, дает ключ к последующему развитию современной теории человека. Он полагает, что философия наших дней должна принять вызов, который содержится в приведенных словах. Ведь современная философия была вынуждена доказывать, что новая космология более не преуменьшает силу человеческого разума, а, напротив, упрочивает и подтверждает ее.

Следует отметить в данном контексте смелый и решающий шаг Б. Спинозы, который «построил новую этику, теорию страстей и аффектов, математическую теорию нравственного мира. Только посредством такой теории, утверждал он, мы можем достигнуть нашей цели – «философии человека», антропологической философии, свободной от ошибок предрассудков узкоантропоцентрических систем» [2, с. 75]. В связи с чем, можно проследить определенное движение философской мысли, которое

интенционирует от частных попыток интерпретации о природе и сущности человека к целостной теории человека.

К философскому размышлению о человеке в еще большей степени побуждают мировоззренческие и познавательно-педагогические факторы. Современные науки, такие как психология, культурология, история и другие накопили множество разноречивых сведений, которые требуют обобщения, философской рефлексии.

Как понимать сущность человека? По мнению М. Хайдеггера, осмысление ответа на этот вопрос может варьироваться в зависимости от той или иной философской традиции. Хайдеггер задается вопросом: «В чем состоит человечность человека?» Согласно его мнению: «Она покоится в его сущности». Показывая фактическое разнообразие версий гуманизма, немецкий философ подчеркивает, что гуманизм Маркса не нуждается ни в каком возврате к античности, равно как и тот гуманизм, каковым Сартр считает экзистенциализм. И вот вывод: «Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой» [7, с. 508].

Давайте обратим внимание на философско-антропологический тезис – к сущности человека, и как было выше замечено к человечности человека. Так, в христианстве представление о человеке, в отличие от древних греков, радикально переосмысливается. На личность возлагается иное предназначение, так как на нее накладывается отпечаток абсолютной личности Творца. Отсюда обретение самоценности, независимой от космологических сюжетов. «Телесность, которую культивировали древние эллины, в христианском идеале должна быть соотнесена с духовностью» [7, с. 506]. Человеку же надлежит культивировать в себе не только рассудок, но и те личностные качества, которые бы его возвышали над обыденно-практическим, научным уровнем развития потребностей, устремляя к сверхприродному. Христианство явилось почвой европейской персоналистской традиции, в которой личность предстает как своеобразная святыня, некий абсолют.

При анализе философско-антропологического тезиса, хотелось бы отметить, что дуализм между духовным и материальным, как мы замечали в одной из своей статей [4], глубже различия между сознательным и лишенным сознания (как это было упускаемо философией Нового времени, признавая взаимодействие между «душой» и «телом», «всцело исходя из старых, установленных Декартом, понятий физического и психического», но хорошо известные древней и средневековой мысли), т.е. «находясь вне противоположности между сознательным и лишенным сознания, эта пара понятий отмечает различие между живым и безжизненным, между единым

целым и механическим агрегатом, между целесообразным и слепым, между самоценным и лишенным ценности, словом – между *личностью и вещью*» [10, с. 171].

«Личность, – согласно позиции В. Штерна, на которого ссылается Франк, – есть такое сущее, которое, несмотря на множественность своих частей, образует реальное, своеобразное и самоценное единство и, в качестве такового, несмотря на множественность своих частичных функций, осуществляет единую самодеятельность». Вещь же «... есть такое сущее, которое, состоя из многих частей, не обладает реальным, своеобразным цельным единством и, выполняя многие частичные функции, не осуществляет никакой единой целестремительной самодеятельности». Таким образом, здесь важнейшим замечанием является следующее: не представляется возможным «отрицать, что эта пара понятий отмечает действительно глубокие и важные мотивы миропонимания» [10, с. 172].

Главенствующим вопросом в данном рассуждении предстает то, что «существуют ли в мире личности, или одни только вещи? И если личности существуют, то каково отношение между личностями и вещами? Или, еще шире и общее: *каково отношение между личным и вещественным началом в мироздании?* (там же). В связи с чем в зависимости от того, какое начало является преобладающим – устанавливается различие между персоналистическим или имперсоналистическим мировоззрениями. Имперсонализм, как известно, полагает, что ничего, подобного «личности» не существует, наличествуют же только вещи. А персонализм, наоборот, реальным считает бытие личностей.

Интересным выступает экзистенциальный анализ сущности личности.

По Штерну следует различать наивный и критический персонализм. Однако наивный персонализм соединяет в себе противоречивые элементы мысли: «признает обособленное существование мира личностей и мира вещей» и «потому находится в неустойчивом состоянии, видоизменяясь и постепенно разрушаясь под влиянием критического анализа» [10, с. 173].

«Личность не может мыслиться иначе, как в виде *единства множественного*, состоя из многих и разнообразных частей, она все же образует единое целое, которое не исчерпывается простой суммой входящих в него частей». «Это синтетическое единство противоречит требованиям аналитического сознания, для которого все сложное должно без остатка разлагаться на свои составные части, и, следовательно, все неделимое должно быть абсолютно простым» (там же). В следствие чего «личность не есть сумма всех своих (видимых) частей, а есть эта сумма *плюс* особый элемент **единства**» (выделено – К.Д.). Аналогичным образом

это проявляется и по отношению к организму ... «плюс особая жизненная сила», к человеческому сознанию ... плюс «душа», к космосу ... «плюс руководящее им Божество». Поэтому, следует здесь отметить дуалистичную точку зрения в отношении наивного персонализма. С одной стороны, она «деперсонифицирует целое и персонифицирует отдельную его часть», а с другой – «заслуживает название персонализма, так как в известном смысле подчиняет мир вещей миру личностей ... а вещественный мир мыслится, как создание также личной воли Божества» (там же).

Если детальнее проанализировать, то следует отметить важный губительный элемент в экзистенциальном уровне развития личности. Имперсонализм как мировоззрение «тождественен механическому миропониманию», что связано с уничтожением личного элемента, а последнее связано с тем, что «устраняется из мира всякое подлинное своеобразие: ... все качественное должно в последнем счете сводиться на количественное ... всякое событие без остатка сводится на всеобщую закономерность. Отсюда следует провозглашение универсальной пассивности; в мире нет активности, свободы ... все *подчиняется действию* ... но ничто *не действует само*. Все процессы механически детерминированы, т.е. вытекают не из внутренней природы субстанций, а только из *соотношений* между субстанциями... С отрицанием активности и внутреннего единства сложного дано также абсолютное отрицание всякой целесообразности: сложный целевой акт немислим, как активное единство, а распадается на совокупность простых, извне определяемых процессов. Целесообразность есть пустая видимость, случайный результат бесцельных, слепых причин. Само собой разумеется, что вместе с этим отпадает и какое-либо космологическое применение категории ценности: вне активности и целесообразности, вне выбора и сознательного действия не может быть ценностей; в мире однородных, простых и пассивных частиц, в мире, лишенном жизни и свободы, всякая ценность есть лишь фантом и субъективный вымысел. Таковы основные требования безличной картины мира» [10, с. 176].

Имперсонализм в античном мире не получил развития. Его распространение замечается в философии Нового времени. Методологически использовался Галилеем, а также был Декартом провозглашен высшим принципом телесного мира, относя животных к сфере «машин-механизмов». «Обезличивание мира становится паролем нового мировоззрения. Психологи переносят имперсонализм на душевные явления, отрицая в них единство и активность сознания и превращая душу в «связку ощущений». В XIX в. задачу проведения имперсоналистического воззрения берет на себя положительная наука. Физиология пытается

аналитически объяснить живое из безжизненного, дарвинистская биология стремится генетически вывести целесообразное из случайного и нецелесообразного. Последний шаг есть в развитии имперсонализма есть распространение его на обществоведение: сюда относятся все попытки устранить понятия целесообразности и сознательной активности из социальной науки и свести общественную жизнь к слепым экономическим, техническим, географическим, словом, вещественным факторам. ... этот признак характеризует всю современную культуру. ... Вещественное начало преобладает не только в воззрениях и понятиях, но и в нравах и складе жизни. Подчинение личного начала вещественному есть великая печаль, которой отмечен весь облик нашей эпохи [10, с. 177].

Согласно мнению С.Л. Франка, все плодотворные и законные применения только частичны и получают *разумный смысл*, лишь когда опираются на допущения персоналистического характера (выделено – К.Д.). Так, гносеологический позитивизм, как он представлен у Д. Юма есть радикальное проведение имперсоналистической точки зрения. Он разрушает субстанциональность (единство) и утверждает, что вещи лишь совокупность качеств, вне которых нет отдельного носителя, т.е. превращает сознание в «игру ощущений». Однако субстанциональное единство не обеспечивается одним постоянством формы, фигуры, качества и т.п., которое может всегда случайным и временным состоянием, обусловленным внешними факторами. В связи с чем единство сущего может быть только функциональным, его признаком является действенная связь частей или самосохранение сущего. «Но такое сущее, которое, несмотря на множественность своих частей, образует реальное и своеобразное единство и осуществляет единую целестремительную самодеятельность (именно самосохранение), есть, согласно приведенному вначале определению, личность» [10, с. 186]. Подытоживанием данной мысли у Франка являлось следующее, что все то, что действительно существует, есть личность, ибо только в самосохраняющемся сложном целом можно найти подлинное единство, необходимый признак субстанционального бытия. Тут Франк апеллирует к истинности старого аристотелевского суждения, что целое обладает логическим приоритетом над частями. Простыми, наглядными убедительными примерами являются то, что литературное произведение больше, чем сумма букв, в которых оно выражено, живой организм не похож на грудку его отдельных раздробленных частей.

Важной чертой представляемого мирозозерцания является телеологизм. Опираясь на Лотце Франк замечал: «Не может существовать действия одной вещи на другую, а всякая вещь действует только на самое

себя» [10, с. 191]. Поясняя это тем, что всякая деятельность определена своей целью. Как с философской точки зрения не существует внешнего причинения, так не существует и причинения слепого, незаинтересованного в своем результате. Напротив, всякое причинение, будучи самодеятельностью субстанции-личности и направленное на нее самое, есть живое стремление, определяемое целью – самосохранением. Здесь можно заключить, что бытие не только совпадает с действительностью, но учитывая природу этой действительности, оно тождественно с целестремительностью.

Что касается целестремительности, то, по аристотелевскому учению об энтелехии, всякая субстанция есть личность, и всякая деятельность есть целестремительная самодеятельность личности. Телеологична не какая-либо сила – телеологична сама личность. Ее целостность есть именно протяженность во времени, и потому вообще не сосредоточена на каком-либо моменте, но осуществление ее в каждом моменте, всегда связано с целым, как интенционирование на их самосохранение.

Но относительность различия между личным и вещественным нас интересует и в другом аспекте, выделяемом Франком. «Вещное начало есть отражение личного ... в том смысле, что один и тот же комплекс явлений может быть, с одной точки зрения, вещью, а с другой, (целой) личностью» [10, с. 196]. Здесь, прежде всего, нужно заметить объяснение Франком, что в данном контексте важным является понимание соотношения между личностями, которое нужно мыслить *иерархическим*. Личности не изолированы, предстоят друг другу, но их отношение есть всегда *подчинения* или *соподчинения*. Если бы группа личностей не сопринадлежала высшей личности, то между ними также не могло бы быть взаимодействие, и мир распался бы на множество независимых миров. Это пояснялось Франком тем, что иерархическое устройство, с одной стороны, может быть представлено на эмпирическом уровне органической жизни: человечество состоит из народов, народы или государства из семей, семьи из индивидов и т. д. Но нас интересует здесь метафизический аспект, чтобы приписать иерархичности универсальное космологическое значение. Поскольку на высшей ступени этой космической иерархии Франк полагал Бога или абсолютную личность, содержащую в себе все другие личности низшего порядка, но не входящую в состав никакой иной личности. Сопринадлежность к высшей личности «в силу универсальности иерархического устройства, имеет место на всех ступенях космической пирамиды» [10, с. 198].

В философии важным является выяснение творческой активности личности. Активная реакция личности есть ответное действие? Идя по

этому пути, как замечал Франк, в конце концов придешь к такой действительности, которая не есть реакция на другую действительность. В философии часто делалась попытка признать «самосохранение единственным каузальным фактором мирового процесса (самосохранение сущего у Спинозы, воля к бытию Шопенгауэра, борьба за существование у Дарвина)» [10, с. 200]. Нельзя не согласиться с Франком, что данная попытка содержит внутреннее противоречие, поскольку в самосохранении как таковом предполагается наличие творчества. Тот же Спиноза должен был косвенно признать момент творчества в природе, отличив производящую природу от произведенной. Используя эмпирическое исследование можно проследить бесчисленные процессы, которые характеризуются внутренней целестремительностью, являясь отражением персонального действия, и не могут быть рассмотрены как простая реакция на что-либо внешнее.

На почве этого признания, самосохранение и саморазвитие, полагаемые Франком как первичные формы в строительстве космического бытия, отражают новое философское осмысление явлений органической жизни. Однако выше уже было отмечено, что органические процессы коренным образом отличаются от механических тем, обнаруживая всестороннее самосохранение. В этой связи «все попытки механистического объяснения жизненных явлений заранее осуждены на неудачу» [10, с. 203]. Достаточно, по мысли Франка, посмотреть на борьбу растений в густом лесу, на борьбу людей в человеческом обществе, и непредвзятое наблюдение покажет, что борьба эта ведется не за голый факт бытия, а за его повышение и расширение, за рост могущества и простора для творчества.

Признание творчества или саморазвития исходным свойством бытия имеет еще более широкое и принципиальное значение, выходящее далеко за пределы одного объяснения биогенезиса. Признание последнего порывает с одной из самых типичных тенденций господствующего научного мировоззрения, т.е. с попыткой вывести все изменяющееся из неизменного, понять мир как консервативную систему (А. Риль). Непререкаемой аксиомой становится представление об управлении природой неизменными законами. Однако, по мнению Франка, эта точка зрения предстает несостоятельной в том отношении, что «действенность и могущество она приписывает абстрактным принципам «законов». То, что мы называем «законом природы» есть только отвлеченная формулировка постоянных взаимоотношений, вытекающих из самодеятельности субстанций, т.е. личностей. Законы не действуют сами; действие и значение постоянных причинных связей есть лишь отражение активности

самого бытия на состояние его частей. ... то и постоянство законов не есть первичная необходимость, а обусловлена постоянством самих субстанций. Последнее же не абсолютно: ... прекращается в состоянии саморазвития или творчества. Закон ... зависит от бытия и действия субстанции, связь между частями которой он формулирует; поэтому не неизменны и вечны» [10, с. 211]. Согласно автору, природа законов такова, что они возникают и прекращаются в связи с развитием субстанциональных форм. Это относится без исключения ко всем законам: языковым, физиологическим, космологических, экономическим. Между ними нет принципиальной разницы, но есть лишь количественная разница в степени неизменности и долговечности. Дополняющим обоснованием у автора служит следующее: если мы должны признать, что всякое субстанциональное бытие имеет персональный характер, и что действие законов всюду зависит от самостоятельности субстанций, мы обязаны также допустить универсальную возможность развития и творчества. «Всякое развитие или творчество есть создание новых форм, новых систем взаимоотношений частей, т.е. новых законов. Закономерность природы обусловлена консервативной силой самосохранения субстанций; нарушение этой закономерности обусловлено саморазвитием субстанций. Всякое саморазвитие, всякое творчество революционно; оно разрушает старый порядок и на его место ставит новый; исторический процесс космического развития в этом отношении не отличается от процесса общественного или культурного развития» [10, с. 212]. Важным заключением здесь является, что мир не сотворен раз навсегда, но продолжает твориться вместе со своими законами, которые выражают только одну его сторону – момент устойчивости и самосохранения.

Каким же образом момент самосохранения сосуществует с саморазвитием? Происходит взаимосвязь двойственности идиографического и номотетического моментов, при их перенесении из гносеологии в онтологию. Согласно Виндельбанду и Риккертю познание осуществляется из формулируемых законов («номотетическое» естествознание) и описываемых фактов («идиографические» дисциплины). Их теория имеет формально-методологическое значение, т.е. относится *не к свойствам самого бытия, а к элементам нашего познания* (выделено – К.Д.). Согласно же Франку утверждение приобретает онтологический характер. Мир складывается из моментов устойчивости и творчества, самосохранения и саморазвития. Из которых первый момент устанавливается в общих законах, а второй дан в истории, в созидании нового. С этой точки зрения понятие исторического приобретает широкое космическое значение. И, в противоположность всем другим,

эволюционным по теме, но не по характеру философской конструкции, учениям – здесь утверждается, что эволюция мира есть не простое перераспределение между постоянными элементами, ... а деятельное творчество, внутреннее имманентное развитие самих субстанциальных элементов бытия (*обозначаемое А. Бергсоном – «творческая эволюция»* – выделено – К.Д.). Всякая история – космическая, как и общественная – есть не слепая смена механических комбинаций, а *живой процесс развития личности*» (выделено – К.Д.) [10, с. 214].

В своей публикации Франк отмечал, что заслуга Штерна состоит в опровержении постулата отвлеченного мышления – «целое равно сумме своих частей», поясняя неосуществимость и невозможность на основе этого постулата продумать до конца картину мира. Жизнь и действительность оказываются принципиально непостижимыми для отвлеченного мышления. Историческим подтверждением, согласно Франку, те «непреодолимые трудности, к которым привела механистическая натурфилософия Декарта, и которые, как известно послужили исходной точкой для возникновения мистического миропонимания Гейлинкса и Мальбранша» [10, с. 215]. Вся сложность вопроса заключается в неизбежном антиномизме всякого отвлеченного мышления, раздробляющего живое единство на сумму частей и не имеющего возможности снова сложить его из этих кусков. Из чего вытекает требование дополнения логического анализа *эстетическим синтезом* (выделено – К.Д.). Такая мысль позволяет персоналистическому мировоззрению в научном смысле не «висеть в воздухе» (там же).

Актуальное значение приобретает экзистенциальный аспект мирозерцания человека о котором Штерн, по мысли Франка, отмечал апелляцией к эстетическому синтезу, отраженному в античности. Витальное миропонимание против механического, ограничение притязаний математически-логического анализа в пользу живого эстетического синтеза в методологической конструкции научной работы – вот суть запланированной философской реформы Штерна, долженствующей сблизить современную науку с античной. Эта реформа обещает внести огромный и принципиальный переворот во все культурно-философское мирозерцание человечества. В современном сознании, в отличие от античного, согласно Франку, до самых последних своих корней проникнуто двойственностью: двойственностью между миром природы и миром культуры. «Вся сила этого великого разрыва начинает созаваться лишь в наше время. Но все, что ясно и до конца постигается, уже близиться к концу: на очереди теперь стоит задача построение цельного философского синтеза, в котором бытие и ценность, природа и культура,

космическое и человеческое должны найти новое примирение. И здесь мы не можем не вспомнить в научном отношении еще совершенно неопережаемого гения, который пытался осуществить эту задачу – мы разумеем И. Гете. Несколько десятилетий тому назад философская мысль была выведена из состояния упадка движением, выросшим под клич: назад к Канту! Теперь это движение на наших глазах начинает исчерпывать себя. Труды В. Штерна и А. Бергсона и некоторые другие признаки указывают, что в настоящее время собирается новая, еще немногочисленная, но уже богатая силами рать, общий замысел которой вернее всего может быть выражен *стремлением к духовной универсальности Гете* (выделено – К.Д.). Этому течению, может быть, суждено вывести философию на новый плодотворный путь» [10, с. 217].

В другом своем исследовании «Ересь утопизма» Франк замечал, что не так просто будет обществу в осуществлении конструктивности плодотворного пути, имеющей сложное экзистенциальное состояние. Так, «замысел уничтожить зло принудительным нормированием жизни, даже поскольку он действительно руководим благой и разумной волей, фактически не достигает своей цели. Создается болезненное, отравляющее жизнь противоречие между только видимой благопристойностью и упорядоченностью жизни, как ее поверхностным наружным слоем и ее внутренней хаотичностью и порочностью. И, с другой стороны, самих водителей жизни, долженствующих своей разумной и благой волей преодолеть... злую и неразумную человеческую волю, направляет и обуздывает не какая-то высшая, более совершенная инстанция, а – в лице руководителей – та же самая человеческая воля, полная зла и неразумия. Получается безысходный порочный круг» [Франк С.Л. Ересь утопизма. – М. 1972. – С. 94-95. Цит. по 3, с. 498].

Из указанного порочного круга следует привести еще одно суждение Франка, которое более проясняет тенденцию в осуществлении конструктивности плодотворного пути. Важным является осмысление тех основ, о которых Франк говорил как необходимых. «Требование, чтобы мое оставалось при мне, чтобы никто не мешал мне пользоваться моим достоянием и даже злоупотреблять им, какое бы зло это ни причинило другим, – такое требование как выражение чистой корысти и эгоизма никоим образом не может претендовать именно на абсолютную нравственную авторитетность. Кто ищет правды и хочет мыслить по существу, без оглядки на то, «уместно» ли говорить правду и не использует ли кто-либо ее в своих интересах, – тот должен начать с открытого утверждения этой истины и не бояться признания, что в ней заключается, конечно, только чисто отрицательная, правда социалистической критики

частной собственности. Но эту истину можно и должно выразить в более широкой форме: право частной собственности не имеет непосредственного морального основания, в конечном счете, потому, что никакое вообще человеческое право (в субъективном смысле) *не имеет первичной, имманентной, моральной силы* (выделено – К.Д.). Смысл человеческой жизни не может заключаться в эгоизме, в отъединении от других, и защите своих личных интересов, он заключается только в служении Богу и людям. Служение самой правде, абсолютному Добру и вытекающее из него любовное служение людям – единственные абсолютные оправдания человеческой жизни. Это не просто моральные предписания или увещания, нарушение которых хотя и заслуживало бы нравственного порицания, но непосредственно не отражалось бы на судьбе и жизни нарушителей; это – абсолютный божественный закон жизни, выражающий само существо человеческой жизни и служащий его единственным основанием, пренебрежение к которому карается разрушением, гибелью самой жизни. Вот почему это единственная незыблемая основа общественной жизни людей» [3, с. 312]. Из данного фундаментального рассуждения Франк выводит справедливое следствие «нравственное самопознание ведет к признанию обязанностей» [3, с. 312].

Данный аспект интересен, если его сравнить в отношении педагогического фактора воздействия в русской (православной) культуре и западноевропейской культуре (с доминирующими векторами цивилизации). Так, по мысли Х. Ортега-и-Гассет, человек западноевропейской культуры XX в. имеет «мораль без ее сердцевины – сознания служения и долга. Безнравственность ныне стала ширпотребом», а отвращение к долгу укоренилось онтологически, породив «полусмешной – полустыдный феномен нашего времени – культ молодежи как таковой». «Средний» европеец напоминает избалованного ребенка, которому присущи две черты: «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Ортега-и-Гассет сравнивал современного ему европейца со «взбесившимся дикарем», именно «взбесившимся», ибо «нормальный дикарь» чтит традиции, следует вере, табу, заветам и обычаям. В Европе XX в., пророчествовал испанский мыслитель, восторжествует мужское начало, потеснив женщину и старца, а потому бытие человека потеряет свою степенность» [5, с. 368].

Поэтому роль опорных принципов, под которыми выступает религия, предстает не «опиумом народа», как подчеркивали некоторые представители натуралистической теории религии, а в определенной мере

естественным, необходимым компонентом жизни как общества в целом, так и каждого отдельного человека. На фоне вышесказанного совсем не фантастическим выглядит пророчество известного западного фантаста Ф. Брауна в рассказе «Ответ». В нем речь идет о «создании в отдаленном будущем межгалактической кибернетической машины, которая вобрала мудрость «всех обитаемых планет – девяноста шести миллионов миров». И вот конструкторы обращаются к своему детищу с первым вопросом, на который до сих пор не могли ответить ни один человек и ни одна машина: «Есть ли Бог?» Суперкомпьютер не промедлил с ответом ни на миг: «Да, ТЕПЕРЬ Бог есть» [Браун Ф. Ответ // Другое небо : Сб. заруб. Науч. фантастики. – М. 1990. – С. 297-298. Цит по 1, с. 39].

Выводы. В заключение, выясняя значение педагогического и экзистенциального фактора философской антропологии, хотелось бы обратить внимание к не менее важному замечанию для данного контекста Франка. В своем труде он отмечал: «Внутренний мир человека, взятый в целом, не меньшая реальность, чем явления материального мира. Мы наталкиваемся на него, как на камень или на стену. Садизм, безумное властолюбие и мания величия Гитлера» (и Сталина, скажем мы), «были для человечества недавно, к несчастью, эмпирической реальностью не менее объективной и гораздо более грозной и могущественной, чем ураган или землетрясение. Но то же самое применимо и к повседневным явлениям нашей жизни: упрямство или каприз человека, его враждебное отношение или антипатию к нам иногда гораздо труднее преодолеть, чем справиться с материальными препятствиями; и, с другой стороны, добросовестность, благожелательность, ровное, спокойное настроение окружающих нас людей есть часто большая опора нашей жизни, чем все материальные блага» [8, с. 11].

Данная опора, по нашему мнению, предстает основополагающим элементом философской антропологии, тем, что М. Шелер и Х. Плеснер обозначали «базисной структурой» человеческого бытия. То есть понимая, что личности предостоят не изолировано друг другу, но их соотношение должно мыслить иерархическим, как единство множественного, как единое целое. Указанная иерархичность, с одной стороны, может быть проявлена на эмпирическом уровне органической жизни: человечество состоит из народов, народы или государства из семей, семьи из индивидов и т. д. Но с другой стороны, интересует здесь метафизический аспект, придающий иерархичности универсальное космологическое значение, поскольку на высшей ступени этой космической иерархии предстает Бог или абсолютная личность. В связи с чем снятие проблемы в современном сознании, проникнутого до самых своих последних своих корней двойственностью

между миром природы и миром культуры, требует дополнения логического анализа *эстетическим синтезом*, что позволяет действовать в не в духе имперсоналистического творчества, считая, что ничего, подобного «личности» не существует, наличествуют же только вещи, а в духе персоналистического творчества, полагая, как замечал Франк, общий замысел которого вернее всего может быть выражен *стремлением к духовной универсальности Гете*. Этому течению, может быть, суждено вывести философию на новый плодотворный путь.

Литература

1. Браун Ф. Ответ // Другое небо : Сб. заруб. Науч. фантастики. – М. 1990. – С. 297-298. // Кислюк К.В. Релігієзнавство. Навч. посібник для студентів вузів. 3-є вид. – К.: Кондор, 2004. – 646 с.
2. Гуревич П.С. Философская антропология : учеб. пособие / П.С. Гуревич. – 2-е изд. – М.: Издательство «Омега-Л», 2010. – 607 с.
3. Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII-XX). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – 512 с.
4. Кобылкин Д. Гносеологический аспект бытия // «Университетский вестник» Луганского национального университета имени Владимира Даля. Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017 – Выпуск № 4(6). Ч.1 – С. 59-65.
5. Культурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под научн. ред. Г.В. Драча. – Изд. 16-е. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 570 с.
6. Монтень М. Опыты: в 3-х кн. Кн. I и II.; Отв. Ред. Ю.В. Виппер. – М.: Наука, 1979. – 703 с. – Серия: «Литературные памятники».
7. Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988 – 552 с.
8. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия// Семен Франк. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 382 с.
9. Франк С.Л. Ересь утопизма // Семен Франк По ту сторону правого и левого. – Paris: YMCA-Press, 1972. – С. 85-106.
10. Франк С.Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. – СПб.: Изд. Д.Е. Жуковский, 1910. – 389 с.
11. Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – 2-е изд., переработ, и доп. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.

Kobytkin D.S. THE ROLE OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AS AN EXISTENTIAL PEDAGOGICAL FACTOR

In this study, the analysis is devoted to the problem of duality between the world of nature and the culture world, in which the interrelation between the duality of idiographic and nomothetic moments is investigated, as well as the interaction of impersonal and personalistic creativity, to elucidate the expediency of developing a man's fruitful path. The latter is connected with the meaning of aesthetic synthesis which us allows to act not in the spirit of impersonal creativity, believing that nothing like «personality» exists but only things are present, but in the spirit of personalistic creativity, as Frank noted, all sense can be expressed by the desire for the spiritual universality of Goethe. This current perhaps is destined to bring philosophy to a new fruitful path.

Key words: *philosophical anthropology, essence, humaneness of a person, personality, thing, purposefulness, whole.*

Кобылкин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 111.852 : 17.036

Рудько В.А.

**КОНСТАНТНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ
ЦЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ АТАРАКСИИ**

В статье показано, что понимание атараксии как гармонии, которая обычно связана с рефлексией бытия человека, приводит к необходимости сложного пути совершенствования для обретения утраченной «естественности» и тем самым гармоничности. Рассмотрено состояние отчаяния, которое может усмирить человека, привести его к душевному покою и которое является свободным душевным актом, что приводит к познанию абсолютного. Представлено описание метаметафоры – зримого эйдоса, о котором писал К. О. Кедров, – и к которой можно прийти только в состоянии атараксии через «выворачивание» – «инсайд-аут».

Ключевые понятия: *атараксия, гармония, эйдос, метаметафора, ценность.*

Постановка проблемы. Обычно термин «атараксия» связывают с этикой стоиков, эпикурейцев и скептиков, которые строили философские

системы, которые обеспечивали для отдельной личности её независимое, невозмутимое и бесстрастное состояние.

Этот термин появился в эллинистической философии, о нём не упоминается в последующих философских учениях, но атараксический мотив явно просматривается в вечных вопросах этики и эстетики, в решении проблем взаимодействия человека и природы, в философских спекуляциях духовного мира человека. Сама идея атараксии соответствует исконной потребности человека в благополучном сосуществовании со средой.

К эстетическому мы стремимся, но совсем не так, как мы стремимся в нашей бытовой жизни к достижению тех или иных целей. Эстетическое вызывает в нас особое счастливое состояние, которое мы в полном смысле слова можем назвать блаженством. Однако это эстетическое счастье и блаженство не имеют ничего общего с тем чувством удовлетворения, которое мы переживаем в нашей личной, бытовой, общественной жизни. Прекрасное, оставаясь иррелевантным, однако заставляет нас всячески к нему стремиться и получать особое удовольствие, не сравнимое с обще жизненными и жизненно заинтересованными переживаниями. К адиафорной области стоики относят не только красоту, но и такие области, как здоровье, богатство, славу. Они трактуют их отнюдь не в том практическом, утилитарном и корыстном смысле, как это бывает в человеческом быту. Эти области для стоиков тоже слишком благородны и возвышенны, чтобы их понимать узко утилитарно.

С позиции компаративного и цивилизационного подходов понятие «гармония» не ограничено исключительно эстетической и этической сферами. Она является ключевой онтологической и антропологической категорией, которая характеризует способ взаимной подчиненности внутреннего и внешнего уровней бытия индивида (общества). Итак, ориентир на гармонию в состоянии атараксии в этом смысле означает не только эмоциональное переживания и чувственно-образное чувство прекрасного как органически целостного, но и интуитивное или рациональное представление о возможности входить в состав бытия не как чужой компонент, а как необходимая составляющая некоторого единства. Отсюда гармоничность как свойство мира и способ его особого восприятия характеризует онтологическое и гносеологическое своеобразие двуединого процесса развития отношений человека и мира. Поэтому гармония состояния атараксии как соразмерность, уравновешенность, дополняемость внутреннего и внешнего является ценностью как индивидуального, так и общественного бытия, которая отражает стремление к целостности, неразделимого восприятия мира. Гармоничность является для многих школ

отражением внешней вселенной во внутреннем мире индивида, что даёт возможность слияния с «первоисточком» всего сущего.

Атараксия является важным предметом философской рефлексии. Этот термин содержит в себе достаточно глубокое знание о гармоничной укоренённости бытия духа в повседневности. Но состояние научного дискурса не даёт нам достаточных оснований для утверждения, что определение этой проблемы в понятиях и требованиях философской рефлексии приобрело уже окончательное решение.

Общим недостатком отношения к проблематике атараксии следует признать узко этикологизаторский ракурс в её осмыслении. Исследования атараксии, от непосредственно-этических и культурологических дискурсов, включая литературу, к многоплановому анализу, который касается глубинных основ существования самих вещей в бытии, следует делать усилиями учёных из разных отраслей. Современная аналитика требует способности обосновать проблему атараксии с точки зрения эстетики, потому атараксическое состояние характеризуется такими сугубо эстетическими категориями, как гармония, мера и эвритмия. Выведение отношения атараксии на уровень системно-теоретических обобщений к специфически эстетическим категориям можно определить научным шагом, актуальным и новаторским.

Мера, ритм, гармония и другие категории эстетики с абстрактно-всеобщих схем космического бытия превращаются в способы самоизучения и внутреннего устройства человека. Категория атараксии оказывается показателем цельности и упорядоченности природы и равновесия рационального и эмоционального в человеке, обоснованием возможности снятия социальных антагонизмов. А это всегда является актуальным.

Актуальность проблемы атараксии заключается прежде всего в том, что любая попытка её разработки сочетает в целом разнообразную философскую проблематику, причём в совершенно определённом контексте поиска позитивных, конструктивных, а не деструктивных решений. Можно сказать, что атараксия как проявление эстетического сознания, как его диалектико-структурная часть, воплощая в себе совершенство, представляет наивысшую цель, к которой стремится личность.

Цель исследования. Выявление ценности состояния атараксии с помощью анализа особенностей феномена атараксии.

Основная часть. Всегда актуальной является проблема достижения счастья и гармонии. Развитие представлений о мире и человеке от мифологического к теоретическому неизбежно содержит идею

гармоничности вселенной. Понимание гармонии обычно связано с рефлексией по поводу трагичности и ограниченности бытия человека. Эта рефлексия приводит к подчёркиванию необходимости сложного пути совершенствования для обретения утраченной «естественности» и тем самым гармоничности. Поэтому понятие гармонии представляет два варианта – первичной гармонии и вновь обретённой гармонии как итога совершенствования и поиска высшей мудрости. Гармония в каждом из случаев (в первом – как начало и итог, а во втором – как сам процесс) оказывается снятием раздвоенности, противоречия мира, фиксированным сознанием человека цивилизации. И именно атараксия как восприятие и поддержка гармонии оказывается снятием глубокой рефлексии по поводу двойной, противоречивой, двуединой основы вселенной.

Ценность гармонии атараксического состояния эпикурейского типа мировоззрения заключается в достижении блаженного состояния. Если эвдемонизм понимать как «принцип истолкования и обоснования морали, согласно которому счастье (блаженство, гармония) является высшей целью человеческой жизни» [7, с. 786], то почти все этические учения от античности и до наших дней можно назвать эвдемонистическими. Отличия начинаются во время конкретизации понятия счастья и разработки путей его достижения.

Анализ атараксии как гармонии, меры и эвритмии можно сделать с помощью работ, которые не поднимают прямо проблему атараксии, но посвященные исследованию внутреннего состояния человека, что, конечно же, связано с нашей темой. Это произведения таких авторов, как Августин Аврелий, Аристотель, Г.С. Батищев, М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, В.В. Бичков, О.Ф. Больнов, Ю.Я. Бондаренко, Ю.Б. Борев, М. Вебер, Н.М. Вернигора, А.П. Воеводин, Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Г.В.Ф. Гегель, Н.К. Гей, С. Гольденрихт, Е.С. Громов, А.В. Гулыга, Демокрит, О.Б. Демидов, С.Ф. Денисов, Т.И. Домбровская, А.Я. Зись, О.В. Золотухина-Аболина, И. Кант, И.Т. Касавин, Э. Кассирер, К.А. Кедров, Н.И. Киященко, Г. Коген, Н.З. Коротков, В.И. Красиков, С. Кьеркегор, О.В. Лармин, Л.Т. Левчук, Н.Л. Лейзеров, К. Леонард, Н.О. Лосский, С. Мадди, В.А. Малахов, Н.Б. Маньковская, Марк Аврелий, А.А. Милтс, Ф. Ницше, М.Ф. Овсянников, В.И. Панченко, Д.В. Пивоваров, В.М. Пискунов, Платон, О.С. Разумовский, Л.-А. Сенека, П. Слотердайк, В.С. Соловьёв, Б. Спиноза, Л.Н. Столович, В.К. Суханцева, В.С. Татаркевич, П. Тиллих, А.М. Федь, Д.М. Федяев, Э. Фромм, Цицерон, Й.Ф.В. Шеллинг, В.П. Шестаков, Г.Г. Шпет, А. Шюц, Эпикур, Э.Г. Яковлев, К. Ясперс и др.

Если гармония является эталоном взаимоотношений между социальными группами, то неизбежно приходит осознание необходимости общественного качества и места среди других. Гармоничность отношений в обществе предполагает, что каждый должен «оставаться на своём месте» и исправно выполнять собственные функции, не покушаясь на большее. Такая система в политической и экономической сфере может быть очень эффективной, однако в социально-личностном измерении очень далека от «гармонии». Следовательно, общественный принцип «гармония как источник бытия» в случае его реализации через насилие может терять позитивный смысл и сохранять «естественный», ценностно-нейтральный, или становится полностью вытесненным в индивидуальное сознание. Недостаточная эффективность такой модели связана не столько с самой целью, сколько с её сочетанием со средствами. Отсюда Л.В. Баева [1] пришла к выводу, что если путь ненасилия для реализации гармонии не является характерным для большинства индивидов общества, то, вероятно, это и вызывает негативные трансформации во время воплощения этой ценности в практику.

Восточная философия пропитана идеей гармонии, которую рассматривают как естественное состояние равновесия всех энергий тела, с одной стороны, и человека и мира, с другой. Поэтому все практики являются инструментом восстановления утраченной гармонии, или творчеством нового по законам гармонии мира в его целостности. Связь существования с гармонией здесь приобретает характер смысла жизни.

Западное общество не имеет последовательного ориентира на гармонию в отношении насущного бытия. Оно рассматривает развитие, эволюцию, прогресс как высшие ценности и усматривает основу этих процессов не в покое и равновесии качеств, а в противоречии и разграничении.

Если для Востока характерно позазстетическое понимание гармонии (за исключением конфуцианства, которое относительно этого близко к западному мировоззрению), то для Запада, наоборот, гармония предполагает исключительно этическую, аксиологическую окрашенность и непосредственно связана с Добром и Красотой.

Человеку свойственно задаваться вопросами и исследовать истину. Поэтому, когда он освобождается от обыденных нужд и забот, то пытается увидеть, услышать и изучить то, что, давая ему познание как скрытых, так и явных вещей, необходимо для блаженной жизни.

С. Кьеркегор [5, с. 250-256, 272, 294, 302] советует дойти до полного отчаяния как подготовительного душевного акта, требующего серьезного напряжения и сосредоточения всех сил души, считая, что ни один человек,

не вкусивший горечи истинного отчаяния, не в состоянии схватить истинной сущности жизни. Он говорил, что тот, кто впадает в отчаяние через отдельную частность, рискует тем, что его отчаяние не будет настоящим, глубоким отчаянием, а простой грустью, вызванной отдельным лишением. Не будет настоящим и отчаяние того, кто ошибся во взгляде на жизнь в минуту отчаяния, предположив, что несчастье человека не в нём самом, а в совокупности внешних условий: такое отчаяние ведёт к жизненависти, тогда как настоящее отчаяние, помогая человеку познать самого себя, наоборот, заставляет его проникнуться любовью к человечеству и жизни. Понемногу отчаяние уничтожает в человеке всё лишнее, ненужное, суетное и ведёт его к осознанию его вечного значения.

Сомнение и отчаяние относятся к различным сферам, приводят в движение различные душевные области. Отчаяние выражает несравненно более глубокое и самостоятельное чувство, оно охватывает в его движении гораздо большую область, чем сомнение: отчаяние охватывает всю человеческую личность, сомнение же – только область мышления. Отчаяние само по себе является выбором, потому что, не выбирая, можно лишь сомневаться, а не отчаиваться; когда человек впадает в отчаяние, он уже выбирает, и выбирает самого себя, не в смысле временного, случайного индивидуума, каким является человек в его естественной непосредственности, но в его вечном, неизменном значении человека.

Усмирить человека, дать ему душевный покой может только отчаяние, оно является вполне свободным душевным актом, который приводит его к познанию абсолютного. Выбирая абсолют, человек выбирает отчаяние, выбирая отчаяние, человек выбирает абсолют, потому что абсолют – это сам человек, он сам даёт начало абсолюту, то есть человек сам выражает собой абсолют. Иначе говоря, выбирая абсолют, человек выбирает себя; давая начало абсолюту, человек даёт начало себе. Впадая в отчаяние, человек выбирает абсолют, то есть себя самого в своём вечном значении человека.

Особенно поражали Кьеркегора относительно этого некоторые философы, мысль которых доведена до высшей степени объективного спокойствия, а сами они жили в отчаянии. Они, по его мнению, развлекали себя чистым объективным мышлением, которое является наиболее дурманящим из всех способов и средств, к которым человек обращается для развлечения: ведь абстрактное мышление требует обезличивания человека. Такое ощущение вечной жизни вселенной было и у Эйнштейна, который утверждал, что настолько слился с законами мироздания, что личная смерть не кажется ему значительным событием. Философия Гегеля, как всякое гениальное построение, является своеобразной игрой в бисер.

Его труд «Наука логики» очищает душу и голову от всего случайного и наносного, приобщая её к гармонии космоса. «Всё разумное является действительным. Всё действительное есть разумным» – это выражение Гегеля созвучно положению Декарта «мыслю, следовательно существую». Но для Декарта это утверждение самоценности мысли и собственного бытия, а для Гегеля эта мысль не только утверждение, но и оправдание бытия. Философу действительно казалось, что всё реальное разумно, а всё разумное является реальным. Хотя мы обычно считаем, что бытие сплошь сумасшедшее или абсурдное. Но стоит помнить, что бытием Гегель считал лишь то, что бессмертно. Именно в этом смысле «бытие определяет сознание». Философствовать, по Гегелю, то же самое, что жить вечно. Кому это доступно при жизни, тот понимает, что такое диалектика Гегеля и метаметафора.

О метаметафоре подробно писал К.А. Кедров [3]. Только в состоянии атараксии можно прийти к метаметафоре. Первое описание метаметафоры дано в книге Павла Флоренского «Мнимости в геометрии», где сказано, что всякое тело, приближаясь к скорости света, находит его бесконечную сущность, превращаясь в платоновский эйдос. Флоренский верил больше формуле Лоренца, чем формуле Эйнштейна, поскольку у Эйнштейна сжимается пространство-время, а у Лоренца с приближением к скорости света деформируется тело. Флоренский утверждал, что при скорости большей, чем скорость света (чего физически быть не может), тело «вывернется через себя» во вселенную и станет ею, станет бесконечным. Эти бесконечные мировые сущности Флоренский считал платоновскими эйдосами. В таком случае метаметафора – это воплощённый эйдос.

Согласно Эйнштейну, средняя масса вселенной равна нулю. На фотоне, который мчится со скоростью 300000 км/сек^2 , время равно нулю. Можно сказать, что быть в нирване значит уподобиться свету. Однако человек может превысить эту скорость и, извернувшись через себя во вселенную, найти бесконечную сущность.

В докторской диссертации «Этико-антропный принцип в культуре» и в книге «Поэтический космос» [2] К.А. Кедров термин «выворачивание» дополнил термином «инсайд-аут». На самом деле процесс выворачивания наизнанку это лишь образ, дающий возможность почувствовать и понять момент исчезновения внутреннего и внешнего. Так весь космос, внешний по отношению к человеку, ощущается и воспринимается как своё тело, своя душа и даже своё нутро. Одновременно своё тело и своё нутро оказывается внешним по отношению к всемирной метагалактике и как бы полностью охватывает её. Далёкое близко. Близкое далёко. «Бог ближе к

нам, чем мы думаем. Он ближе к нам, чем мы сами близки к себе» (Майстер Экхарт). «Царство Божие внутри вас есть» (Новый Завет).

Как гигантский космос становится внутри малого объёма тела, а объём тела расширяется на весь космос? Чтобы понять это, легче всего прибегнуть к аналогии: даже малый мячик для пинг-понга, вывернувшись, вместит всю вселенную, ведь его внутреннее пространство станет внешним, а всё внешнее пространство космоса войдёт в него. Это происходит с зёрнышком, когда оно, выворачиваясь, прорастает во внешнее пространство, становясь им. Так же раскрывается бутон, выворачиваясь и становясь цветком. Так же мать родит дитя. Таким же образом человек в момент космического рождения выворачивается из материнской утробы космоса. Во всех этих случаях К.А. Кедров говорит лишь об аналогии и прообразах духовного инсайда-аута – выворачивания.

С точки зрения эстетики интересным является описание инсайда-аута. Согласно Новому Завету человек должен родиться дважды. Один раз от плоти и другой раз от Духа. «Рождение от плоти есть плоть. Рождение от Духа есть Дух». Инсайд-аут – рождение от Духа, обретение космоса как своего космического бессмертного тела. Андрей Белый пережил выворачивание на пирамиде Хеопса, космонавт Эдгар Митчел на Луне. Константин Кедров пережил инсайд-аут дважды. Первый раз это было в Измайловском парке, в полночь. Он был удивлён пятью моментами. Первый – свечение тела. Второй – ощущение близости самой отдаленной звезды; она мгновенно ощущалась внутри: «Я посмотрел вокруг и удивился: / где-то в бесконечной глубине / бесконечный взгляд мой отразился и вернулся изнутри ко мне...». Третий – ощущение всех предметов и всего космоса как продолжения собственного тела. Четвёртый – ощущение собственного нутра, которое полностью охватывает всеми нервами и рецепторами весь космос. Пятый – космос внутри; я его вмещаю; он – я. Это что касается пространства. Но ещё интереснее другое ощущение времени. Прошлое, будущее и настоящее слились в одно бесконечное мгновение. Не было разницы между прошлым и будущим. Они с легкостью менялись местами. Смерть опережала рождение.

Метаметафора – это описание выворачивания – инсайда-аута. Космос познаётся не через звёзды, а благодаря человеческой любви. Полнота любви – это одухотворённое тело и Дух, воплощённый в теле, или человек-космос – Номо cosmicus. Как тут не вспомнить стоическое учение с его amor fati и космополитичностью. И все это – благодаря атараксичному состоянию мыслящего человека.

В 1951 году Яков Друскин записал в своём дневнике, что проекция четырёхмерного куба в трёхмерное пространство будет выглядеть, как куб

в кубе. Если эту проекцию представить как четырёхмерный куб, то его основанием станет меньший куб, при этом внутреннее пространство станет внешним, а внешнее внутренним, то есть малый куб займёт изнутри большой. Дополняя мысль Друскина, представим себе, что куб в кубе – это человек во вселенной. Наше тело внутри, а вселенная его обволакивает. Но это лишь его проекция из четырёхмерного пространства-времени Минковского и Эйнштейна. В реальности, то есть в четырёхмерном пространстве-времени, человек охватывает изнутри вселенную и вполне вмещает её в себе. Человек – основа вселенной. Почему мы видим себя только как проекцию? Почему, говоря языком Эйнштейна, «человек не способен видеть четырёхмерность»? Скорее всего, наше рождение – это своеобразное путешествие вселенной внутрь себя. Представим, что трёхмерный куб проецирует себя на плоскость. Получится квадрат в квадрате. Спроецируем квадрат в одномерность – получим точку, индивидуум. Вывернем снова точку в квадрат – получим пирамиду. Это геометрия. Становится понятным, что выворачивание – выход во все измерения сразу, сколько бы их не было в реальности. И везде тот же процесс: меньшее (человек) вмещает большее (вселенная). А большее (вселенная) вмещается в человека [2].

Выворачивание не стоит рассматривать как психоделическую иллюзию или иную идеологию. Это реальность, на которую человечество почти не обращает внимания, не видит. Выворачивание не достигается путём каких-то медитаций и других элементов самокодирования. Это естественный момент духовного созревания, который приходит, как озарение, спонтанно и самопроизвольно. Он возможен только в любви. Для выворачивания необходима любовь. Для нирваны – отказ от чувств. Есть люди нуля – нирваны и люди бесконечности – выворачивания. Для одних атараксия – это цель, для других – средство.

Следовательно, воплощение ценности гармонии, меры и эвритмии в жизнедеятельность личности и общества влияет на такие процессы, как: поддержание природного равновесия, баланса отношений с внешней средой; эффективная адаптация к условиям внешней реальности; экологизация мировоззрения, природоохранная деятельность; консервативность в экологической и социальной сфере, избежание нововведений, которые качественно изменяют внешнюю среду и характер взаимоотношений с ним. В связи с этим можно отнести ценность состояния атараксии к важнейшим стабилизирующим ценностям личности, которые способствуют оптимальному взаимодействию с окружающей средой: природой и обществом.

Итак, атаксия является особой ценностью индивидуального и общественного бытия, которая способствует снятию проблем смысла жизни, смерти, абсурда, чуждости мира.

Компаративный анализ показывает, что атаксию как гармонию, меру и эвритмию индивида с миром можно рассматривать как реальность, как источник или итог развития существования, которого можно достичь через освобождение от дихотомии субъекта и объекта, положительного и отрицательного, жизни и смерти, активности и покоя.

Следовательно, главная экзистенциальная задача человека – и в эпикуреизме, и в экзистенциализме, и в восточной философии – снятие страха перед стихией, смертью, мировым злом, абсурдом, невозможностью подлинного знания и свободы, то есть всего того, что является ключевыми проблемами каждого индивида. Экзистенциальное противоречие «страх – страдание – незнание – одиночество» решается внутренне, через формирование соответствующего отношения к себе и внешнему миру – атаксию. Она как душевный покой, который является источником блаженства, беззаботности, является, по мнению философов, одной из важнейших ценностей. Итак, атаксия как гармоничное, умеренное и эвритмичное отношение индивида с миром – это ценность, которая является важнейшим условием для положительного отношения к миру.

Атаксия как проявление эстетического сознания, как его диалектико-структурная часть, воплощая в себе совершенство, представляет высшую цель, к которой стремится личность. Поэтому дальнейшее исследование атаксии, которая является важным предметом философской рефлексии, можно определить актуальным научным шагом.

Литература

1. Баева Л.В. Гармония как экзистенциальная ценность: компаративный анализ // Астраполис: Астраханские политические исследования. – 2004. – № 3 (6).
2. Бондаренко Ю.Я. Человек. Судьба. Вселенная: глазами древних мудрецов. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 237 с. – (Вселенная духа).
3. Кант И. Метафизика нравов. – М.: Мысль, 1965. – 478 с. – (Сочинения: в 6 т. / И. Кант; Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1963-1966).
4. Кедров К.А. Поэтический космос. – М.: Советский писатель, 1989. – 480 с.
5. Кедров К. А. Энциклопедия метаметафоры. – М.: ДООС, 2000. – 126 с.

-
6. Корелин М.С. Падение античного мирозерцания: культурный кризис в Римской империи. – 2-е изд. – СПб.: Изд. Т-ва «Брокгауз-ефронт», 1901. – 169 с.
 7. Кьеркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Несчастнейший. – М.: Библийско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – С. 103-235.
 8. Кьеркегор С. Или – или. – М.: Арктогея, 1993. – 378 с.
 9. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
 10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм. – М.: АСТ, 2000. – 960 с.
 11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8 т. Т. 8. В 2 кн. Итоги тысячелетнего развития. – М.: АСТ, 2000. – 832 с.
 12. Лосев А.Ф. История эстетических категорий. – М.: Искусство, 1965. – 374 с.
 13. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. – М.: АО «Ками Групп», 1995. – 445 с.
 14. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Степанов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Rudko V.A. THE CONSTANT RELEVANCE THE VALUE OF THE STATE OF ATARAXIA

The article shows that the understanding of ataraxia as harmony, which is usually associated with the reflection of human being, leads to the need for a complex path of perfection for gaining lost «naturalness» and thus harmony. Considered the state of despair, which can pacify a person, lead him to peace of mind and which is a free mental act, which leads to the knowledge of the absolute. A description of the metametaphora – the visible eidōs, about which K.A. Kedrov wrote – is presented, and to which one can only come in the state of ataraxia through «eversion» – «insight out».

Key words: *ataraxia, harmony, eidōs, metamorphosis, value.*

Рудько Виктория Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ В ПРИЗМЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируются понятия «антропологический кризис» в рамках экзистенциальной философии. Отмечается, что осмысление кризиса современности в философских категориях позволит систематизировать знания, построить ее модель и проанализировать будущие тенденции развития; выявить социально-философские концепции, которые этот кризис могут объяснить и наметить некоторые пути его преодоления.

***Ключевые слова:** антропологический кризис, экзистенциальная философия, глобальные проблемы человечества, экзистенция.*

Постановка проблемы. Современный мир характеризуется глобальными трансформационными процессами. Глобализация выступает новым социально-культурным явлением XXI в. При этом мир находится в транзитивном состоянии, характеризующим переход от старого к новому. Это состояние отличается наличием кризисных явлений, которые охватывают все сферы человеческого существования. Перед человечеством стоят многочисленные проблемы, для решения которых необходима новая парадигма и новый концептуальный аппарат, который должен формироваться на пересечении различных направлений философского знания. Нужна новая идеология, которая бы объединила глобализированный мир в рамках новой гуманистической доктрины. Бесспорно, феномен кризиса современного мира является сложным и многомерным, требует усилий специалистов различных сфер и отраслей. Задача же философии заключается в том, чтобы выявить различные кризисные явления в современном мире, провести надлежащий концептуальный анализ, исследовать различные подходы их решения в рамках различных философских школ.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием проблем антропологического кризиса современности сегодня занимаются многие видные ученые и мировые научно-экспертные организации. Существенный вклад в изучение антропологических проблем современности внесли ведущие западные и отечественные философы,

такие как: Сартр Ж.-П., Шелер М., Гелен А., Плеснер Х., Кьеркегор С., Тиллих П. и др. В то же время вопреки появлению значительного количества публикаций, посвящённых данной проблематике, сохраняется много нерешённых антропологических проблем современности. Все это и обусловило актуальность избрания нами темы исследования.

Цель исследования. Целью статьи является исследование антропологического кризиса в его экзистенциальном измерении.

Основная часть. Целесообразно выделить различные основания возникновения антропологического кризиса. Эти основания обусловлены трансформациями внутреннего мира человека, ощущением несправедливости мира, кризисом экзистенции – человеческого существования, растворённого в общемировом тренде различных проблем: идеологических, связанных с потерей целостности мировосприятия, навязанной фрагментарностью различных источников информации, СМИ; морально-этических, обусловленных трансформацию ценностной доминанты постсоветских обществ, мультикультурализмом, связанным с проблемой взаимодействия Запада и Востока; глобальными общечеловеческими проблемами, которые развиваются на фоне снижения биоразнообразия, возможности ядерной войны, ухудшения экологических условий, стихийных бедствий, истощения ресурсов, голода, терроризма, организованной преступности в её новых формах, негативных тенденций техноцентричной цивилизации, непредвиденных последствий генной инженерии и биотехнологии и тому подобное.

Под кризисом понимается любое событие, которое, как ожидается, приведет к нестабильной и опасной ситуации, которая будет непосредственно касаться личности, группы, сообщества или всего человечества. Это состояние, при котором существующие способы достижения целей являются неадекватными, непредсказуемыми и опасными. Под кризисом можно понимать негативные изменения в безопасности, которые отображаются на политических институтах, культуре, обществе, экономике и тому подобное. Целесообразно рассматривать кризиса в контексте определенной сложной системы, в том случае, когда она функционирует плохо, но причины дисфункции неизвестны. Кризис создает высокий уровень неопределенности и угрозы (или предполагаемой угрозы) для большого количества людей. Где бы ни проявлялась кризис: в экономике, политике и т. д. - он создается человеком и имеет антропологические корни. Поэтому целесообразно говорить не только о антропологическом кризисе, которые является катализатором всех тех проблем, которые оговариваются кризисными явлениями в обществе, но и о неспособности вовремя увидеть проявление или начало кризисных

явлений в обществе, что связано с определенными психологическими реакциями человека, его мировоззрением или нежеланием признавать кризис как таковой.

Осмысление кризиса современности, а также проблем, которые касаются большинства стран, через призму философского анализа позволит систематизировать знания о нём, построить концептуальную модель и проанализировать будущие тенденции развития; выявить социально-философские концепции, которые этот кризис могут объяснить. В рамках философской рефлексии целесообразно выявить антропологическую проблематику кризиса современности. Антропологический кризис как многоаспектный феномен требует для своего анализа комплексного подхода, использования различных методов и подходов.

Антропологический кризис имеет экзистенциальные основания. Человек постоянно требует осмысления границ собственной реальности, понимания собственного Я, своего внутреннего мира, сравнения себя с другими. Смысл и четкая стратегия всегда вызывали у человека экзистенциальный страх встречи с «бездной небытия». Это отмечают философы, предметом исследования которых стали проблемы экзистенциальной философии.

Экзистенциализм развивался параллельно с философской антропологией, персонализмом. Его трудно выделить как самостоятельное направление. Например, у Ж.-П. Сартра экзистенциализм – это гуманизм, который выражает духовное измерение человека, его уникальность [1]. Антропологическая кризис приобретает развития у человека в том случае, когда он не принадлежит себе, когда он подчиняется навязанным ему нормам, то есть когда он, по Сартру, ведет «ненастоящее существования». Подобная несвобода вызывает, по Сартру, уединенность или бегство от неприемлемой действительности.

Тяжелое ощущение несвободы как проблема экзистенциальной изолированности человека исследована в работах Л.Б. Альберти, который создал последовательно гуманистическое учение о человеке. Философ считал, что люди иногда становятся разрушителями, отказываясь руководствоваться разумом и знаниями. М. Шелер антропологический кризис рассматривал сквозь призму внутреннего переживания человека, как следствие выделения человека из мира природы [2]. Он считал, что решить эту проблему можно, раскрывая сущность человека, то есть отвечая на вопрос: «что есть человек?». М. Шелер описывал поток действующих в человеке сил, которые идут «снизу вверх»: каждая высшая форма бытия основывается на энергии низших форм. Таким образом, жизнь, по Шелеру, есть поток переживаний [3]. А. Гелен вводит метафору «человек

несовершенен». Он подчеркивает «недостаточность» человека, отмечает, что у человека превалируют инстинкты, и его деятельность обусловлена обществом. Поэтому антропологический кризис, по А. Гелену, будет формироваться социальными институтами [4].

По мнению Х. Плеснера, без философии человека нет никакой теории человеческого опыта. Без философии природы – никакой философии человека [5]. Он разрабатывает философскую антропологию как учение о сущностных законах личности. Х. Плеснер пытается создать собственный понятийный аппарат для всей сферы, где существует человек как «психофизически нейтральная» личность. Человек для него – не объект науки, не субъект своего сознания, он выступает объектом и субъектом своей жизни, то есть она для себя и предметом, и центром. В таком качестве, считает Х. Плеснер, человек входит в историю, становится только способом реализации его размышлений и знаний о самом себе. Не как тело (если под телом понимается сфера, объективированная естественными науками), не как душа и поток сознания (если речь идет об объекте психологии), не как абстрактный субъект, для которого имеют силу законы логики, нормы этики и эстетики, а как психофизически индифферентная или нейтральное жизненное единство существования человека «в себе и для себя» [5]. Для Х. Плеснера решение антропологического кризиса содержится в культуре, потому что именно культура позволяет противостоять опасностям, которые несет в себе открытость человека миру [5]. Х. Плеснер считает, что такие феномены, как смех и плач – это катастрофические реакции, возникающие в результате потери самообладания и не имеющие стандартного решения в кризисных ситуациях.

Для С. Кьеркегора антропологический кризис проявляется в страхе и тревоге. С. Кьеркегор определяет человеческую жизнь как отчаяние, которое является следствием греховной природы человека [6]. П. Тиллих определяет экзистенциальные основания кризиса человека с помощью страха осознания своего небытия. Духовная драма человека заключается, по его мнению, в потере системы абсолютных ценностей, в потере Бога [7].

М. Хайдеггер критиковал абстрактный метафизический характер традиционных путей описания человеческой экзистенции, он вводит понятие Dasein, которое понимается М.Хайдеггером как сущее, которое имеет способность вопрошать о бытии [8]. Из-за обнаружения экзистенциальной структуры Dasein человек может найти смысл бытия. Таким образом, можно решить антропологический кризис в рамках хайдеггерианской философии.

А. Камю видит в основе антропологического кризиса «данность

абсурда». Согласно А. Камю, именно люди порождают нечеловеческое. Выход из кризиса заключается в понимании того, что мир абсурден, тем самым человек обретает свободу. Обрести свободу можно только восстав против всемирного абсурда, бунтуя против него. Таким образом, бунт и свобода, по А. Камю, неразделимы. Свобода, выражается в бунте, придает смысл человеческой жизни [9].

Основание кризиса для К. Ясперса – это пагубное «раздробление» мира, невнимание к целостности бытия. Экзистенция, по К. Ясперсу, имеет проявление в ситуациях заботы и страдания, а также в «пограничных ситуациях», под которыми он понимает моменты глубочайших потрясений, стресса. В таких ситуациях человек мобилизует свои ресурсы и может подняться на более высокий уровень [10]. В современном обществе, по мнению К. Ясперса, быть – значит «быть в деле». Отдельный человек существует как осознание социального бытия. В пограничном случае оно чувствует радость труда без ощущения своей самости. Таким образом, он осознает свое бытие только как «мы». Бытие человека сводится к общему, к единственному, к тривиальности наслаждения. К. Ясперс отмечает, что единственными становятся не только мода, но и правила общения, жесты, манера говорить, характер общения. Превращая отдельных людей на «функции», огромный аппарат обеспечения существования «вынимает» их с субстанционального содержания жизни, когда через традиции он влиял на людей. По мнению К. Ясперса, объективированный, оторванный от своих корней человек потерял подлинное бытие. В удовлетворении и неудовлетворенности, в напряжении и усталости он выражает себя лишь как определенная функция. К. Ясперс вводит понятие толпы, для того, чтобы объяснить, как масса не связанных друг с другом людей в своем сочетании составляют определенное единство. Философ отмечает, что масса как совокупность людей, у которых решающее значение имеет воля и свойство большинства, является постоянно действующей силой нашего мира. Люди сравнивают себя с другими, однако необходимо, чтобы каждый был самим собой [10]. Таким образом, в работах немецкого философа кризис связывается с потерей идентичности.

Х. Ортега-и-Гассет разработал теоретический подход к анализу социально-массовых явлений, который может быть обозначен как этико-эстетический или культуроцентристский. Он ввел в научный оборот понятие «человек массы» («массовый человек»), проанализировал особенности этого социокультурного типа в сравнении с типом представителя духовной элиты. Принадлежность к массе, по мнению Х. Ортега-и-Гассет – признак исключительно психологический, совсем не обязательно, чтобы субъект физически к ней принадлежал. Масса – это

множество людей без особых достоинств, ее элемент – средний, обычный человек.

Х. Ортега-и-Гассет отмечает способность человека временно освободиться от порабощения материальными вещами. Эту способность он связывает с наличием у людей собственного внутреннего мира. Однако в случае превалирования материальных ценностей человек начинает жить без определенного жизненного проекта и находит смысл существования внутри толпы. Тем самым он становится социально безответственным [11]. Такой жизненный сценарий приводит к кризисным проявлениям как духовного мира человека, так и общества в целом.

Понятие самоидентификации защищает нас от других людей – толпы. В таком познании себя оказывается подлинность человеческого существования и независимость от других. Экзистенциальная философия оперирует категориями этики, такими как вина, ответственность, долг, добродетель, смысл жизни, пытаюсь охватить важные аспекты человеческого существования, в том числе мышления (научного и обыденного).

Можно говорить о каком-то «моральном мышлении» как о попытке найти регулятор норм добра и зла, механизм решения антропологического кризиса. Безусловно, набор категорий и понятий экзистенциальной философии пополняется и требует дальнейшей модификации. Поэтому так важна переоценка наследия экзистенциализма, что подчеркивает современный философ К. Ахо [12]. Исследователь отмечает, что в таких различных областях, как когнитивная наука, психиатрия, здравоохранение, охрана окружающей среды наследие экзистенциализма наиболее актуально. Более того, проблема человеческого бытия требует новых категорий, которых нет в концептуальном аппарате древней или современной мысли. К. Ахо считает, что человеческие существа не могут быть поняты ни как физические сущности с фиксированными свойствами, ни как субъекты, взаимодействующие с миром объектов.

Ключевые понятия экзистенциализма, раскрывающие смысл явлений, которые беспокоят человека, характеризуются двумя важными акцентами. Во-первых, определенная часть экзистенциалистов склонны подчеркивать значимость эмоций и чувств, поскольку они имеют косвенное отношение к внутреннему миру человека. Эти идеи, основательно исследованы М.Хайдеггером и С. Кьеркегора, влияют на психологию. Во-вторых, ощущение человеком страха и тревоги выступают как форма неотъемлемого существования. В таком случае кризис, формируется из-за страха принятия какого-то решения и тревоги по поводу дальнейшего развития какого-то события, что является неотъемлемой

чертой природы человека.

Кризис всегда связан с принятием решения или выводением оценки. Кризис является препятствием или угрозой, а также возможностью для любой точки роста или упадка. Люди находятся в состоянии кризиса, когда они сталкиваются с препятствиями для реализации важных жизненных целей и непреодолимых с помощью обычных методов решения проблем.

Однако, с другой стороны, кризис выступает в роли нашего восприятия события или ситуации, при котором мы думаем, что решение ее слишком сложное или превышает имеющиеся ресурсы людей и механизмы выживания. Кризис может быть связан с внутренними конфликтами, жизненными целями и проблемой духовности. Основная привлекательность вклада философии в понимание того, что такое кризис, лежит в постановке вопросов, в которых актуализируются вечные проблемы, которые затрагивают самую суть человеческого существования. Ответы целесообразно искать методом философских поисков: что именно стоит за кризисом и какие пути его преодоления.

Выводы. С точки зрения экзистенциальной философии явление кризиса находит благоприятную почву там, где отсутствует самоидентификация, которая связана со свободой выбора. При принятии решений человек все время оказывается перед выбором. Необходимость осознания своей свободы должна привести к осознанию своей личной ответственности за себя и других людей, даже если это приводит к тоске, страху и т. д. В то же время ощущение свободы имеет возможность «поднять» человека над абсурдностью его существования и «вылечить» от экзистенциальной депрессии. В контексте экзистенциальной философии раскрывается проблема существования человека, смысла его жизни и судьбы в мире, а также вопросы, связанные с самим фактом его существования, которое раскрывается в «пограничных ситуациях», в том числе кризисных и стрессовых.

Литература

1. Брагина Л. М. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 384 с.
2. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии / А. Гелен // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Вып. 3 (37). – С. 37-51.
3. Камю А. Избранное: сборник / А. Камю; сост. и предисл. С. Великовского. – М.: Радуга, 1988. – 464 с.
4. Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор. – М.: Акад. Проект, 2012. – 217 с.

5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. : [Электронный ресурс] – URL: http://royallib.com/book/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass.html.

6. Плеснер Х. Ступени органического и человек / Х. Плеснер ; пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии : переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96-151.

7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319-344.

8. Тиллих П. Избранное / Пауль Тиллих // Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – 480 с.

9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

10. Шелер М. Положение человека в Космосе / М. Шелер; пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-95

11. Ясперс К. Духовная ситуация времени / Карл Ясперс; пер. М. Левиной // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 288-418.

12. Aho K. Existentialism: An Introduction / K. Aho. – Cambridge : Polity Press. – Crowell, S., The Cambridge Companion to Existentialism. Cambridge: Cambridge University Press, 2014 p.

Shestakova A.V., Smolyaninov D.I. ANTHROPOLOGICAL CRISIS OF MODERNITY IN THE PRISM OF EXISTENTIAL PHILOSOPHY

The article analyzes the concepts of «anthropological crisis» within the framework of existential philosophy. It is noted that understanding the crisis of modernity in philosophical categories will help to systematize knowledge, build its model and analyze future development trends; to reveal the social and philosophical concepts that this crisis can explain and outline some ways to overcome it.

Key words: *anthropological crisis, existential philosophy, global problems of mankind, existence.*

Рецензент: Исаев В.Д. – д. филос. н., профессор.

Шестакова Анастасия Владимировна – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

Смолянинов Дмитрий Иванович – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК: 323

Гуркина А.А.

КРИЗИС ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема формирования духовно-нравственных ценностей здорового общества, становление личности в условиях социально-политической нестабильности в государстве. Охарактеризованы основные пути формирования духовной культуры, а также духовно-нравственных ценностей личности на фоне негативных процессов в современном обществе. Проанализированы проблемы в духовном и культурном развитии общества, постулируется вывод о кризисе моральности современной личности.

Ключевые слова: общество, личность, государство, развитие, кризис, духовно-моральные ценности, религиозность.

Постановка проблемы. Актуальность исследования процессов трансформации и нигилизации современных духовно-нравственных ценностей продиктована многочисленными кризисными событиями в современном обществе XXI века.

Общество переживает тяжелый период, который характеризуется переменами во всех сферах жизни, в менталитете и сознании людей, повседневно происходит процесс падения морально-нравственных устоев общества, становление целостной мировой общественной системы гедонизма, разрушение «старой», в основе которой лежали идеалы добра, равенства и справедливости. Изменение обществом устоявшихся моральных принципов меняет это самое общество не в лучшую сторону. Исследование процессов духовно-нравственной деградации общества и обусловило актуальность выбранной темы.

Анализ научных источников и публикаций. Проблема духовности и кризиса духовно-нравственных ценностей издавна нашла свое место в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. В своих работах некоторые аспекты этих вопросов рассматривали Платон, Аристотель,

А. Августин, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, Гегель, Кант, Руссо, А. Тойнби, К. Ясперс и др. Особую значимость в исследовании проблемы духовности имеют философские идеи религиозной направленности, к авторам которых относятся российские философы Н. Бердяев, И. Ильин, В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк.

Цель исследования. Целью данной статьи является рассмотрение проблемы современного кризиса духовно-нравственных ценностей в призме философско-антропологического подхода.

Основная часть. В настоящее время возможности человека почти достигли максимально высокого уровня, что не может не отражаться на общественной жизни и его нравственных основах. В связи с этим возникает потребность в формировании такой модели морально-нравственной ответственности, которая сможет адекватно отвечать на вызовы современности.

Формирование личности начинается, в первую очередь, с семьи. Воспитание и влияние родителей в большей степени находят отражение в поступках и мыслях ребенка. Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного субъекта воспитания. Ведь именно в семье ребенок наследует важнейшие ценности, которые становятся его жизненными ориентирами. Положительное воздействие на личность ребенка состоит в том, что никто, кроме самых близких для него в семье людей – матери, отца, бабушки, дедушки, брата, сестры – не относится к ребенку лучше, не любит его так и не заботится столько о нем, сколько это делают родные. И вместе с тем никакой другой социальный институт не может потенциально нанести столько вреда в воспитании, сколько неблагополучная семья.

Специфика детского развития состоит в том, что оно подчиняется не влиянию биологических законов, как у животных, а действию общественно-исторических законов развития. Поэтому от уровня развития общества зависит содержание развития ребенка и продолжительность детства [1, с. 15].

На начальном этапе развития в формировании духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения особую роль играют образовательные институты, т.к. значительную часть своей жизни ребенок проводит в школе, при этом на него еще можно достаточно легко повлиять. В силу того, что в детском возрасте еще не сформировано большинство понятий о мире и поведении, любая мелочь может повлечь за собой череду изменений.

Поэтому формирование мировоззрения подростков на современном этапе, является главной задачей педагогов, классных руководителей, родителей, широкой педагогической общественности.

Гуманистическая парадигма ориентирована на максимально полное раскрытие человеческой «самости», индивидуальности. Внимание педагога акцентировано в первую очередь на реализации личностных функций воспитанника, на приобретении им внутреннего опыта. При этом жизненный путь каждого ребенка рассматривается как уникальный. В соответствии с этим воспитательная деятельность понимается как помощь ребенку в проживании им собственной жизни с неповторимым набором событий, дел, поступков, переживаний [5, с. 45].

Изменения в социально-политической среде привели к нравственным изменениям, которые отрицательно сказываются на детях, подростках, молодежи.

На сегодняшний день сложности социально-экономического и политического развития страны серьезно затронули и молодежь. Средства массовой информации все больше влияют на общество и, особенно, на молодежь, пропагандируя насилие, силу, прививая моральный релятивизм, конформизм и цинично-гедонистическое отношение к повседневности [2, с. 33].

Молодежь – это такая социальная группа людей, которая очень сильно поддается влиянию масс-медиа. Это влияние как положительно, так и отрицательно воздействует на молодых людей, и всё чаще сейчас говорят о негативном воздействии средств массовой информации, которые создают иллюзию «нормальности» любых форм неадекватного поведения в обществе, таким образом, развращая молодёжь и подменяя её представления о «социально-нормальном поведении».

Духовно-нравственное воспитание молодежи – это глобальное условие защиты человечества от самоуничтожения и сохранения окружающей среды на нашей планете, и обеспечивать это воспитание необходимо на государственном уровне, ведь изменение и потеря обществом устоявшихся моральных принципов изменяет это самое общество в сторону деградации.

Профессор Сиданич И.Л. пишет: «Становится очевидным, что от личности ребенка, его внутренних ресурсов, в первую очередь ее духовных ценностей и нравственных установок, от нового мышления зависит будущее человечества, его выживания» [4, с. 68].

Формирование общественной морали происходит в процессе исторического развития как человечества в целом, так и отдельной нации. Наиболее общечеловеческими моральными ценностями являются уважение к старости, почитание родителей, родительская жертвенность по отношению к своим детям, забота о больном и тому подобное. Перечисленные ценностные постулаты способствуют продолжению рода, а потому являются основополагающими.

Также общими, практически у всех народов, являются моральные принципы, касающиеся вопросов построения и организации семьи и семейных отношений. Во многих нациях семейная иерархия, распределение обязанностей выстроились таким образом, что женщина, мать – это хранительница семейного очага, мужчина – добытчик и защитник рода. Женщина, кроме того – олицетворение семейной чистоты, чести и совести. Подобная система распределения гендерных обязанностей берёт своё начало в иудео-христианской традиции и по праву является наиболее оптимальной для прогрессивного развития всего человечества.

Сквозь призму настоящего мы наблюдаем современные проблемы изменения мира, убеждений, ментальности людей, и все эти изменения – не в лучшую сторону. И, пожалуй, это явление кажется необратимым. Это своеобразный процесс деградации всего человечества, всей человеческой цивилизации.

С одной стороны, мы понимаем, что жить, не соблюдая моральные принципы нельзя, но с другой – мораль приобретает привкус чего-то надоевшего и рудиментного. Порядочный (с точки зрения человека иудео-христианской традиции) человек должен обращать внимание на требования морали, но мы видим, насколько лучше (с материальной точки зрения) живется тем, кто может переступить через эти требования. Например, о какой нравственности может идти речь, когда человеку нечего есть. Таким образом, морально-нравственная сторона вопросов нивелируется. И с этим нужно бороться.

Словосочетание «двадцать первый век» вызывает у нас такие ассоциации, как кризис, технический прогресс, революции, акции протеста, обесценивание человеческих ценностей. Если перечисленные явления происходят под влиянием непосредственной деятельности человека, то обесценивание человеческих ценностей происходит благодаря пассивности и бездействию людей.

Как точно отмечает один из современных учёных, «можно говорить о настоящей агрессии глобальной аморальности на моральные устои человечества. Именно на доминанту глобальной аморальности, подкреплённой экономикой всеобщего обмана, выстраивается здание мирового государства». И если человечество и дальше будет следовать в этом направлении развития, то все этические принципы, регулирующие взаимоотношения между людьми с давних времен до настоящего времени, нужно будет списать в архив за ненадобностью.

Духовно-нравственные ценности лежат в основе внутреннего поиска человека, его стремлений, формирования мировоззрения, индивидуального взгляда на окружающую действительность, они представляют собой некие

установленные обществом идеалы, которые невозможно ничем измерить и дать им цену.

Небезосновательно можно говорить, что духовно-нравственные ценности – это система миропонимания человека, содержащая оценку всего существующего с позиций добра и зла, понимания счастья, справедливости и любви, позволяющая установить связь поступка человека с общепринятой системой социальных ценностей. Выбор определенных духовно-нравственных ценностей позволяет личности выработать не только моральную оценку рассматриваемых поступков, но и дать самооценку своего поведения, а также избрать ценностную ориентацию присущего ей морального сознания. Избранные личностью духовно-нравственные ценности воплощаются, в конечном счете, в ценностной ориентации, реализуя ее исходную нравственную позицию. Она проявляется не только в отдельных поступках и вызвавших их мотивах, но и во всей линии поведения [2, с. 111].

Таким образом, с каждым днем человечество все больше и больше теряет свои духовно-нравственные ценности. Мы видим, что наше государство переживает не лучшие времена. Массовая безработица, кризис, теракты – это те явления, о которых мы слышим, и обсуждаем чаще всего. Совсем недавно мы столкнулись с не менее трагичным событием. Так, трагедия, случившаяся в Кемерово 25 марта 2018 года, стала апогеем халатности коррумпированных чиновников, лишенных всяких ценностей, и повлекла за собой смерть ни в чем неповинных людей, и прежде всего, детей. Стремление заработать денег любым (даже преступным способом) в наше время превышает чувство морального долга, ответственности и соблюдения духовно-нравственных ценностей, которые в наше время становятся всё менее уважаемыми.

Можно сделать вывод, что становление, развитие, воспитание личности на основе духовно-нравственных ценностей с целью ее дальнейшего участия в создании достойной общественной жизни и построения своей страны, является важным компонентом и направлением работы всей системы образования, и обязательно должно быть поддержано на государственном уровне. Само воплощение духовно-нравственных ценностей и принципов в жизни – это незримый путь к тому, как стать настоящим Человеком. Все изменения начинаются внутри нас, но будут видны снаружи. При этом целью и задачей государства является создание условий на всех уровнях власти для взаимодействия общественно-политических институтов в целях раскрытия потенциала каждого человека.

Только такой подход позволит каждому молодому человеку сознать и сохранить такие высшие духовно-нравственные ценности, как: жизнь, Родина, брак, родители, дети, жизнь, общество, государство, патриотизм, свобода и т. д.

Литература

1. Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. Тематический философский словарь. – М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. – 456 с.
2. Маслова Н.В. Тайны и явь воспитания. Воспитательный аспект ноосферного образования. – Симферополь: изд. ФЛП Лемешко К.А., 2011. – 168 с.
3. Образцов С.В. По ступенькам памяти. – М.: Советский писатель, 1987. 401 с.
4. Сиданич И.Л. Педагогические технологии духовно-нравственного воспитания детей // Психология и педагогика. – М., 2010. – 344 с.
5. Соловцова И.А. Духовное воспитание школьников: проблемы, перспективы, технологии : учеб.метод. пос. для педагогов и студентов / Под ред. Н.М. Борытко. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2004. – 160 с.

Gurkina A.A. THE CRISIS OF SPIRITUAL-MORAL VALUES OF MODERN SOCIETY: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT

The article deals with the problem of the formation of spiritual and moral values of a healthy society, the emergence of an individual in the conditions of socio-political instability in the state. The main ways of formation of spiritual culture, as well as spiritual and moral values of the person against the background of negative processes in modern society are characterized. The problems in the spiritual and cultural development of society are analyzed, the conclusion about the crisis of the morality of the modern personality is postulated.

Key words: *society, personality, state, development, crisis, spiritual and moral values, religiosity.*

Рецензент: Звонок Н.С. – к. филос. н., доцент.

Гуркина Анна Абдулаевна – студент Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского национального университета им. Т. Шевченко (г. Луганск).

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 13: 241.13

Шелюто В.М.

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ САКРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена философско-антропологическим аспектам проблемы сакрального в духовной культуре человечества. В данной статье показаны место и роль человека в системе сакральных ценностей, а также представления о человеке в русской религиозно-культурной традиции. В статье показаны особенности воздействия сферы сакрального на формирование взаимоотношении человека с миром в различные исторические эпохи. Особое внимание уделено процессу десакрализации человека в мировоззрении эпохи Ренессанса, Просвещения и постмодерна. В статье подчёркивается, что в марксистском мировоззрении акцент делается на социально-классовом, а не на личностном измерении человека. В некоторых направлениях философской мысли доминирует представление о телесном начале в человеке. Христианское мировоззрение истолковывает проблему человека в системе: тело-душа-Дух, причем именно духовное начало в человеке является самым главным.

Ключевые слова: сакральное, человек, святость, канонизация, десакрализация, религия, идеология, культура.

Знаменитый тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей, существующих – в том, что они существуют, несуществующих – в том, что они не существуют» положил начало антропологическому измерению философской мысли. Начиная с софистов и Сократа субстанцию (архэ) стали искать не в отдельных элементах мира, как это делали ранее натурфилософы, а в душевном, духовном, разумном начале, носителем которого являются человек и Бог. Мысли Сократа способствовали антропологическому повороту в философии. Сократ и представители Афинской школы утверждали, что наиболее значимым в понимании человека является его моральное измерение. Мораль, таким образом, выступает как мера «человеческого» в человеке. Поэтому мировоззрение

основателя Афинской школы связывают с «этическим антропологизмом». Человек согласно античной философии, представляет микрокосм, который определённым образом соотносится с бесконечной и вечной вселенной – макрокосмом. Человек и мир имеют единую природу. Они пребывают в гармонии друг с другом. Отношения между ними в античной философии формируются на основе принципа калокагатии, т.е. единства истины, добра и красоты.

Христианское религиозное мировоззрение формирует иную, нежели античность, однако такую же упорядоченную, иерархическую систему ценностей. Высшей среди этих ценностей является святость, святыня. С христианской точки зрения, люди, обратившие свой взор, разум и волю к Богу, могут обрести качество святости. Внешне это может выражаться в том, что они могут быть канонизированы церковью и почитаться ею как святые. Именно признание святым, канонизация, с позиций христианской церкви, является наивысшей оценкой деятельности человека. В то же время, святость означает, в первую очередь, не личные усилия человека по её достижению, а то, что на него снизошла божественная благодать и «свет Господень». Святость выступает как высшая предельная ценность, которая религиозным сознанием оценивается как данная свыше. Однако, с другой стороны, её достижение может и предполагать огромные усилия со стороны самого человека. Эти усилия связаны, прежде всего, с обузданием человеком инстинктов, подчинением эмоций разуму, телесного начала духовному. Движение к святости связано с искоренением человеком собственных недостатков и пороков. Путь достижения святости тесно связан с обретением человеком подлинной духовной свободы. Подобные представления о достижении святости присущи всем монотеистическим религиям. Так, например, пророк Мухаммед после подчинения Мекки говорил о том, что после «малого джихада», представляющего войну с «неверными», мусульмане должны идти на «большой джихад», который выражается в обуздании чувств и искоренении собственных пороков.

Таким образом, достижение святости, с религиозной точки зрения, связано, с одной стороны, с исключительным напряжением душевных и духовных сил человека в его служении Богу и Добру, а, с другой, с божественной благодатью, которая нисходит на человека свыше и преображает его личность. Как отмечает религиозный мыслитель Б.П. Вышеславцев, святость – «это предельная ценность свыше. Святая воля выше, чем добрая воля, хотя она и добра. Святое творчество выше прекрасного творчества» [1, с. 114-115].

Проблема сакральных ценностей всегда оставалась приоритетной в творчестве религиозных философов, которые вели идейный спор с

представителями философского вольнодумства, атеизма, модернизма и нигилизма. Особый вклад в разработку учения о человеке как о существе духовном внесла русская религиозная философия конца XIX – начала XX века. Проблема человека в его святости была с особой остротой поставлена в литературном творчестве Ф.М. Достоевского. Она нашла дальнейшее воплощение в трудах русских мыслителей: Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка и др. Представители таких направлений религиозной философии Запада, как религиозный экзистенциализм, персонализм и неотоизм, рассматривая различные антропологические проблемы, также акцентировали внимание на святости как духовной сущности человеческой природы.

Проблема святости в русской культуре получила также глубокий отклик в творчестве церковных и светских историков и писателей. Истории русской святости были посвящены многочисленные работы Е. Голубинского, В.О. Ключевского, Г.П. Федотова, В.Н. Топорова. Важнейшим источником по истории русской святости является обширная агиографическая литература, яркими примерами которой являются «Четьи Минеи» митрополита Макария и «Жития святых» Св. Дмитрия Ростовского. Начиная с «Повести временных лет» Нестора Летописца, история русской святости находит своё отражение в многочисленных сочинениях исторического характера – летописных сводах. В отношении проблематики святости с русской литературой первых семи веков существования Русского государства может сравниться разве что тысячелетняя византийская литература.

Переживание святости происходит через любовь, душевный трепет и восхищение. Приобщение к вечному духовному началу идет через сакрализацию, которая является основным вектором движения души в любой религии. Даже если религия представляет собой примитивный анимистический культ, она, тем не менее, всё равно несёт в себе какие-то представления о сакральном начале, побуждающие человека подняться над суетой повседневного существования и, в какой-то мере, приобщиться к чему-то более высокому, сакральному. Святость является высшим проявлением сакрального начала в христианстве, где, по сравнению с другими национально-государственными и даже мировыми религиями, огромное значение имеет представление о святых праведниках, о святых личностях. В христианстве, в первую очередь, святостью обладает не сакральный предмет, и даже не сакральная идея, а именно личность. Именно личность находится на вершине иерархии ценностей. В рамках христианского миропонимания речь всегда идёт о живой конкретной личности, а не об абстрактной идее личности. В этом плане следует

подчеркнуть принципиальное различие, существующее между христианством и буддизмом.

Русская православная традиция несёт в себе в качестве идеала именно святость. Святость является важнейшей духовной составляющей истории русского народа в эпоху средневековья. Важнейшие деятели истории Древней Руси были канонизированы православной церковью. Благодаря акценту на святости древняя история Руси не может рассматриваться только как гражданская и политическая история одной из стран. В ней содержатся некоторые качества, присущие истории священной, которой является для всех монотеистических религий древняя история еврейского народа. Сама Древняя Русь во многих произведениях литературы часто именуется «Святой Русью». Это не просто субъективная авторская оценка, преувеличивающая значимость конкретной страны. В отличие от других стран, которые пользуются формулировками типа «Германия превыше всего» или «Украина понад усе», святость Руси рассматривается не как превосходство над всеми остальными, а как некое качество, носящее изначально безусловный характер. Несмотря на то, что Древняя Русь не дала миру великих философов, её история, тем не менее, есть, в первую очередь, история, имеющая духовный характер. Это связано со всем образным строем её истории, литературы, искусства. Важнейшие события средневековой истории Руси были связаны с деятельностью таких святых как князь Владимир Святой, княгиня Ольга, Александр Невский, Дмитрий Донской. Эти святые крестили Русскую землю, отстаивали Отечество в борьбе с всевозможными захватчиками, заложили основы государственности Древней Руси. Святые Феодосий Печерский, Сергей Радонежский заложили основы её духовности. Всё, что было сделано этими людьми, несёт в себе отпечаток святости. Их слова и дела сохранили глубину истинности для последующих поколений. Во всём мире не существует ни одной страны, кроме Руси, где святость играла бы такую важную роль в формировании культурного пространства. И это пространство мыслилось именно как пространство святости. Именно эта особенность русской истории, несмотря на многие неприглядные страницы русской истории, дала возможность Ф.М. Достоевскому называть русский народ «народом-богоносцем». Один из персонажей романа «Бесы» Шатов произносит: «Народ русский есть на всей земле единственный народ – богоносец, грядущий обновить и спасти мир именем нового Бога, ему одному даны ключи жизни и нового слова» [2, с. 247].

Конечно, история Руси состоит далеко не только из одной святости. Существовали длительные периоды истории, когда её святые были поруганы и даже низвергнуты. История Руси, как и история еврейского

«богоизбранного народа», содержит в себе крайности и противоречия. Резкий контраст между устремлением к святости и неровным и противоречивым ходом исторических событий является уникальным для Руси и отличает эту страну от последовательного, рационального потока истории европейских стран. Этот контраст лишний раз подчёркивает особенность Руси как страны, в первую очередь, почитающей духовные, а не материальные, ценности. Неровность и зачастую кажущаяся непоследовательность истории, её скачкообразность, связанная с выпавшими на долю русского народа многочисленными испытаниями и страданиями, свидетельствует о духовном начале, заложенном в сердцевине исторического процесса. Именно оно даёт возможность «Святой Руси» сохраниться в экстремальных и крайне неблагоприятных для неё исторических ситуациях. Вся история Руси свидетельствует о том, что русская ментальность никогда не носила исключительно утилитарный, прагматический характер, который непосредственно связан с ограниченным пространственно-временным континуумом, как это, например, свойственно многим европейским государствам. Душа русского народа была изначально направлена в сторону сакральных ценностей, даже в те исторические периоды, когда эти ценности официально отрицались властвующей элитой.

Размышлять об истории «Святой Руси» невозможно только с помощью доводов рассудка, что свойственно европейскому пониманию её истории. Представление о святости укоренено в глубинах сердца. Как писал Ф.И. Тютчев: «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить: У ней особенная стать – В Россию можно только верить» [3, с. 102]. Именно святые, канонизированные Церковью, обеспечивают глубокую духовную связь между поколениями. Им свойственны духовное подвижничество, неустанный поиск истины, справедливости, стремление к покаянию. Как подчеркивает В.Н.Топоров, на своём историческом пути «Святая Русь уже обрела великие духовные ценности – святых людей, святое слово, святые образы...устремлённость к святому и верность ему, открытость будущему, мыслимому как торжество святости» [4, с. 13].

Во всех монотеистических религиях существует представление и об абсолютной святости, которую олицетворяет единый Бог. Святость обладает качествами, присущими Абсолюту. Её переживание тесно связано с присутствием в человеке Абсолютного, Божественного начала. Универсальным медиатором сакрального между Богом и человеком является высший тип «священного человека» – Богочеловек Иисус Христос. Что касается человека, то, в отличие от светских идеологий гуманизма, прогресса, демократии, коммунизма и др., то, с точки зрения

религиозного мировоззрения он не может находиться на вершине системы ценностей в силу своей зависимости от множества случайных факторов, сопутствующих его жизни и собственного несовершенства. Хотя, как говорит Библия, создан человек «по образу и подобию Бога». Поэтому человек может обрести святость. Исходя из слов апостола Павла, равенство всех людей провозглашается именно в святости. Святость выступает как априорная основа возможности существования совершенной личности и совершенного общества. Парадоксально, но необходимо отметить, что стремление к святости, причём зачастую в её религиозном понимании, бывает порой свойственно некоторым идеологиям XX столетия. Зачастую тоталитарные политические режимы, так или иначе, способствуют установлению сакральных культов, которые иногда прорываются в подлинную религиозность. Об этом, в частности говорит Н.А.Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Все теоретические, идейные, философские споры и все практические, политические, экономические споры в советской России стоят под знаком ортодоксии и ереси. Все «правые» или «левые» уклоны в философии или политике рассматриваются как уклоны еретические. Происходит постоянное обличение еретиков и преследование обличённых в ереси. Но различие между ортодоксией и ересью есть различие религиозное, теологическое, а не философское и не политическое» [5, с. 137]. В дальнейшем мы видим даже определённую трансформацию Советской власти от коммунистической «неорелигии» к традиционному христианству. Так, во времена Великой Отечественной войны вождь атеистического Советского государства И.В. Сталин вынужден был даже обратиться за помощью к иерархам Русской православной церкви. Это обращение способствовало серьёзным изменениям в религиозно-культурной политике. Автор статьи допускает мысль о том, что если бы в советском руководстве возобладала бы в дальнейшем данная линия, то, скорее всего, коммунистическая идеология была бы существенно переработана официальными идеологами в ключе христианского миропонимания. Другой выдающийся политик XX века, лидер ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи, критикуя советский вариант построения коммунизма, всячески подчёркивал, что построение совершенного типа общества принципиально не возможно без обращения к религиозной традиции. Он всячески подчёркивал важность Корана в процессе преобразования общества, движущегося на пути к социализму. Наконец, программа строительства социализма с китайской спецификой предусматривает в значительной степени обращение к сакральным основам китайской национально-культурной традиции конфуцианства. Борьба же с традицией, проводимая в годы «культурной

революции» «бандой четырёх», рассматривается нынешним руководством партии и государства как системное извращение идеи построения социалистического общества.

Говоря о святости как важнейшей характеристике культуры Руси, не имеется в виду какая-то исключительность русской культуры. Речь идет именно о направленности данной культуры на святость, признание святости высшей целью. Каждому этапу в истории Руси соответствовали те или иные образы святых. Между периодами её истории, несмотря на глубокие исторические катаклизмы, войны, революции, гибель империй, тем не менее, сохранялась глубокая духовная преемственность благодаря святости тех личностей, которые на протяжении всей истории её существования были признаны непререкаемыми духовными и нравственными авторитетами. Признание святости высшей целью человека и смыслом его жизни выражено, прежде всего, в том, что, несмотря на любые заблуждения, которые встречались на пути русской истории, путеводная нить святости никогда не исчезала.

Агиография являлась той основой, на которой возникла великая русская литература, воплотившая в себе идеалы святости и жертвенного подвига. Святое наследие русской духовной культуры, хранимое и развиваемое народом, нашло своё продолжение в творчестве величайших мастеров слова А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Сакральное начало проявилось и во многих произведениях литературы советского периода, героями которых являлись люди, защищавшие Родину и отдавшие за неё жизнь в годы Великой Отечественной войны. Повествование о людях, просветлённых верой, являлось тем подспорьем, на котором держалась духовная культура Святой Руси на протяжении всех периодов её истории.

Говоря о проблеме человека в системе сакральных ценностей, мы должны отметить, что сакральное является априорным началом по отношению к человеческой природе. В душе каждого человека сакральное начало даёт знать о себе далеко не всегда в форме ощущения благодати. Укоры совести, чувство вины, ощущение неполноценности – все это также является проявлением априоризма сакрального по отношению к сознанию и чувствам человека. Согласно христианскому мировоззрению именно через страдание, сокрушенное сердце и покаяние в человеке вызревает духовная истина. Так, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», Раскольников от «нищанского своеволия», выразившегося в убийстве, через муки совести, глубокое осознание своей вины и покаяние приходит к Христу. Мученическая смерть и воскрешение Иисуса Христа является образцом ухода из этого мира согласно христианскому

мировоззрению.

Сакральное начало проявляется в жизни каждого человека, каждого народа и всего человечества в целом, поскольку, согласно своей природе, душа человека изначально тяготеет к вечному и всечеловеческому, Абсолютному божественному началу. Именно в этом смысле нужно воспринимать известную фразу относительно того, что «душа по своей природе христианка». Здесь речь идёт не столько о конкретной религии, сколько об изначальной устремлённости души к сакральному началу. На этом пути она должна пройти длительные испытания, соответствующие инициации, которые требуют колоссальной внутренней работы над собой. Как говорит поэт Н. Заболоцкий: «Душа обязана трудиться».

Однако далеко не всегда душа человека достигает истинно сакрального начала, а человек далеко не всегда обретает подлинность своего существования и его смысл. Заложенные внешними условиями человеческого существования в «большом и чуждом мире» повседневные заботы и трудности, «леность» разума и сердца, необузданная гордыня могут заблокировать изначальные устремления души к сакральному началу. Всё это приводит к тому, что зачастую многие серьёзные и хорошие начинания, в конечном счёте, могут потерпеть крах и даже привести к негативным последствиям не только для конкретных индивидуумов, но и для целых народов. Процесс десакрализации личности начинается в эпоху Возрождения, когда человек рассматривается в качестве высшей ценности уже не с позиции религиозного, а с позиции гуманистического мировоззрения. Гуманисты в значительной степени переносят акцент с духовности на телесное начало в человеке. Это приводит к невиданному взлёту в эстетической сфере, связанной с чувственным восприятием окружающего мира. Шедевры художников Возрождения, в которых художники стремятся объединить высокую чувственность с духовностью, являются наглядным примером восприятия человека как сакрального существа уже не только в духовном, но и в телесном смысле. Гармония духа и тела свидетельствует о возврате ко временам античности уже принципиально на новом уровне, который так или иначе связывается с христианским восприятием идеи личности. Однако само по себе мировоззрение и искусство эпохи Возрождения глубоко противоречиво в своём понимании человека. Об этом подробно говорит А.Ф.Лосев в своей работе «Эстетика Возрождения»: «Эстетика Ренессанса, исторически существовавшая между средневековой ортодоксией и буржуазным индивидуализмом, не была вполне свободна и от этого последнего. Проповедуя цельного и артистического человека, она действительно резко отличалась от метафизически-абстрактного

послевозрожденческого человека и нисколько не чуждалась религии и мифа, каковое отчуждение характерно для более абстрактных эстетических представлений послевозрожденческого времени. Но нечто абстрактное было свойственно и возрожденческой эстетике, которая мыслила самоутверждённого человека тоже земным образом, тоже научно, тоже либерально-прогрессивно и часто тоже абстрактно-метафизически или иллюзорно-утопически» [6, с. 609]. Это противоречие продолжало углубляться в последующую эпоху. Поэтому уже в XVII столетии наблюдаются определённые тенденции, связанные с дегуманизацией культуры. Эти тенденции выражены в творчестве Б.Паскаля, который пишет о вселенной как об «ужасной сфере». Как отмечает Х.Л. Борхес: «В этот малодушный век идея абсолютного пространства, внушаемая гексаметрами Лукреция, того абсолютного пространства, которое для Бруно было освобождением, стала для паскаля лабиринтом и бездной. Этот страшился Вселенной и хотел поклоняться Богу, но Бог для него был менее реален, чем устрашающая Вселенная. Он сетовал, что небосвод не может говорить, сравнивал нашу жизнь с жизнью потерпевших кораблекрушение на пустынном острове. Он чувствовал непрестанный гнёт физического мира, чувствовал головокружение, страх, одиночество...» [7, с. 14-15].

Если в эпоху Возрождения доминировало искусство, связанное, в первую очередь с эстетическим освоением действительности, то в эпоху Просвещения доминирует наука и связанное с ней рациональное, рассудочное мышление. В эту эпоху вызревает тенденция рационалистического антигуманизма, которая в особенности присуща некоторым радикально атеистически настроенным мыслителям французского Просвещения, в частности, Ж.О. Ламетри, К.А. Гельвецию, П. Гольбаху. В рамках данной мировоззренческой парадигмы человек рассматривается как своего рода машина. Торжество механистического материализма приводит к тому, что в человеке видят, в первую очередь, телесное, а не духовное начало. Разрывается установленная религиозным мировоззрением связь между человеком и Богом, что особенно наглядно просматривается в произведениях маркиза де сада, рассматривающего человеческое тело как орудие извлечения наслаждений и страданий. Противовесом этой опасной тенденции выступает немецкая классическая философия, благодаря которой человек рассматривается снова как духовное существо – трансцендентальный субъект у И.Канта или «конечный дух» у Гегеля. Постклассическая эпоха в философии характеризуется появлением различных представлений о человеке. Наиболее известно ницшеанское представление о человеке: «Человек – это

канат между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью то, что следует превзойти», «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [8, с. 9]. Согласно ницшеанству на смену человеку должен прийти сверхчеловек – белокурая bestия, которая ставит себя выше всякой морали, которая, согласно утверждениям философов античности представляла собой меру человеческого в человеке. В конце XIX века религия существенно теряет свои позиции в буржуазном обществе. Ей на смену приходят политические идеологии, которая по-разному оценивает место человека в современном мире.

Противоречие, существовавшее между моральными ценностями, провозглашёнными политическими идеологиями и нравственными ценностями, провозглашёнными на заре нашей эры христианской религией, продолжает углубляться на качественно иной мировоззренческой основе в XX столетии. Полярные по своей сути идеологии коммунизма и нацизма ставят во главу иные принципы человеческого общества, нежели религия, провозглашающая человека венцом божественного творения. Коммунизм в значительной степени является извращением идеи святости, но подобно религии он также стремится к абсолютному началу, которым является не сколько совершенная личность, сколько совершенное общество. Вопрос о том, как создать такое общество, не преобразив соответственно в духовном плане личность, остаётся в рамках такого мировоззрения открытым. Фашизм, наоборот полностью подчиняет личность человека принципу «крови и почвы». Он является возвращение к языческим корням национальной культуры в эпоху модерна, к архаическому сознанию человека ранних цивилизаций. Однако идеология, в отличие от религии, явление сравнительно недолговечное. Она связана с конкретным периодом истории и должна постоянно трансформироваться. Консервация идеологии приводит чаще всего к её разрушению. Дегуманизация начинается с провозглашения эгоизма и потребительской психологии единственно оправданной моральной позицией. Тезис «После нас хоть потоп», провозглашённый прожигающими жизнь французскими аристократами-либертенами в эпоху Просвещения, становится вполне логичным в мире лишённом трансцендентного начала, в мире без Бога. Индивидуалистическая система этики и аксиологии исходит из того, что, согласно младогегельянцу М. Штирнеру, единственной ценностью и святыней для конкретного человека является его «живое конкретное «я» [9]. Всё остальное носит сугубо подчиненный влечениям «Эго» характер и поэтому второстепенно. Таким образом, в рамках подобной мировоззренческой парадигмы именно телесно-душевная организация

индивида заменяет духовно-душевную организацию личности. Человек, в конечном счёте, превращается в вещь среди вещей.

Другим вариантом индивидуалистической этики является нищезанство, провозгласившее в недалёком будущем приход «сверхчеловека», который объявляется высшей ценностью. Человек, как об этом свидетельствует Ф. Ницше, в таком случае существует как существо, которое должно быть превзойдено появлением «сверхчеловека». Идея сверхчеловека связана в значительной степени с «витальностью», биологической природой, физической силой, сексуальностью.

Ещё одним вариантом такой дегуманизации являются марксистские и неомарксистские учения. По словам Л. Альтюссера марксизм, растворяющий человеческую личность в общественном классе, является «теоретическим антигуманизмом». Ведь, по словам В.В. Маяковского: «Единица – вздор. Единица – ноль...» [10, с. 322]. Марксисты стремились объяснить проблему человека на основе упрощенных трактовок понимания душевно-духовной природы человека. В марксистском понимании человек рассматривается как совокупность общественных отношений. Таким образом, человек сводится уже не к биологическому, но исключительно к социальному измерению. Сакральным началом для такого человека выступает уже не личностный Бог, а общественный класс, нация, раса или какая-либо другая социальная общность. Такой подход к сакральным ценностям даёт зелёную улицу различным формам группоцентризма. В этом плане очень актуально звучит формула Э. Дюркгейма применительно к первобытному обществу: «Бог клана, тотемический принцип – это не что иное как сам клан, но только персонифицированный, т.е. представленный в воображении в видимой форме животного или растения, которое служит тотемом» [11, с. 175-176]. Все указанные теории обычно исследуют только наличного человека, человека в конкретный момент времени его существования, но совершенно ничего не говорит нам о том, что есть Человек в высоком, нравственном понимании смысла этого слова, в смысле отношения к сфере сакрального. Надо сказать, что некоторые передовые представители марксистской психологии понимали этот недостаток материалистического мировоззрения. Так, один из выдающихся советских психологов А.Н. Леонтьев писал: «Мы разобрали человека на части и хорошо научились «считать» каждую из них. Но вот собрать человека воедино мы не в состоянии» [12, с. 21]. Учитывающая все стороны деятельности модель человеческой личности не могла возникнуть и в теориях выдающихся физиологов XX века И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, а также психологов З.Фрейда, А. Адлера, В. Рейха, Э. Фромма, которые в своем понимании человека, делают акцент на его

биологической природе.

В конце XX века наступает, с одной стороны, конец идеологий, с другой стороны, создаётся принципиально новая информационная система, которая стремится вытеснить на обочину мировоззрения не только всякую метафизику и традиционную этику, не только нравственные ценности, но даже биологические ориентиры. Это делается с гораздо большей силой, нежели это делала политическая идеология. Постмодернистское мировоззрение стремится сделать человека равнодушным к сакральному началу, а общество в максимальной степени потребительским. Ценности регуляторы становятся предметом технического манипулирования и теряют всякую связь не только с Богом, но и с объективной реальностью. На смену такой реальности приходит субъективная, по своей сути виртуальная реальность. Культуру постмодерна можно назвать «культурой утраченных различий», в которой процессы десакрализации и дегуманизации идут рука об руку.

Установки релятивистской морали эпохи постмодерна зачастую входят в противоречие не только с нравственными ценностями христианства, но и с элементарным здравым смыслом, и также с биологическими и физиологическими параметрами самой человеческой природы. Подобные установки являются наглядным проявлением глубокого и тотального мировоззренческого кризиса.

В современном постмодернистском мировоззрении конкретный человек превращается всего лишь в знак, существующий среди других знаков. Говоря словами знаменитой рок-группы «Пинк Флойд, он представляет «ещё один кирпич в стене». Такая позиция в оценке места и роли человека в современном мире характерна уже не только для тоталитарных государств. Она доминирует и в государствах, провозглашающих себя «оплотом» демократии. Как утверждает Г. Маркузе, в подобной ситуации человек становится «одномерным». Х. Ортега-и-Гассет называет такого человека «человеком-массой» «Масса – это те, кто плывёт по течению и лишён ориентиров. Поэтому массовый человек не созидает, даже если возможности и силы его огромны» [13, с. 313]. В этом случае, перефразируя слова М. Горького, «человек, уже не «звучит гордо». В «посткультуре» происходит фактическая «деантропологизация» человека. Она выражается в сведении его сущностного измерения к чисто телесному началу, превращению человека в знак среди других знаков. Такой знак, по своей сути ничего не значит, поскольку лишён означаемого компонента. Человек, в таком случае, не значит ничего. Он становится, по словам Ш. Бодлера, «плотью без души», или машиной для извлечения страданий и наслаждений, как в своё время

отмечал маркиз де Сад. В эпоху «посткультуры» стремительно убывает та духовная энергия, которая в прежние, более сильные в духовном отношении эпохи существования человечества, делала человека духовным существом, сопричастным богу. С помощью различных средств воздействия на психику, манипуляции сознанием, постепенно аннигилируется то духовное содержание человеческой природы, которое давало возможность человеку быть носителем нравственного начала. Духовные запросы человеческой личности заменяются чем-то более простым, потребительским, по сути дела, биологическим. Именно телесная природа человека всячески подчёркивается как элитарной, так и массовой современной западной культурой. О духовной природе человека «властители умов» современного мира предпочитают, либо вообще не говорить, либо подменять её чем-то другим, чаще всего, по инерции, социальной сферой. Поэтому в одних мировоззрениях, господствующих в современном мире, природа человека сводится к совокупности биологических инстинктов, в других же, она отождествляется исключительно с социальным статусом человека в данном обществе, в третьих человек превращается в ничего не значащий знак, муляж, симулякр. В лучшем случае, постмодернистские мыслители обращаются к каким-либо душевным качествам или интеллектуальным способностям современного человека.

На наш взгляд, атеизм, как протестная форма мировоззрения по отношению к религии и церкви, к сакральному началу может появиться только в таких религиозно-культурных традициях, где присутствует в качестве одной из важнейших мировоззренческих основ представление о личностной свободе человека. Атеизм возникает как своего рода антитезис по отношению к утверждению идеи единого Бога именно исходя из традиции христианской религии и культуры. Это происходит благодаря тому, что именно христианство содержит в себе представление о едином всемогущем Боге, против которого и направлен протестный пафос атеизма. Кроме того, именно в христианстве, как ни в какой другой религии, благодаря образу Богочеловека Иисуса Христа, отчётливо выражена идея человеческой личности, «внутреннего человека» как средоточия изначальной и неотчуждаемой никем свободы.

Человеческое сознание в поисках свободы и смысла жизни способно преодолеть повседневное, сиюминутное, «человеческое, слишком человеческое» и обрести истинное понимание сакральных ценностей. Слепая привязанность к благам этого мира перестаёт в этом случае быть определяющим фактором в отношении мыслей и поступков человека. Сознание человеческой личности в процессе духовного развития

качественно преобразается. Оно отвлекается от сиюминутного, вещественного и материального начала и концентрируется на духовных ценностях. Путь к достижению человеком подлинной духовной свободы, согласно христианству, идёт через любовь. И поскольку любовь, смерть и бессмертие в христианстве тесно взаимосвязаны друг с другом, то смертный человек, погружённый в любовь к Богу и ближнему, обретает бессмертие души.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994.–368 с.
2. Достоевский Ф.М. Бесы / Фёдор Михайлович Достоевский. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008.– 704 с.
3. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем / Ф.И. Тютчев.– М.: Классика, 2002-2004. – Т.2. Стихотворения 1850- 1873. – 2003. – 657 с.
4. Топоров В.Н. Святость и святые в русской культуре / В. Н. Топоров. – М.: Гнозис: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. 1: Первый век христианства на Руси. – 1995. – 875 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение УМСА-PRESS, 1955 г. / Николай Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.
7. Борхес Х.Л. Сочинения: в 3 т. / Хорхе Луис Борхес: [пер. с исп.]. – Рига: Полярис, 1994. – (Urbi et orbi). – Т. 2. – 1994. – 511 с.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. / Фридрих Ницше. – М.: Мысль, 1997. – (Философское наследие. Т. 126). – Т. 2. – 1997. – 829, [1] с. – С. 5-237.
9. Штирнер М. Единственный и его собственность / Макс Штирнер. – Харьков: Основа, 1994. – 561 с.
10. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин / Владимир Маяковский // Полн. собр. соч. в 13 т. – М.: ГИХЛ, 1955–1961. – Т.6. – 1957. – 564 с.
11. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Эмиль Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология: [пер. с англ., нем., фр.] / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М., 1998.– С. 174-230.
12. Воробьёв С.Л. Онтологические образы в психологии / С.Л.Воробьёв // Человек. –1995. – № 1. – С.24-48.

13. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. –588 с. – (История эстетики в памятниках и документах)

Shelyuto V.M. A MAN IS IN THE SYSTEM OF SACRAL VALUES OF CULTURAL TRADITION

The article is dedicated to the philosophical and anthropological aspects of the problem of sacral in the humanity spiritual culture. A man's role and place in the system of sacral values as well as representations about a man in the Russian religious and cultural tradition have been revealed in the article. The peculiarities of impact of the sacral sphere on forming man and world interrelation in different historical epochs have been highlighted. A special attention is paid to the man's desacralization process in the world view of the epoch of Renaissance, Enlightening and postmodern. It is emphasized in the article that the Marxist perception focuses not on the personality measuring but on the social class measuring of a man. In some philosophical directions an idea of the corporeal principal in a man is prevailing. A Christian world view interprets the problem of man in the system of body-soul-spirit, the spiritual beginning in a man is considered to be the most important.

Key words: *sacral, man, holiness, canonization, desacralization, religion, ideology, culture.*

Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии, директор института философии и социально-политических наук Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Современные информационно-коммуникационные технологии порождают новый тип информационной среды, охватывающей все сферы общества. Активно насыщаемая новым контентом глобальная информационно-коммуникационная среда постепенно втягивает в себя многочисленные общности и сообщества, в которой, к сожалению, культурно-духовная составляющая постепенно начинает терять свое влияние. Соответственно, состояние информационной среды не способствует в полной мере сохранению культурных традиций, укреплению культурно-духовной составляющей информационной среды. При всех «заслугах» информатизации при таком состоянии информационной среды она может превращаться в средство ограничения и подавления гражданских свобод, угрожать информационной безопасности общества в целом. Исходя из этого, для нашего государства важно уже сегодня определить концепцию информационного общества с прописанными правами и обязанностями основных акторов всех сфер жизнедеятельности. Особенно и первоначально это касается развития духовной сферы общества.

Ключевые слова: *информационно-коммуникационная среда, информационно-коммуникационные технологии, информационная безопасность общества, концепции и программы развития информационного общества, угрозы информационной опасности.*

Формируется глобальная информационно-коммуникационная среда, которая постепенно втягивает в себя многочисленные общности и сообщества, в которой культурно-духовная составляющая начинает нивелироваться.

Новые информационные телекоммуникации создают информационную среду, доступную для удовлетворения потребности личности в любой информации. Одновременно с этим информационно-телекоммуникационные технологии порождают новое коммуникативное пространство, охватывающее почти все сферы жизнедеятельности человека и являющиеся производительной силой общества, при этом новые формы коммуникации конструируют новую социокультурную реальность,

требующую новых правовых форм регулирования взаимоотношений. В результате в современном обществе появляется новая информационно-коммуникационная среда современного общества, которая имеет свою структуру, процедуры, нормы и правила взаимодействия. Как отмечает М.М. Назаров: «...современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений»¹.

Создается глобальная информационно-коммуникационная среда, которая постепенно втягивает в себя многочисленные общности и сообщества, в которой старые традиционные формы социальной коммуникации изживают себя. Предыдущие формы коммуникации выступают как последовательные этапы развития коммуникативного процесса. Большинство ученых описывают глобальную Сеть как совокупность информационных общественных отношений в виртуальной среде². Такое понятие Интернета представляется не совсем верным, так как использование понятия «информационные общественные отношения» подменяет понятие об отношениях, возникающих в процессе функционирования телекоммуникационной сети Интернет, а употребление понятия «виртуальная среда» отрывает последние от «социальной отягощенности». Кроме того, можно отметить определенную поляризацию мнений. Так, по мнению одних исследователей, информационное общество – это средство освобождения, по мнению других, это, наоборот, инструмент подавления свободы, третьи же считают, что информационная технология нейтральна по своей сути, а ее значение и роль определяются властью тех, в чьих руках она находится.

В современных условиях для эффективной работы объектов информационно-коммуникационного общества необходимо комплексная система обеспечения качества и защиты информации и развития духовно-культурной составляющей информационного общества. Результатом, объединяющим все вышеизложенные понятия, становится обобщенное понятие управления информацией. Система управления свойственна любому обществу на любой ступени его эволюции. Она вытекает из необходимости координации и регулирования совместной деятельности людей, т.е. носит

¹ Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 233 с.

² Малахов, С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: [Текст] / С.В. Малахов. – М., 2001. – 173 с.

повсеместный характер. Виды управления могут быть как жесткими, когда оно стремится воздействовать, программировать поведение человека, так и мягкими, когда управленческая программа предполагает выбор поведения человека. Современное толкование понятия «управление» предполагает не власть в чистом виде, а обеспечение дееспособности, координацию, организацию, планирование, мотивацию, развитие социального механизма.

В современном обществе в связи с внедрением информационно-коммуникационных технологий происходят масштабные изменения во всех сферах жизнедеятельности. В связи с этим государство должно контролировать и направлять их в интересах всего общества, объединяя и управляя усилиями всех заинтересованных участников коммуникационного процесса. Хотя наша страна в этом вопросе значительно отстает, но, имея примеры разных стран, можно обозначить основные цели государственной политики в сфере информационно-коммуникационных технологий. Положения стратегического развития российского информационного общества (Концепция формирования информационного общества России, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Указы Президента РФ и др.) констатируют, что состояние информационной среды в настоящее время определяет уровень и возможности социально-экономического развития, обеспечения обороноспособности и суверенитета страны. Там также поднимаются вопросы о том, что одновременно информатизация может превращаться в средство ограничения и подавления гражданских свобод, угрожать информационной безопасности общества.

В российском законодательстве существует целый ряд законов и нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в информационной сфере (Законы РФ «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации», «О рекламе» и другие). Право на информацию – одно из фундаментальных прав человека, призванное обеспечить как его личные интересы, так и участие в делах общества и государства. Содержание информационного права закреплено в ст. 29 Конституции РФ и включает в себя: свободу массовой информации; свободу мысли и слова; право свободно искать, получать, передавать, производить, распространять информацию. Свобода мысли и слова, право свободно искать и получать информацию относятся к любому гражданину РФ. Гарантией исполнения этих свобод выступает свобода массовой информации.

У российского общества всегда имеются претензии к качеству и доступности для «простого» человека информации. Самый большой дефицит, который испытывают граждане Российской Федерации – дефицит

достоверной информации. Средства массовой информации, как инструмент гражданского общества и власти, приобретают особую ценность и авторитет среди всех граждан в тот момент, когда необходимо принимать государственные решения, когда массы хотят знать, где истина и правда, а где надуманность и обман. Благодаря средствам массовой информации любое управленческое решение обретает образность, звучание, обрастает возможными причинами и следствиями, вписывается в политический и культурный спектакль. В связи с этим существует острая необходимость обеспечения информационной безопасности как одного из условий модернизации российского общества.

В настоящий момент можно выделить следующие виды угроз информационной безопасности: угроза информационному обеспечению государственной политики; угроза развитию, обеспечению накопления, сохранности отечественной индустрии информации; угроза конституционным правам и свободам человека и гражданина; незаконное копирование данных в информационных системах; безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем; использование информационного оружия.

К сожалению, современные реалии таковы, что государственные и властные органы не обращают должного внимания на такие важные элементы информационной политики, как само содержание информации (контент) и ее потребителя или создателя, т.е. гражданина России. В связи с тем, что в современном мире происходит постоянный рост объемов, характера и направлений потоков информации в обществе, то существенным образом трансформируются способы потребления, отбора, хранения, передачи информации. Вследствие этих трансформаций появляются, с одной стороны, новые сферы деятельности человека, требующие регулирования со стороны государства, в тоже время с другой, новые меры ответственности государства за информационную безопасность своих граждан. К сожалению, в современный момент лишь малое число организаций занимается изучением результатов (правовых, этических, социокультурных) вследствие образования информационно-коммуникационной среды с целью выработки дальнейшей информационной политики. Так, например, ЮНЕСКО активно продвигает идеи общества знаний, а не просто концепции глобального информационного общества³. В политике в области информатизации важно учитывать и человеческий фактор. От системы ценностей человека, его

³ Кузьмин, Е.И. Гуманитарные аспекты формирования информационной политики в условиях построения общества знаний [Текст] / Е.И. Кузьмин // Информационное обеспечение фундаментальных и прикладных наук. – М.: ВИНТИ, 2005.

уровня знаний и интеллекта, представлений о мире, своем назначении зависит настоящее и будущее современного общества. Ведь именно человек является изготовителем и конечным потребителем информации. Следовательно, для того, чтобы использовать в полной мере и развивать свои ресурсы в информационном обществе человек должен обладать совершенно новыми знаниями, умениями и навыками.

Важной проблемой современного общества становится резкое разделение людей по степени владения и умения использования информации. Вследствие того, что новые информационные технологии попали в распоряжение ограниченного количества социальных общностей, то существенно возросла угроза массового управления людьми с помощью информационного воздействия. В России необходимо создать новую систему обеспечения безопасности личности от информационных потоков, оказывающих манипулятивные и деструктивные информационные воздействия. В этом аспекте особенно актуальными становятся вопросы подготовки социальных институтов к будущим реформам, а также оказания помощи гражданам в процессе адаптации к изменяющимся условиям жизни. В информационной политике государства важно уделять внимание личности гражданина, поддерживать и содействовать его способностям в поиске нужной и необходимой в современной жизнедеятельности информации, эффективному ее использованию и созданию собственного качественного информационного продукта. Для акторов информационно-коммуникационной среды не менее значимо умение критически оценивать, отличать недостоверную и неактуальную найденную информацию. Важно дать человеку действенные инструменты защиты от деструктивного и манипулятивного информационного влияния.

Любой человек и любая социальная система осуществляет определенную деятельность по своевременному обнаружению и разрешению противоречий, которые могут разрушить основы жизнедеятельности человека, конкретного сообщества или общества в целом. В качестве субъекта, обеспечивающего такую безопасность, могут выступать человек или организация, заботящаяся о том, чтобы обеспечить свое нормальное существование, а также безопасность других социальных субъектов, от которых зависит свое успешное функционирование. Статья 2 Федерального закона РФ «О безопасности» выделяет «основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти». Граждане, общественные и иные организации и объединения отнесены в законе к числу других субъектов обеспечения безопасности.

Вне зависимости от того, является ли субъектом безопасности человек или организация, его представляют конкретные люди. Поэтому особое следует подчеркнуть необходимость обращения внимания на ответственность тех лиц, которые руководят этими субъектами. Ведь именно от их умения вовремя обнаружить опасность, оценить ее последствия, умения организовать работу по обеспечению безопасности зависит полноценное функционирование зависящей от субъектов системы. Компетентность субъекта безопасности является результатом освоения профессиональных знаний, умений и навыков, а также продуктом труда людей, собранных в специально созданные структуры для обеспечения безопасности какого-либо объекта.

В настоящий момент в современной России сложились определенные предпосылки и условия перехода к информационному обществу: большинство предприятий и организаций оснащены компьютерным и сетевым оборудованием; формируется телекоммуникационная информационная структура, возникает новая индустрия переработки информации. К сожалению, основные проблемы и препятствия на пути управления информационным развитием российского общества еще не устранены. Актуальные вопросы, возникающие в современной информативно-коммуникативной среде, заключаются не сколько в выборе технологий, столько в подборе действенных механизмов нормативно-правового регулирования. Трансформация основ нормативного регулирования жизнедеятельности человека в информационно-коммуникационной среде стала ведущей и определяющей. Следовательно, для ее анализа необходимо применять как технологические, так и социологические категории.

В качестве приоритетной задачи в последнее время многие страны, в том числе и российское, определили разработку и реализацию концепций и программ развития информационного общества. Хотя такой вид деятельности может принимать самые разные формы, при этом преследуются основная цель вхождения в число мировых лидеров. В связи с тем, что концепция информационного общества помогает понять общественное развитие и предлагает пути достижения конкретных целей и задач, то для России она может стать и объединяющей идейной основой. Определяющее значение при этом отводится и такой ее характеристике, как неидеологизированность данной концепции. Исходя из этого, для нашего государства важно уже сегодня определить концепцию информационного общества с прописанными правами и обязанностями основных акторов политической, экономической, социокультурной сфер жизнедеятельности.

Литература

1. Варганов В.В. Социальная технология защиты личности от деструктивного информационного воздействия: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 [Текст] / В.В. Варганов. – Белгород, 2010.

2. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты [Текст] / Г.В. Грачев. – М.:Изд-во РАГС, 1998 – 125 с.

3. Зотов В.В. Становление информационно-коммуникативной среды современного общества: социологический анализ институциональных трансформаций [Текст] / В.В.Зотов. – Курск, Курск ГТУ, 2007. – 234 с.

4. Киреева О.Ф. Коммуникационный консалтинг в системе обеспечения социально-информационной безопасности. Коммуникология: электронный научный журнал. Том 5 №5. 2017. – С.96-106.

5. Киреева О.Ф. Коммуникационный консалтинг как средство обеспечения информационной безопасности в современном обществе / Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва.

6. Киреева О.Ф. Социологическая диагностика информационной безопасности информационно-коммуникационной среды // Труд и социальные отношения. – №12. – С.35-42.

7. Шарков Ф.И. Информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности. Коммуникология. – 2014. – Т.3. – №3. – С.111-118.

8. Шарков Ф.И. Развитие виртуальных сетевых сообществ в Интернете. Коммуникология. – 2015. – Т.3. – №5. – С.29-46.

Sharkov F.I., Kireeva O.F. PROBLEMS OF FORMING THE CULTURAL COMPONENT OF THE PRESENT INFORMATION MEDIA

Modern information and communication technologies create a new type of information environment, covering all spheres of society. Actively saturable new content global information and communication environment gradually draws in numerous community and the community in which, unfortunately, cultural and spiritual component gradually begins to lose its influence. Accordingly, the state of the information environment does not fully contribute to the preservation of cultural traditions, the strengthening of the cultural and spiritual component of the information environment. With all the "merits" of information in this state of the information environment, it can become a means

of limiting and suppressing civil liberties, threatening the information security of society as a whole. Proceeding from this, it is important for our state to define the concept of the information society with the registered rights and duties of the main actors of all spheres of life. This is especially true for the development of the spiritual sphere of society.

Key words: *information and communication environment, information and communication technologies, information security of the society, concepts and programs for the development of the information society, threats to information danger.*

Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор Академии труда и социальных отношений, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики РАНХиГС (г. Москва, РФ).

Киреева Ольга Феликсовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры торгового дела и товароведения. Чебоксарский кооперативный институт (филиал Российского университета кооперации России. г. Чебоксары).

УДК 130:2

Звонок Н.С., Лисицина Я.К.

СИМУЛЯКР КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ БЫТИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматривается понятие симулякра как ключевого понятия постмодернистской философии, объясняющего социальную реальность. Симулякр представляет собой знак, утративший связь с означаемым. При этом он отнюдь не искажает означаемое, а подчёркивает его отсутствие. Симулякр представляет собой превращённую форму бытия и движения информации в культуре постиндустриального общества. Постмодернизм объясняет симуляцию в СМИ симулятивной сущностью современного общества, влиянием гиперреальности. СМИ являются таким же генератором симулякров, как и наружная реклама, постмодернистское искусство.

Ключевые слова: *симулякр, симуляция, превращённые формы, постмодернизм, культура, масс-медиа*

Постановка проблемы. Современная эпоха определяется исследователями как эпоха постмодерна, которой характерны коренные

изменения во всех сферах человеческой жизни. В этой связи, возникла необходимость верификации основных моральных ценностей, идеалов в свете нового понимания человека и общества. В ходе этого процесса подвергаются критике абсолютные императивы эпохи рационализма. Эпоха постмодерна открыла необходимость поиска новых ответов на кантовские вопросы: кто есть человек, что есть мир, кто есть человек в этом мире? Соответственно, возникла необходимость артикулирования современного этического пространства существования человека.

Цель исследования. Современной эпохе характерно изменение места культуры и искусства в обществе. Эстетический постмодерн в этом звене мыслится одним из самых выразительных постсовременных процессов. В наши дни наблюдается всплеск интереса к термину «постмодернизм», в свете чего, ситуация пребывает в поле зрения теоретиков различного профиля: философов, филологов, социологов, искусствоведов. Понимание категории «симулякр» как определяющей характеристики феномена постмодернизма, трактовка постмодернизма как ситуации в культуре, замыкает исторический круг конца XX – начала XXI в. Цель данного исследования – опираясь на исследования современных авторов, рассмотреть роль симулякра как семантического узла бытия в современной культуре постмодерна.

Основная часть. В начале XXI века постмодернизм привлекает всё более широкий круг исследователей. И это не удивительно, ведь он наилучшим образом отражает мироощущение человека новой эпохи. Постмодернизм, прежде всего, является духовным состоянием, особым мировосприятием, которым характеризуется кризисная эпоха и для которого характерно ощущение отчаяния, растерянности, разочарования.

Появление постмодернизма как новой философско-эстетической системы мышления и мироощущения большинство исследователей склонны относить ко второй половине XX века, считая ее кризисом искусства, культуры и, наконец – кризисом философии. Даже поверхностный взгляд на вопрос о сущности постмодерна указывает на то, что данный феномен имеет чёткие временные границы и связан с осознанием тех тенденций в культурном самосознании, а также тех трансформаций в социально-экономической, политической, технологической и духовной сферах, которые заявили о себе с конца 1970-х годов.

Одним из ключевых понятий постмодернистской философии, объясняющие современную социальную реальность, является понятие симуляции. Различные его аспекты разрабатывались такими представителями философии постмодернизма, как Ж. Батай, Ж. Бодрийяр,

Ж. Клоссовски, Ф. Джеймисон, Дж. Вард, Д. Харвей и др. С этим явлением перекликаются концепции французских постструктуралистов, например, концепция «мир как текст». В них особое внимание обращается на наблюдение или даже утрату связи знака с референтом. Общество постмодерна оказывается заключено в рамках знаковой реальности. Так, как отмечает Ролан Барт, выражение «человек стоит перед лицом мира» означает фактически то же самое, что «человек стоит перед лицом книги» [8, с. 566].

Центральным элементом концепции симуляции является симулякр. Он представляет собой знак, утративший связь с означаемым. При этом он отнюдь не искажает означаемое, а подчёркивает его отсутствие. Симулякр – не иллюзия, а реальный, или, точнее, гиперреальный предмет или явление, совершенно конкретным образом определяющее социальную действительность. Для того, чтобы превратиться в симулякр, образ должен в своём развитии пройти несколько последовательных стадий:

- «он является отражением базовой реальности;
- он маскирует и искажает базовую реальность;
- он маскирует отсутствие базовой реальности;
- он не имеет никакого отношения к какой-либо реальности, являясь своим собственным чистым симулякром» [1].

В целях выявления природы данного феномена, представляется целесообразным обратиться к методологической концепции превращённых форм. В научный и философский оборот термин «превращённая форма» был введен Карлом Марксом, который использовал его в ходе исследования видимых зависимостей, искажённо отражающих природу сложных систем связей.

В прошлом веке превращённые формы исследовал М. Мамардашвили, который отмечал широкую перспективу развития данного подхода вплоть до построения онтологического пространства, отличного от классического и включающего его как частный случай. Превращённые формы возникают в результате невозможности восприятия организации действительности во всей полноте системных связей и представляют её инобытие, в котором фактический характер отношений скрывается косвенными выражениями.

Структуру превращений Мамардашвили представляет в виде следующей последовательности: «выключение отношений из связей – восполнение его иной предметностью и свойствами – синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием» [6, с. 362].

Необходимо также отметить, что в действительной конкретности

содержатся не только предпосылки образования и развития превращённых форм, но и тенденции, ведущие к их деструкции и преодолению. В ходе предметно-практической и духовно-преобразовательной деятельности человек расширяет свои представления о действительной конкретности, что влечёт за собой преодоление фиктивной конкретности, реализующееся в изменениях социальных идеальных форм, представляющих сферу существования и движения культуры через её объективные и субъективные формы бытия.

Так, переход от индустриального к постиндустриальному обществу обуславливает специфику современной культурной ситуации. Превращённые формы образуют целостное представление о действительности, и поэтому растущая потребность в их изменении вызывает рост социокультурных противоречий.

Итак, симулякр представляет собой превращённую форму бытия и движения информации в культуре постиндустриального общества. Следовательно симуляцию можно определить как форму бытия и движения в общественном сознании симулякров, характеризующуюся ограничением восприятия окружающего пространства сферой знаков, утративших связь с реальностью. При этом симулятивность можно определить в качестве сущностной характеристики культуры в эпоху постмодерна: тенденция к развитию симуляции проявляется во всех формах и на всех структурных уровнях общественного сознания в данную эпоху.

Реальность под воздействием тотальной симуляции превращается в гиперреальность. «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет. Симулякр есть истина» [1], – приводит Бодрийяр цитату из Экклезиаста. Между тем, у Экклезиаста эта фраза не встречается. Таким образом, теоретик даёт своеобразный пример симулякра.

Жан Бодрийяр описывает и некоторые особенности гиперреальности. В эпоху совершенной симуляции практически исчезает расстояние между реальным и воображаемым миром: современная фантастика способна продемонстрировать лишь увеличение количественных показателей. Возрастают скорости, совершенствуются технологии, но принципиально мир остаётся тем же. По Бодрийяру, гиперреальность представляет собой пространство существования нового совершенного первобытного общества, живущего в рамках собственных мифов, в новой синкретичности, в вечном настоящем [2, с. 177].

Симуляция кардинально изменяет властные отношения в обществе. Протест против властных институтов превращается в симулякр, не разрушает, не дестабилизирует систему, а лишь дополняет её. В то же

время в условиях потери смысла власть также не способна осуществлять свои полномочия. Она более не в силах контролировать общественное сознание.

В эпоху тотальной симуляции по-иному стало восприниматься историческое время. Бодрийяр отмечает такое явление, как фетишизация прошлого. В результате исчезновения референта, проблематичности существования реальности, кризиса рационального, смещения восприятия с действительных событий на акты симуляции общество испытывает травму.

Все без исключения события прошлого героизируются. При этом не происходит их осознания. Имеет место лишь ностальгия по утраченному референту. Прежние более-менее стройные представления о структуре исторических изменений сменяются множеством отдельных популярных сюжетов, которые, переплетаясь, образуют пеструю объёмную картину вневременного бытия человечества. «Позади перформативной и демонстративной логики – одержимость исторической верностью, [...] эта негативная верность одержима материальностью прошлого, настоящего, такой-то сцены прошлого или настоящего, реставрацией абсолютного симулякра прошлого или настоящего, заменившая собой все другие ценности – к этому причастны все мы, и здесь ничего не изменишь» [1].

Такую же ностальгию по референту Бодрийяр видит в современном искусстве, в частности, в кино. Оно создаёт иллюзию реальности, которой уже давно не существует, и получает популярность именно благодаря этой иллюзии.

Символом гиперреальности, её лучшим образцом теоретик считает современный гипермаркет. Он заключает в себе пространство всей современной социальной жизни, представляет собой «нечто совершенно отличное от традиционных культурных сооружений (музеев, галерей, библиотек, домов культуры).

Именно здесь вырабатывается та критическая масса, сверх которой товар становится гипертоваром, а культура – гиперкультурой, т.е. связанной более не с различными обменами или определёнными потребностями, но с определённого рода тотальным антропометрическим универсумом, или замкнутой цепью, по которой пробегает импульс от отрезка к отрезку...» [1].

В гиперреальном мире господствует дух нигилизма, но не прежнего несущего деструктивный заряд нигилизма эпохи романтизма, а также не нигилизма дадаистов и сюрреалистов, а принципиально новой разновидности этого явления. Он пропитан не духом активного протеста, а представляет собой инертность, отказ поддерживать какие-либо смыслы, предпочтение симулякров, обеспечивающих удобное и беззаботное

существование. «Нет больше надежды для смысла» [1].

Подобным же образом трактует пространство тотальной симуляции и американский теоретик Фредерик Джеймисон. Рассматривая природу постмодернистского кризиса с марксистской точки зрения, он показывает, что в современную эпоху происходит распространение товарной стоимости на недоступные для неё ранее пространства социальной жизни. Логика товара окончательно подчиняет себе культуру. Потребитель оказывается одинок, заперт в мире товарной стоимости. Рвутся социальные связи. Субъект теряет ощущение единства всеобщего и конкретного. Джеймисон описывает мировосприятие современника как шизофреническое, откликаясь на мысль Лакана, который трактовал шизофрению как «род языкового беспорядка», который характеризуется разрывом между означающим [4].

Особая роль в становлении и функционировании гиперреальности принадлежит масс-медиа. В связи с этим в последние десятилетия развернулись теоретические споры о манипулятивной сущности средств массовой информации.

Так, современные теоретики критического направления, в первую очередь, обращают внимание на активную монополизацию медиарынка, практику слияний владеющих СМИ компаний в гигантские медиахолдинги. Мировое медиапространство на сегодняшний день практически полностью контролируют несколько медиамонополий. Крупнейшие из них – американский концерн «Time Warner», «Viacom», «Walt Disney», «News Corporation», «Bertelsman» и «General Electric»

Приёмы манипуляции, применяющиеся в современных СМИ, достаточно хорошо изучены. Многие критики медийного дискурса опираются на понятие «политического мифа», который описал ещё Кассирер на примерах из пропагандистского дискурса нацистской Германии.

Особенности этого дискурса заключаются в преимуществе сакрального значения понятий перед семантическим значением, появлении мифологической фигуры лидера-героя, в котором сосредотачиваются все естественные и сверхъестественные качества, необходимые для преодоления политических и социальных трудностей, формировании новой системы ритуальных действий, попытке с помощью иррациональных поступков, психологически сходных с обращением к магии, преодолеть кризис, неподдающийся рациональному осознанию [5].

Более поздние теоретики упростили концепцию современного мифа, фактически понимая под ним естественна возникающее или искусственно формируемое ложное представление. Так, Герберт Шиллер выделил

несколько «мифов», делающих аудиторию СМИ доступной для осуществления манипуляции:

- миф о нейтралитете;
- миф о плюрализме средств массовой информации;
- миф об отсутствии социальных конфликтов;
- миф индивидуализме и личном выборе;
- миф о неизменной природе человека.

При этом манипуляторы достигают цели двумя основным методами: дроблением как формой коммуникации (фрагментарность в подаче материала, связанная с прерыванием основного потока информации некоммерческими сообщениями, а также самим построением информационных сообщений в СМИ, усложняет системное восприятие, делает сознание аудитории доступным для коротких эмоционально нагруженных сообщений) и немедленностью передачи информации (обязательное требование оперативности в подаче информации снижает степень её достоверности и основательности, служит оправданием для различного рода неточностей и недобросовестных предположений).

Основной целью манипуляторов при этом является обеспечение пассивного, некритичного восприятия информации. Это позволяет добиться успеха как в формировании определённой и выгодной конкретным кругам точки зрения по какому-либо политическому вопросу, так и в формировании потребительского образа жизни, навязывании конкретных товаров и жизненных стилей [9].

И, естественно, нужно иметь в виду, что медийный дискурс в значительной степени состоит из коммерческой, рекламной информации. Рекламный дискурс представляет собой особый тип манипуляций сознанием аудитории, разработка технологий которого получила статус научной дисциплины. Образы потребительских товаров представляют собой симулякры в чистом виде.

Постмодернизм принципиально отказывает средствам массовой информации в способности объективно отражать мир, поставлять аудитории достоверные данные. При этом, обосновывая свою позицию, теоретики-постмодернисты ссылаются на принципиальные особенности медиа-дискурса, не оставляющие места объективности и непредвзятости.

Таким образом, в полной мере воплотились прогнозы ситуациониста Ги Дебора, разработавшего одну из самых актуальных философских метафор постсовременной эпохи – «общество спектакля» [3]. Значительную роль в этом процессе играет и многократное увеличение информационной нагрузки на индивида. Он оказывается не в силах использовать для анализа сообщений инструменты рациональной

познавательной деятельности, а может лишь ориентироваться на схожие по структуре с мифами симулякры. Масс-медиа естественно подстраиваются под данные особенности восприятия и используют их в процессе формирования общественного мнения. При этом имеют место разнообразнейшие, порой противоречивые тенденции.

Постмодернизм объясняет симуляцию в СМИ симулятивной сущностью современного общества, влиянием гиперреальности. СМИ являются таким же генератором симулякров, как и наружная реклама, постмодернистское искусство.

Сейчас активно говорится о борьбе с ложной информацией. Например, президент Франции Эммануэль Макрон выступил за разработку и принятие в стране закона о противодействии ложным новостям в интернете.

Папа Римский Франциск также призвал противодействовать распространению ложных новостей через современные средства массовой информации. Он говорит, что воздействие ложных новостей способно привести к драматическим последствиям.

Франциск уверен, что в большинстве случаев так называемые «фейк-ньюс», нацелены на обман и на манипуляцию читателем, зрителем или слушателем. Речь идет о получении какой-либо выгоды посредством воздействия ложных новостей на общество. Особенно это прослеживается в политике, когда цель ложных новостей – это повлиять на политический выбор, изменить политический настрой.

Выводы. Социокультурные противоречия, связанные с процессом становления постиндустриального общества, ведут к развитию такого явления, как постмодернистская симуляция. Таким образом, на основе проведенного в данной статье анализа можно сделать предварительный вывод о том, что постмодернистское мировоззрение является основой симулятивной природы культуры в эпоху постмодерна. Симулятивность становится сущностной характеристикой культуры постмодерна. В последнее время немалые силы общества направлены на борьбу с симулятивностью, ложными новостями.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-Принт, 1996. : Электронный ресурс. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183034&p=1>.
2. Бодрийяр Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – СПб: Владимир Даль, 2000. – 206 с.

-
3. Дебор Ги. Общество спектакля / Ги Дебор. – М.: Логос, 2000. – 195 с.
 4. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон. : Электронный ресурс. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm.
 5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. : Электронный ресурс. – URL: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>.
 6. Мамардашвили М. К. Превращённые формы / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1999. – С. 362.
 7. Папа Римский призвал противодействовать «фейковым новостям». : Электронный ресурс. – URL: <http://rusvesna.su/news/1516799721>
 8. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 1280 с.
 9. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. : Электронный ресурс. – URL: <http://psyfactor.org/infmanipulat2.htm>.

Zvonok N.S, Lisitsina Ya.K. SIMULACRUM AS SEMANTIC NODE OF BEING IN POSTMODERNIST CULTURE

The notion of simulacrum as a key concept of postmodern philosophy explaining social reality is considered. The simulacrum is a sign that has lost its connection with the signified. At the same time, he does not at all distort the signified, but emphasizes his absence. The simulacrum is a transformed form of being and information movement in the culture of a postindustrial society. Postmodernism explains the simulation in the media of the simulative essence of modern society, the influence of hyperreality. The media are the same generator of simulacrum, as well as outdoor advertising, postmodern art.

Key words: *simulacrum, simulation, transformed forms, postmodernism, culture, mass media*

Звонок Наталья Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Лисицина Яна Константиновна – студентка кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Артёмова Ю.А.

ТЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

*Писец сидит в своей канцелярии,
руки его бездействуют.*

Речение Ипувера

Статья посвящена социокультурной неопределённости как проблеме, имеющей глубокую сущностную актуальность в современных цивилизационных и общественных условиях в разнообразных по своей широте масштабах: от человечества до отдельной личности, от межцивилизационных отношений до нашего родного города. В работе проводится анализ следующих литературных текстов Древнего Востока: «Рассказ Синухе», «Речение Ипувера» и «Эпос о Гильгамеше». Каждый из них репрезентирует данную проблематику в определённой системе ценностных, общественных, мифологических доминант, отображая существенные черты осмысления и семиозиса социокультурной неопределённости.

Ключевые слова: *социокультурная неопределённости, Древний Восток, цивилизационная парадигма, межцивилизационные отношения, экзистенция, рыцарь неопределённости, социум, социальный коллапс, мифология.*

Постановка проблемы. Исследование социокультурной неопределённости в качестве исходного, базисного компонента философско-аналитического процесса включает в себя рассмотрение её истории. На протяжении всего существования человечества, в процессе развития, дифференциации, столкновений различных культурных, цивилизационных, общественно-политических идентичностей, социокультурная неопределённости выдвигалась в обзор как проблема личного и коллективного существования, неоднократно и различными путями бывала выражена, высказана, осмыслена. Этот бесценный багаж образов, сюжетов, сообщений, мыслей, позиций, концепций репрезентирует процесс её культурно-философской и антропологической рефлексии, составляя тем самым предметно-тематический фундамент для настоящего исследования.

Рассмотрение такой исторической протяжённости разумно начать с Древних времён, понимая под этим понятием период, в который складываются самые древние дошедшие до нас тексты нарративного, религиозного, философского содержания. Сам факт социокультурной неопределённости предполагает в качестве неизбежной в чисто логическом смысле ситуации поиск и выбор, производимый среди имеющихся социокультурных вариантов, претендующих на роль детерминант жизни, деятельности, самосознания субъекта: индивидуального или коллективного. Кроме того, такой выбор требует наличия достаточно высоко развитого аппарата ценностного мышления, выработки достаточно сложных ценностно-смысловых конструкций, имеющих хождение в социуме, и опыта проживания их единичным человеком. Поскольку индивид живёт в среде себе подобных, не просто находясь «в контексте» этих ценностно-смысловых конструкций, где они выступали бы внешней, формально-регулирующей стороной.

Его жизнь, его чувства и его разум включается с этими ценностно-смысловыми конструкциями во взаимный диалектический процесс, что содержит в себе осознание этих ценностных требований, их интериоризацию, отторжение, борьбу с ними, обогащение их собственными индивидуальными усилиями, имеющими природу экзистенциального опыта. И такую же природу экзистенциального опыта несёт в себе ситуация социокультурной неопределённости, ввиду чего для неё представляются равновеликими и равноисходными как коллективное, общее, родовое начало, так и начало единичное, что получает своё предельное по своей содержательной глубине воплощение в виде феноменов личностного бытия и судьбы отдельного человека.

Ввиду вышеизложенного материалом для исследования данной проблематики в её наиболее раннем стадийном срезе выступают тексты, относящиеся к той исторической эпохе, когда уже существовали в социально-экономическом разрезе – частнособственнические отношения, институт государства и его в достаточной мере дифференцированный управленческий аппарат, а в социокультурном отношении – цивилизационные идентичности, достаточно чётко определяемые в своих основных качественных характеристиках, религиозные институты с развитой системой мифо-теогонических представлений, историческое самосознание и этнические культуры.

Проблематика формирования человеческого самосознания, миропонимания и начал философского знания входит в число одной из самых востребованных областей научного исследования и на протяжении веков, в условиях различных научных парадигм вызывает неизменный

интерес. В качестве неоспоримой иллюстрации достижений науки, проделанных в этой области, мы можем указать на классические работы Э.Тейлора, Дж.Фрезера, К.Леви-Стросса. Среди представителей советской науки значительные шаги в данной научной проблематике были проделаны такими учёными, как С.А. Токарев, М.И. Шахнович, М.В. Попович. При этом здесь следует отметить, что исследуемая в данной статье проблематика носит существенные отличия от культурологического и антропологического материала, разработанного в этом ключе. Это обусловлено тем, что социокультурная неопределённость, появление определённых моделей её переживания, семантизации, осмысления принадлежит к более поздней стадии существования человека и относится к стадии формирования ранних государств и цивилизаций. Данная научная проблематика для своего адекватного рассмотрения нуждается в наличии развитой текстовой традиции, иными словами, цивилизации, уже находящейся на достаточно высокой стадии развития. Чтобы возник вопрос о собственной социокультурной определённости, принадлежности, должен был существовать в уже достаточно развитом виде феномен дифференциации культур и межкультурных взаимодействий. Нужно было, чтобы собственная социокультурная идентичность уже существовала в виде достаточно сложного, разноуровневого коллективного организма, для которого стабильность его существования, «порядок» обладал развитым выразительно-знаковым аппаратом, а органы, которые обеспечивают его устойчивость и сохранение в обществе вышли бы за пределы тех возможностей, которыми обладала первобытная община и соответствовали различным функциональным составляющим государственного аппарата.

Основная часть. Рассмотрение того, как складывается для человека Древнего мира ситуация социокультурной неопределённости, какую ценностную, смысловую, символическую конфигурацию она получает в его образе мира, актуально прежде всего ввиду той остроты, откровенности, того драматизма, с которым она была пережита и запечатлена. Ведь первые тексты, повествующие об этом, созданы чувством и мыслью, что находились на границе осознания и понимания индивидуального бытия, которое отделяется от природного, родового, космического начал и способно быть им противопоставлено. Ещё не выработаны те идеальные формы и те поведенческие модели, что легитимизируют и оправдывают бытие человека как единичной персоны, которые способны заверить собою его правоту перед лицом детерминирующих его, более могучих над-персональных сил. Религии существуют и развиваются как культоритуальные практики и мифологические традиции, и не находят ещё в себе тех сил, средств, слов, которые каким-либо путём оправдывали бы

человека единичного. Философия, опирающаяся на авторитет автономного мышления и на отождествление индивидуального жизненного опыта с разворачиванием процессуальности *cogito*, ещё не начала свою историю. В этих условиях всякая социокультурная неопределённость проживается предельно остро, как трагедия, как разрыв единственных врождённых связей человека с миром ценностей и смыслов, когда сам человек «от себя» связи эти устанавливать, осмыслять и закреплять пока не способен. Но поскольку экзистенция и её выражение себя в мысли и в культуре всё же находит в себе такие силы, в трагическом поиске и «на ощупь», то анализ такого процесса представляется глубоко актуальным в перспективе социального и культурного антропогенеза.

Одним из числа самых древних памятников осмысления и выражения чувств и образов, порождённых ситуацией проблематичности своей социокультурной идентичности, ситуацией утери «проторенной дорожки» и вписанности в общий ценностной, символичный, социальный порядок, является произведение древнеегипетской литературы «Рассказ Синухе». Это широко известный текст, который по праву может быть назван первым на планете романом, реалистически запечатляющим события и психологию эпохи.

Он пользуется неослабевающим вниманием мирового научного сообщества, служит основой для разнообразных социально-аналитических, культурологических комментариев, исторических и литературоведческих интерпретаций. Здесь уместно упомянуть работы Жеральдины Харрис «Боги и фараоны из Египетской мифологии» [12], И.Г. Лившица «Сказки и повести Древнего Египта» [5], Ричарда Паркинсона «Рассказ Синухе и другие древнегреческие поэмы 1940-1640 гг. до Р.Хр.» [13]. Разворачивая внутреннее, духовное пространство своего участника и рассказчика, текст был написан со слов придворного чиновника высокого ранга, «истинного знакомого царя», «любимца царя», «спутника царя», как значился он согласно тогдашней табели о рангах, сохранился в списке, относящемся к XVIII династии (XX – XVIII вв. до н.э.). Поддавшись панике перед возможной придворной смутой, которая могла разгореться вокруг престола умершего фараона Схетепибра-Аменемхета I, не находя в себе смелости продолжать выполнять свои придворные обязанности, он бежит из Египта и достигает Палестины. На протяжении всего повествования он сохраняет толерантное, вернее даже верноподданническое отношение к центральной власти в Египте, оставаясь верным законному наследнику трона Сенусерту I, высказывает в его адрес похвальные речи, что даже заставляет историков заподозрить текст в политически-казанном, пропагандистском характере [4, с. 27].

Итак, Синухе бежит из Египта и благополучно пересекает его границу, «Стену Правителя», двигается дальше на северо-восток, после чего был благосклонно принят и обласкан Амунешти, крупным племенным вождём восточных кочевников, правителем Верхней Ретену, города в Южной Палестине. Тот оказался союзником Египта и поклонником египетской цивилизации, судя по сочувствию, высказанному им по поводу смены властителя Египта и словам, которыми он увещевает Синухе остаться жить под его покровительством: «Хорошо тебе будет со мной, – услышишь речь египетскую» [10, с. 39]. За годы, проведенные вдали от родины, Синухе с успехом инкорпорировался в социум кочевников. Амунешти назначает его владычествовать над большим подчинённым ему племенем, выдаёт за него старшую дочь, ставит его «старшим» над своими сыновьями. Синухе взымает дани, воспитывает родившихся здесь собственных сыновей, выступает в войнах, которые ведёт его сюзерен, в роли высоко квалифицированного военного специалиста, что позволяет читателю рассказа судить о качествах и степени его административно-военной компетентности при дворе фараона. Сам участвует в усобице и побеждает в поединке, причиной которых послужило, вероятнее всего, отношение к нему как к этнически чуждому для местных жителей.

Вот здесь-то, сразу же после описания победы над поединщиком («Это был смельчак, и не было равного ему», [10, с. 42]), тональность повествования Синухе меняется с удовлетворённости плодами своей социализации на минорную оценку перспектив своего посмертного бытия. Открываются его рассуждения принятыми в мировой риторической традиции шаблоном противопоставления плохого и хорошего, где под первым понимаются прежние жизненные условия, а под последним – их нынешнее изменение, произошедшее в результате собственных усилий. «Так одарил бог милостью своею того, на кого прежде гневался, кого изгнал в чужеземную страну, а сегодня сердце его омыто от греха. Прежде был я беглец, теперь же знают обо мне в царском подворье. Полз я ползком от голода, а теперь я одеваю хлебом соседа» [10, с. 43]. Однако это ещё не достойный конец и завершение жизненного пути! Удовлетворение успехом в боях и стабильным жизненным благоденствием сменяется тревогой, а тревога – тоской и житейской неудовлетворённостью. Радикальным, качественным отличием социокультурной идентичности своей родной земли, тем, что не может быть восполнено никакими благами, почестями, имущественным и социальным ростом, достигнутым на его «нового родине», Синухе видит специфическое ценностно-ритуальное осмысление и сопровождение смерти, а также египетскую погребальную субкультуру. Апология египетской власти, что звучала и прежде из его уст, меняет свою

тональность, в ней всё больше начинают проступать ноты тоски, покаяния и самооправдания: «О бог, предначертавший моё бегство, кто бы ни был ты, приведи меня в царское подворье! Быть может, ты дашь мне узреть края, где сердце моё бывает что ни день. Что желаннее погребения в той стране, где я родился?» [10, с. 44].

Синухе приводит текст послания, которое направляет ему Сенурсет I, прежний покровитель Синухе и который, как и следовало по закону, к этому времени уже давно стал властителем Египта. В письме фараона звучат тональности увещевания и вопрошания о достойном итоге жизни, соответствующие мыслям самого героя повествования. «Но что сделал ты дурного, дабы ждать возмездия? Ты не злословил – некому отвергать речи твои». «Подумай о дне погребенья, о сопричислении к достоинству умершего». «Не встретишь ты кончину в чужеземной стране, и не азиаты проводят тебя в могилу, и не будешь завёрнут в баранью шкуру, и не насыплют холма над тобою. Поздно тебе бродяжничать по земле. Подумай о недугах. Вернись!» [10, с.45]. Послушавшись приглашения, Синухе распределяет своё богатство между сыновьями и торжественно возвращается в столицу. Утеря им своей цивилизационной идентичности звучит в саркастических словах принимающего его Сенусерта I: «Смотри, вот пришёл Синухе, он как азиат, он превратился в кочевника» [10, с. 48]. Принятый обратно и прощённый за прежнее малодушие, «истинный знакомец царя» обретает милости при дворе и все причитающиеся его рангу почести, связанные с подготовкой к погребению. Текст рассказа подробно перечисляет характер работ, произведенных всей высокочинной «погребальной бригадой» царского двора: «начальником над строителями», «начальником над художниками», «начальником над ваятелями», «начальником над зодчими города Вечности», «начальником над жрецами», чтобы увенчаться достойным хэппи-эндом: «Нет человека толпы, которому сотворили подобные благодеяния! И был я в милости у царя по день смерти» [10, с. 50].

В судьбе и самосознании вельможи Синухе социокультурная неопределённость предстаёт как разрыв со своей цивилизационной идентичностью. Спонтанно, в состоянии паники бежав из пространства социально-уместного и ценностного функционирования основных смысловых доминант, он утерять связь с той из них, которая имеет, вероятнее всего, наиболее фундаментальную значимость для древнеегипетского общества – с гарантированной возможностью получить иерархически, социально адекватный погребальный обряд, оказаться вписанным в ценностно-ритуальное сопровождение, семантику и осмысление смерти. О радикальном характере ориентации в этом

направлении всей цивилизационной тотальности Древнего Египта ещё в 1831 году говорил Н.В. Гоголь в своём эссе «Жизнь», включённом в художественно-философский сборник «Арабески»: «И говорит Египет, помавая тонкими пальмами, жилищами его равнин, и устремляя иглы своих обелисков: "Народы, слушайте! я один постиг тайну жизни и тайну человека. Всё тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, ещё жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком! Всё пожирает смерть, всё живёт для смерти. Далеко, далеко до воскресения, да и будет ли когда воскресение. Прочь желания и наслаждения! Выше строй пирамиду, бедный человек, чтобы хоть сколько-нибудь продлить своё бедное существование"» [3, с. 199-200].

Личная альтернатива для Синухе – это альтернатива жизни в обществе, где действует привычная ему и вошедшая в глубины его само- и мироотношения иерархия ценностей, или в том мире, который этой иерархии, данной именно в таком виде, не знает. И здесь уже никакой жизненный успех и расположение со стороны «сильных мира кочевников» не может задвинуть и искупить социокультурный диссонанс между реальным и должным, между сознанием правоты, которое даруется переобретением своего настоящего дома, существующего и проживаемого тобою во всей системе ценностно-смысловых требований и их символизации, и приютившего тебя чужого мира, в котором, по словам известного анекдота, «и похоронить как следует не сумеют».

Текстовое и литературное наследие Древнего Египта оставило другой памятник проживания и запечатления социокультурной неопределённости. Это «Речение Ипувера», текст, который представляет описание социально-политической катастрофы. Это – выраженный словами и оценками представителя образованного и привилегированного сословия опыт распада существовавшей прежде парадигмы социокультурного бытия, казавшихся стабильными системы транссубъектных норм поведения, иерархии ценностей, форм их религиозного и идеологического осмысления. Ввиду значительной временной удалённости не представляется возможным установить, какие конкретно исторические события послужили причиной создания текста. Характерно, что до обнаружения его значительно более ранних списков бытовала версия о том, что «Речения Ипувера» изображают сопровождавшийся восстанием рабов социальный переворот, знаменующий границу между периодами Среднего и Нового царства и относящийся к 1750 г. до н.э. [6, с. 14]. На самом деле он относится к периоду Древнего царства, III-му тысячелетию до н.э., и в силу этого может считаться древнейшим дошедшим до нас памятником данного жанра. По существу это первое в истории описание архетипа

социального коллапса. От «Речений Ипувера» далеко в грядущие века протягивается устойчивая смысловая нить, что соединяет ламентации древнеегипетского писца с «Рассуждениями о Франции» графа де Местра, «Последними днями императорской власти» Александра Блока, «Новым средневековьем» Н.А. Бердяева. Ввиду своего архетипического статуса, символические конструкции, модели выразительной и смысловой риторики, которые содержит текст, достойны того, чтобы задержаться на них более детально и попытаться свести их к некоторому перечню семантико-выразительных методов и конструкций.

- Насущное социокультурное состояние расценивается как наступивший в одночасье хаос. Основное состояние человека, пребывающего в нём, описывается как потеря социокультурной открытости и самоочевидности. «Грязь по всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в это время». Мир становится чужим и непонятным. «Воистину: чужеземной землёй стал Египет. Номы разграблены. Варвары извне пришли в Египет» (здесь и далее «Речение Ипувера» цитируется по тексту, приведенному в книге А.И. Немировского, [6, с. 14-15]). Утерю самоочевидности, чуждость мира насущных социальных отношений следует квалифицировать как отсутствие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами, которая является, согласно тезису Толкотта Парсонса [8, с.21], необходимым условием интеграции членов общества. Социальный катаклизм представляет собой аннигиляцию такой зоны проводимости.

- Распад социокультурной парадигмы рассматривается как этический упадок, как крушение нравственных устоев, соединявших общество прежде. При этом иллюстрирующие примеры берутся из социальной среды, касаются социального порядка, социальной уместности или их отсутствия. «Дороги обезлюдели, ибо на путях засады. Воистину: нет человека вчерашнего дня». «Смотрите: убивают человека рядом с братом его».

- Картина стратификации общества редуцируется к двухуровневой модели: «верх» и «низ». Различные имущественные, властно-административные, профессиональные стратификационные идентичности игнорируются в своём конкретно данном социокультурном качестве и безапелляционно приписываются к социальным «верхам» либо «низам». «Тот, кто не мог сделать себе гроба, стал владельцем заупокойного имения, а погребённый соколом лежит на простых носилках, и пустым стоит то, что скрывала раньше пирамида. Смотрите: вельможи ютятся в закромах. Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником ложа».

• Для описания и осмысления общего социокультурного коллапса наиболее адекватной картиной представляется реверс: «верх» и «низ» поменялись местами: привилегированные сословия оказываются на месте отверженных и угнетённых, те, кто прежде были угнетёнными – наслаждаются всеми благами жизни.

• В описании социального реверса в качестве выразительного средства, усиливающего масштаб происходящего, используется метафора реверса природного, космогонического порядка. «Воистину: земля перевернулась, как гончарный круг». Чтобы подчеркнуть устойчивость этой метафоры, приведём здесь слова из «Повести временных лет», в которых описывается так называемый мятеж волхвов, произошедший вскоре после принятия христианства, и в ходе которого социально-экономическое недовольство бедноты приняло черты идеологии реставрации язычества: «В год 6579 (1071). В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал: "Явились мне пять богов, говоря: вот что поведай людям: на пятый год Днепр потечет вспять и земли начнут перемещаться, и Греческая земля станет на месте Русской земли, а Русская на месте Греческой, и прочие земли переместятся"» [9].

• Общая семантика социального реверса достигается посредством идеи социального абсурда. Основным методом остраннения и абсурдизации жизни является то, что предметы-символы одного социального уровня оказываются принадлежащими другому уровню; аналогичное смещение касается и видов деятельности. Удовольствие низших, тех, кто естественным путём, в привычном, «правильном» социальном порядке был обречён на труд и страдания. И наоборот, страдания тех, кто в естественном социальном порядке привык к беспроблемному существованию. «Благородные женщины скитаются по стране. Владычицы дома говорят: «О если бы имели, что поесть». Тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются». «И невежде кажется прекрасным всё совершающееся на его глазах».

• Последствием игнорирования профессиональных, в частности культурно-интеллектуальных оснований стратификационной идентичности выступает профанация сакрального знания. Вернее будет сказать, что в такой системе социальной оценки знание как таковое уже наделяется сакральным статусом, подчёркивает стратификационный уровень своего носителя, его принадлежность «верхам». И поэтому вполне естественно социальный и космический реверс выражается в профанации знания. «Тайны бальзамировщиков раскрыты». «Воистину: расхищены акты великопальной судебной палаты, вскрыты архивы, податные списки, и списки по учёту урожая уничтожены, свитки законов выброшены, и ходят

по ним на перекрёстках. Воистину: великолепная судебная палата стала местом, куда входят и откуда выходят беспрепятственно, бедняки входят в Великие дворцы, а дети вельмож выгнаны на улицу».

Таким образом, два проанализированных литературных текста Древнего Египта, «Рассказ Синухе» и «Речение Ипувера», представляют перед нами два вектора отношения к социокультурной неопределённости. Два комплекса причин, обстоятельств, породивших её, социальных, культурных, семиотических механизмов её выражения, два варианта её протекания и реагирования человека на неё. В первом случае это стремление к её переобретению, во втором – жалобы на её утерю. Отсюда – то утверждение жизни, личной воли, которые мы можем вычитать сквозь даль времён в первом тексте, и тот пессимизм, ощущение катастрофы, что пропитывают второй.

Шумеро-аккадо-вавилонский эпос «Гильгамеш» или «О всё издавшем» впервые в истории человеческой цивилизации разворачивает проблему социокультурной неопределённости в совершенно новом ракурсе: в перспективе личной судьбы и участи отдельного человека. Именно такая перспектива обнажает невиданные доселе экзистенциальные глубины и ставит тему нашего исследования в качестве императива, то есть требования и вопрошания, на которое приходится отвечать всякому человеку не только и не столько в теоретическом плане, но прежде всего в плане практики и поступка. Если воспользоваться термином «рыцарь веры», введенным С.Кьеркегором в его религиозной философии и трансформировать его смысл для данного антропологического контекста, то здесь уместно было бы назвать Гильгамеша первыми «рыцарем неопределённости». В мифологии Междуречья, как во всякой мифологии в целом, социокультурная детерминированность существования представлена как воля богов, как фатум, как миропорядок, космос, живой и полный смыслами, и в то же время безразличный к человеческим усилиям и самой жизни. Здесь важно помнить, что одним из лейтмотивов шумеро-вавилонской космогонии, что устойчиво проступает в различных её мифологических сюжетах, является отвержение антропоцентризма [11, с. 32-34]. Боги вылепили людей из глины себе на забаву и насылают на них разные погибели, когда их, по мнению богов, становится слишком много. Греческий миф об Адмете и Алкесте, увековеченный Еврипидом и ставший гимном любви, которая сильнее смерти, имеет шумерскую параллель в виде истории про Инанну, богиню любви и плодородия, и её земного супруга Думузи. Только личностно-нравственное содержание оказывается здесь в прямом смысле слова вывернутым наизнанку. Вместо влюблённой супруги, которая единственная из всех сограждан и родственников

соглашается отправиться вместо своего мужа в мрачный Аид, миф повествует о том, как богиня, некогда соблазвившая своей красотой Думузи, отправляет его вместо себя в царство подземной богини Эрешкигаль [11, с. 48-52]. Кратко и образно описывает такую теогоническую модель В.Афанасьева, отмечая, как эгоистическая удалённость мира богов от мира людей оборачивается сокращением дистанции, освящающей «горний» мир и по сути его десакрализацией. «Люди в этом мире вылеплены из глины, замешанной на крови убитого божества, и благословлены пьяными богами. ...человек держится на равных с богом – он может отказаться от любви, предложенной ему богиней, и поносить её при этом, как девку, проклиная её вероломство и коварство» [1, с. 121].

Вот в каком космогоническом контексте несёт своё бремя «рыцаря неопределённости» царь Урука Гильгамеш. В начале эпоса, где повествуется о «раннем периоде» жизни Гильгамеша, мы видим его повелителем, обладающим неограниченной властью в своём городе. В ответ на мольбу о возможности хоть как-то ограничить его самовластие боги создают ему соперника по силе, Энкиду, который впоследствии становится единственным товарищем в его подвигах. Характерно, что в более ранних текстах шумерской цивилизации, которые послужили материалом для вавилонского эпоса, «Послы Аги» и «Жрец к Горе Бессмертного», Гильгамеш представлен военным вождём, вполне историчным и «земным» персонажем, вступавшим в конфликт с царём Киша, а Энкиду фигурирует как его верный советник, «визирь», и лишь в более поздней системе образов эпического сюжета их взаимоотношения обретают эпическую глубину товарищества и взаимопонимания.

Противление тому порядку вещей, согласно которому боги играют людьми как игрушками и способны их, как игрушки же, выбросить с глаз долой, высказывает Гильгамеш, отвергая предложенную ему Иштар роль супруга. «Ты – жаровня, что гаснет в холод... / Сандалия, жмущая ногу господина! / Какого супруга ты любила вечно, / Какую славу тебе возносят? / Давай перечислю, с кем ты блудила!» [7, с. 187]. Гневно и нелицеприятно бросает он в лицо богине напоминания о её прежних любовных историях, закончившихся плачевно для её земных избранников, Думузи и Ишутлану. «И со мной, полюбив, ты так же поступишь!» [7, с. 188].

Видя, как по решению богов умирает Энкиду, Гильгамеш переживает экзистенциальный опыт смерти как закона, неотменяемого ни для кого из живущих. Тревога открывания разуму этой неумолимой и простой истины звучит в словах, которые говорит Энкиду накануне своей

смерти: «Друг мой, с которым мы столько трудов совершили, / Тленье повсюду, куда бы я взоры не кинул». «Но от своей судьбы и ты не уйдёшь, прекрасный!» [2, с. 421].

В ситуации Гильгамеша социокультурная неопределённость и является этим полем напряжения между вызовом, что бросает ему экзистенциальный опыт смертности и возможным ответом: покорность или бунт. Вопрос состоит в том, принять ли то неизбежное, что существует как произвол и бездушие богов, или взбунтоваться. Быть ли игрушкой в их руках, включиться ли в теогоническую систему универсума, которая в корне не допускает никакого участия человека как самостоятельного субъекта, вытесняет и запрещает силой теогонии – антропогонии, или противостоять – умом, смекалкой, силой и таким образом включить своими действиями героическую модель миропостроения, которая приходит на смену мифологической.

Гильгамеш выбирает противостояние и поиск ответа на вопрошание о предельной тайне человеческой судьбы в контексте такой реалии, как конечность, смертность всякого существования. Ответ, который он получает от мудрого и праведного Ут-напиштира, единственного из людей, кто пережил решение бегов уничтожить человеческий род, выражает пессимизм и трагизм героя, принявшего на себя роль быть «рыцарем неопределённости». «Ут-напиштим говорит Гильгамешу: / "Навсегда ли мы строим дома? Трудимся навсегда ли? / Навсегда ли друг с другом расстанутся братья? / Навсегда ли ненависть входит в сердце? / Навсегда ли реки заливают равнины? / Навсегда ли птицы увидели солнце? / Нет с давнишних пор на земля бессмертья, / Мёртвый и спящий друг с другом схожи, / Оба не знают лика смерти. / Властелин и слуга равны перед нею, / Ануннаки, великие боги, её скрывают"» [2, с. 426]. «Когда род людской создавали боги, / Смерть они приказали роду людскому / И в своих руках жизнь сохранили» [2, с. 425].

Выводы. Разумеется, проанализированные тексты не отображают всей полноты репрезентации темы социокультурной неопределённости в наследии Древнего Востока, и сама тематика, в свою очередь, не ограничивается ими. Однако целью данной статьи было показать, что на самой ранней стадии истории культуры и литературной традиции человечества эта проблематика занимала важное место в умах и сердцах. Важно также то, что три проанализированных текста, принадлежащие самым древним из известных земных цивилизаций, раскрывают вопрос социокультурной неопределённости в трёх различных ситуационных моделях: межцивилизационный контакт, социальный коллапс, императив персональной активности, решаемый в контексте предельной моральной и

смысложизненной остроты. В осмыслении, выражении, разрешении их важную роль играют ценности, образы поведения, стереотипы, мифологические представления соответствующих стран и эпох, которые в конце концов ушли в прошлое. Но причины, порождающие ситуацию социокультурной неопределённости, основные силы, выступающие в его контексте, экзистенциальные начала, в образе которых человек проживает их, остаются инвариантными по своей сути. Что и является, в принципе, основным движущим началом и фактором актуальности исследования данной темы.

Литература

1. Афанасьева В. Литература Шумера и Вавилонии // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 115-126.
2. Гильгамеш. Вавилонский эпос // Гумилёв Н.С. Золотое сердце России: Соч. / Сост., вступ ст. и коммент. В.Полушин. Авт. Семейной хроники Гумилёвых: О.Высотский: Худож. Ю.Пивченко. – Кишнев.: Литература артистикэ, 1990. – С. 407-434.
3. Гоголь Н.В. Жизнь // Гоголь Н.В. Арабески / Подготовка текстов, послесл., примеч. П.Паламарчука; Ю.Сельвёрстов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 198-202.
4. Коростовцев М. Древнеегипетская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 23-32.
5. Лившиц И.Г. Сказки и повести Древнего Египта. – М.: Наука, 1979.
6. Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. – М.: Просвещение, 1994. – 368 с.
7. «О всё видавшем» со слов Син-леке-уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 166-219.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалёва. Под ред. М.С. Ковалёвой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
9. Повесть временных лет : [Электронный ресурс] – URL: <http://old-gu.ru/02e.html>
10. Рассказ Синухе // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 38-50.
11. Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М.: Наука, 1965. – 120 с.
12. Geraldine Harris. Gods and Pharaohs from Egyptian Mythology. (The World Mythology Series). Peter Bedrick, 1993.

13. Parkinson R.B. The Tale of Sinuhe and other Ancient Egyptian Poems 1940-1640 BC (Oxford World's Classics). Oxford University Press, 1998.

Artemova J.A. THE THEME OF SOCIOCULTURAL INCERTITUDE IN LITERATURE TRADITION OF ANCIENT EAST

The article is devoted to the sociocultural incertitude as a problem, that has a profound essential urgency in cotemporary civilization and social terms of different scales: from mankind to personality, from the relations between civilizations to our native town. In the article there produced the analysis of some texts of Ancient East: "The Tale of Sinuhe", "Ipuver Papyrus", "Epic of Gilgamesh". Each of them represents our problematic in strict system of value, social, mythological coordinates, reflecting essential forms or the thinking and semiotics of sociocultural incertitude.

Key words: *sociocultural incertitude, Ancient East, paradigm of civilization, inter-civilization relations, existence, the knight of incertitude, society, social collapses, mythology.*

Артёмова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК [316.7:[323.2:398.23/.25]]:130.2

Гришанова Е.В.

**СМЕХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА В
ПОЛИТИЧЕСКОМ БЫТИИ**

В статье проанализированы особенности смеха в политическом бытии общества. Выделены подходы различных философов к проблеме комического. Освещен смех политического строя и государственных лидеров, а также различные проблемы мировой политики. Показаны факторы взаимодействия людей, производимые политическими шутками, анекдотами, карикатурами. Сделан вывод о том, что смех является составной частью политического процесса и культурной жизни общества, а также используется в повседневной деятельности государственных органов.

Ключевые слова: *смех, юмор, политический юмор, культурный фактор, политический процесс.*

Анализ комического позволяет исследовать смешное как часть культуры. Область комического давно является предметом научного

интереса различных ученых, но аспект его историзма является не изученным на данный момент. В современной отечественной и зарубежной политической науке имеются различные подходы к трактовке, как самой политической структуре общества, так и её определенных элементов. Значительный вклад в политическую структуру общества внесли С. Верба, С. Липсет, Л. Пай и другие. Отечественные обществоведы активно включились в разработку проблем культуры в политике в начале 70-х годов XX в. В 70-е годы в СССР приводились достаточно многочисленные исследования культуры советского общества. Среди авторов, уделявших значительное внимание теоретико-методологическим вопросам изучения данной проблематики, можно назвать Е.М. Бабосова, Э.Я. Баталова, А.А. Галкина, А.В. Дмитриева, В.Н. Иванова, Г.В. Осипова, В.В. Смирнова, Ж.Т. Тощенко.

Целью нашей работы является философский анализ смеха в социокультурном контексте политического общества.

Само понятие «культура» в политике выступает структурным элементом политической системы общества. Она раскрывает взаимоотношения субъектов политики, степень их сознательности, активности и готовности к тем или иным политическим действиям. Политическую структуру общества следует рассматривать как органическую часть более широкой общенациональной культуры. Ее специфика детерминирована особенностями исторического опыта и национального характера народа, комплексом социально-политических и экономических факторов, особенностями геополитического положения страны, природными факторами. В качестве ее составных элементов выступают сформировавшиеся в течение многих поколений политические традиции, идеи, концепции, действующие нормы политической практики.

В России наблюдается как никогда стремление людей улучшить свои жизненные условия и, в частности, желание двигаться «вверх» для достижения больших материальных ресурсов, власти и статуса. При этом люди хотят иметь основание для своей позитивной оценки со стороны окружающих. В то же время представляется важным уважение людей не только при повышении, но и понижении их статуса. В любом случае люди идентифицируют себя с теми или иными группами. Если внутригрупповое и межгрупповое сравнение дает негативный результат, то человек так строит свои взаимоотношения с другими, чтобы достигнуть все же позитивной идентификации.

Ученый А.В. Дмитриев заметил, что эффект, производимый политическими шутками, анекдотами, постановками комедий, помимо прочего может нести и позитивный, т.е. функционально полезный характер

для самих политиков, поскольку «расширяет их умственный кругозор; повышает их общую культуру; привлекает к ним ослабевающее внимание; препятствует их диктаторским замашкам; ослабляет многие межличностные конфликты; освобождает их от штампов, от монотонности и однообразия в действиях» [2, с. 117]. Самое же главное, и в этом общественно–политическая функция юмора, – он вызывает общий интерес публики к политике вообще и к ее представителям в частности.

В политической жизни общества смех является наиболее важным фактором взаимодействия людей. Карикатура вносит изменения в социокультурное мировоззрение общества. Именно карикатура является рисунком, изображающим кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде. Для многих художников путеводным было известное высказывание А.В. Луначарского: «И сейчас наш смех, направленный против врага, будет злым, потому что враг еще силен. В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно» [4, с. 181]. Он считал, что большинство карикатур касаются отдельных важных тем, таких как избирательная кампания, вопросы войны и мира, коррупция в правительстве. Ученый предполагал, что карикатуры часто используют феномен преувеличенной похожести некоторых хорошо известных лиц. Кроме того, они могут использовать или создавать символ, известный всем его читателям, для того, чтобы представить важную идею.

Сам карикатурист графически излагал свою точку зрения или точку зрения газеты и журнала. Эта позиция обычно была открыто направлена против властей, их коррупции или войны, а изображаемое – цель его критики, – представлялась в явно преувеличенном виде. Из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять и ее воздействие довольно заметно до нашего времени.

Общество всегда остро реагировало на происходящее в стране и одной из немаловажных форм реакции становится анекдот. Тематика анекдота может отражать любую сторону жизни и творчества, он всеобъемлющ в своей изменчивости. От уголовных до политических, от узко специализированных до бытовых, всюду анекдот обнажает или подчеркивает, как сложившиеся штампы, так и наиболее животрепещущие и злободневные вопросы. Не раз в истории, в том числе и СССР, особенно при тоталитарных режимах, именно по этой причине на этот жанр начинались настоящие гонения, попытки если не искоренить его, то заставить замолчать тех, у кого хватает смелости или глупости поднимать в

столь опасной форме вопросы, о которых власть держащие предпочитают не вспоминать. Ведь говорящего можно убрать, рукопись сжечь, книгу не издать, фильм запретить к показу, но раз рассказанный анекдот, бьющий точно в цель, уже не остановить – он разойдётся, не смотря ни на какие запреты, обростёт дополнительными подробностями и станет ещё более опасен, так как создатель и носитель его – само общество, где он появляется, развивается, совершенствуется и сохраняется, передаваясь всеми возможными способами, из которых уже много веков наиболее распространённым является устный.

В СССР большинство анекдотов складывалось про политиков. Например, фраза «кузькина мать» являлась экспрессивным выражением, хоть она и не была рождена в среде населения, однако ею стремительно воспользовался мгновенно весь мир. Множество выражений, в том числе и шуточных, так или иначе, обыгрывает его, зачастую вовсе забывая о реальных обстоятельствах появления данного высказывания, обращённого к президенту США Р.М. Никсону. На самом деле, первое употребление Н.С. Хрущёвым выражения «мы вам покажем Кузькину мать» произошло на американской национальной выставке, проходившей в Сокольниках в 1959 г.

Из воспоминаний В.М. Суходрева, переводчика Н.С. Хрущёва: «...тогда Никита Сергеевич привычно заговорил, что Советский Союз догонит и перегонит Америку, и, мол, вообще: «Покажем мы вам кузькину мать!» Переводчик от неожиданности растерялся и произнес неловкую фразу о матери Кузьмы. В США так и не поняли, что же подразумевал советский лидер. Н.С. Хрущев повторил понравившееся ему выражение во время визита в Штаты в том же 1959 г. Сам Н.С. Хрущев пришел мне на выручку: «Что вы, переводчики, мучаетесь? Я всего лишь хочу сказать, что мы покажем Америке то, чего она никогда не видела!»» [3, с. 218].

Но, будучи подхваченным в народной среде, эта фраза приобрела несколько другое значение и стала своеобразным лозунгом, под влиянием которого понималось любое внешнеполитическое событие. Со временем она обросла множеством легенд и, в конечном счёте, приобрела форму анекдота, рисующего Н.С. Хрущёва бьющим ботинком по трибуне в ООН и кричащим «мы, вам покажем Кузькину мать!». Тем не менее, многими шутка была воспринята как чистая правда и в сознании нескольких поколений укоренилась эта своеобразная картина.

В весьма продолжительную эпоху Л.И. Брежнева внешнеполитическая ситуация менялась далеко не раз. Происходили обострения противостояния во времена затишья, началась «разрядка», тем не менее, не снявшая принципиальных противоречий и претензий на

мировое господство обоих великих государств. Всё так же процветала игра контрразведок, шпионаж и перебежничество.

Что бы ни происходило в самом СССР, Холодную войну это не остановило. Продолжалось глобальное противостояние блоков, гонка вооружений. Несмотря на то, что наиболее кризисные времена миновали, весь мир жил в напряжении и страхе возможной ядерной катастрофы. Тем не менее, шли десятилетия и все уже давно привыкли как к угрозе войны, так и к осознанию возможных её последствий, что со временем порождало всё больше анекдотов на эту тематику. Без сомнений, можно сказать, что именно эпоха Л.И. Брежнева стала истинным расцветом анекдота, связанного с военно-ядерной тематикой.

«Мировой океан. Всплывает советская подводная лодка. Экипаж выстраивается на корпусе, капитан, расхаживая перед ними, кричит:

-Кто поставил сапоги на пульт? – молчание.

-Кто поставил сапоги на пульт? – молчание

-Кто поставил сапоги на пульт?! – молчание.

Рядом всплывает американская лодка, высовывается её капитан:

-Бардак! А вот у нас, в Америке...

-Да нет больше вашей Америки! Кто поставил сапоги на пульт?!» [1, с. 113].

Таким образом, на основании изучения анекдота в периоды правления Никиты Сергеевича Хрущёва и Леонида Ильича Брежнева, можно сказать, что именно это время является ключевым для понимания советского социально-политического анекдота. При Н.С. Хрущёве он лишь начинает свой путь к вершинам, выйдя из глубокого подполья, в котором пребывал при И.В. Сталине, вместе с «оттепелью». Ослабление цензуры дало свой результат – шутить начали, даже не скрывая того. Попытки ограничения масштабов «оттепели» уже никак не смогли повлиять на активно растущую культуру анекдота. Она вбирала в себя всё происходящее, вплоть до удачных фраз лидеров и, перерабатывая, сохраняла, часто добавляя новый подтекст, соответствующий духу времени, что может быть бесценно для исследователя – подобные тонкости редко сохраняются в официальных документах.

Если эпоху Н.С. Хрущёва можно рассматривать как время становления советского социально-политического анекдота, то правление Л.И. Брежнева, особенно его часть, названная «застоем», рисует картину яркого расцвета. Окончание «оттепели», постепенное возвращение цензуры и формирование нового «культа личности» не только не могли помешать, но и наоборот, способствовали развитию анекдота. Затянувшееся правление, неизменяемое многие годы внутри и внешнеполитическая

обстановка, принцип несменяемости кадров и порождаемые этим последствия для стареющего руководства, ослабление центральной власти – всё это формировало чрезвычайно удачную для развития этого направления устного народного фольклора среду. Окончание эпохи Л.И. Брежнева не стало концом советского анекдота. Сменились лидеры, начала меняться система, но народ продолжал порождать один анекдот за другим в ответ, как на злободневные, так и на долговременные проблемы по уже сформировавшимся законам и принципам, характеризующим именно советский социально-политический анекдот как уникальное явление. С некоторыми изменениями, связанными с неоднократной сменой внешних условий, эта форма анекдота существует и по сей день.

Ученые С. Стыкалин и И. Кременская в своей работе «Советская сатирическая печать 1917-1963» [5] описывают самый популярный журнал смеха в советское время «Крокодил». Журнал высмеивал человеческие пороки и чиновничью расхлябанность, политический строй и лидеров капиталистических государств. Ученые говорили, что «только Партия и ее представители, партийные мероприятия не подлежали осмеянию. Шутка в адрес любого партийного начинания неофициально была запрещена и жестоко каралась. И совершенно нетерпима, немыслима была острота в адрес вождя всех народов И.В. Сталина» [5, с. 273]. На суд читателей выносились недостойные поступки отсталой части рабочих: клеймились позором лодыри и прогульщики, болтуны и подхалимы, пьяницы, хулиганы, тунеядцы. В выражениях карикатуристы журнала себя не сдерживали, «мочили» врагов со всей силы. В разное время в «Крокодиле» печатались многие известные ученые, например, такие, как М.М. Зощенко, В.П. Катаев, С.Я. Маршак, В.В. Маяковский, С.В. Михалков и др.

Одной из самых развлекательных сатирически-телевизионных передач на канале НТВ с 1994 г. по 2002 г. являлась программа «Куклы». Она была направлена на острые темы актуальной российской политики, хотя изначально не была нацелена на высмеивание политических лидеров. Сценаристом первых выпусков выступал В. Шендерович. Позже он писал: «Действующих лиц изображали латексные куклы, карикатурно напоминавшие тогдашних российских политиков, а каждый сюжет отображал актуальные на день выпуска политические реалии и конфликты. Иногда куклы политиков выступали в роли рядовых российских граждан, изредка – в роли непосредственно самих политиков, без аллегорий. Некоторые сюжеты обыгрывались дважды» [6, с. 92].

В передаче освещались различные проблемы государства и мировой политики, при этом освещались они с иронией, сарказмом, в карикатурной форме, высмеивая известных политиков. Подобная ирония привела к тому,

что в 1995 г. против создателей программы было возбуждено уголовное дело по статье «Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». В дальнейшем дело было закрыто, но выпуски программы перенесли на позднее время, также из эфира убрали повторы. Это говорило о существенном ударе в сторону политических деятелей, подрыве их авторитета у населения. Ситуация дошла до того, что канал НТВ стал преследоваться как оппозиционный. В 2002 г. программа «Куклы» была окончательно закрыта.

Таким образом, в политической жизни общества смех является наиболее важным фактором взаимодействия людей. Смех является составной частью политического процесса и культурной жизни общества. Он влияет на поведение публики, особенно в современном мире, когда потребность в комическом повышена за счет расширения коммуникационных каналов. Смех в политической жизни общества может быть использован и успешно используется в ходе осуществления повседневной деятельности государственных органов и оппозиции, как средство внутрисоциальной и международной пропаганды, а также как политическая технология в ходе избирательных кампаний.

Литература

1. Ванюков Д.А. Эпоха Застоя. – М.: Мир книги, 2008. – 256 с.
2. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. – М.: Наука, 1996. – 214 с.
3. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 448 с.
4. Луначарский А.В. Статьи о литературе. В 2-х т. – Т. 1: Худож. лит. – М.: Наука, 1988. – 479 с.
5. Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать 1917-1963. – М.: Госполитиздат, 1963. – 521 с.
6. Шендерович В. Куклы. – М.: Вагриус, 1996. – 304 с.

Grishanova Ye.V. LAUGHTER AS A SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE IN THE POLITICAL GENESIS

The article analyzes the features of laughter in the political life of society. The approaches of different philosophers to the problem of the comic. Lit the laughter of the political system and state leaders, and various issues of world politics. Shows the factors of human interaction that produce political jokes, anecdotes, cartoons. It is concluded that laughter is an integral part of the political process and cultural life of the community, and is also used in everyday activities of state bodies.

Key words: laughter, humor, political humor, cultural factor, political process.

Рецензент: Шелюто В.М. – д. филос. н., профессор.

Гришанова Екатерина Валерьевна – ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Туган-Барановского». Аспирант кафедры философии «Донецкий национальный университет» (г. Донецк).

УДК 004:316.776

Кочевский А.А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИФРОВОЙ МИР: СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются основные этапы формирования информационного общества. Обращаясь к основным международным документам автор описывает становление информационного общества, его трансформацию в цифровое измерение, влияние информационно-коммуникативных технологий на его развитие. Выделяются основные актуальные проблемы, сопровождающие становление и развитие информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, цифровая экономика.

В 2016 году Клаус Шваб, основатель существующего с 1971 года в Давосе Всемирного экономического форума, а также его президент, объявил о том, что «мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [1]. Тема четвертой промышленной революции (в 2011 году Германия ввела понятие «Индустрия 4.0», использующееся некоторыми сегодня в качестве синонима, но не являющееся таковым) стала главной и на большинстве заседаний форума в следующем, 2017 году.

Стоит напомнить, что началом первой промышленной революции считают вторую половину XVIII века, а толчком к ее началу послужило изобретение парового двигателя (машинное производство). Вторая

промышленная революция проходит в период второй половины XIX – начала XX века, она характеризуется широким применением электричества (переход к конвейерному производству). Третья промышленная революция берет свое начало во второй половине XX века, когда начинается развитие полупроводников, появляются персональные компьютеры, возникает сеть Интернет (автоматизация производства, цифровая революция). По мнению К. Шваба, зарождающаяся четвертая промышленная революция «началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины».

Таким образом, четвертая промышленная революция обуславливается фактически стиранием граней между цифровыми, физическими и биологическими сферами – материальный мир соединяется с виртуальным.

Фактическое формирование с 90-х годов прошлого века информационного (теперь уже в определенной степени «цифрового») общества можно проследить, исследуя международные документы различного рода – хартии, соглашения, программы.

Основные этапы этой хронологии таковы. 22 июля 2000 года Главами государств и правительств «Группы восьми» (G8) принята Окинавская хартия Глобального информационного общества [2]. Хартия провозглашает информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) «одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века». Этот документ является первым документом такого уровня, признающим в качестве основной проблемы (мирового масштаба) проблему преодоления существующих различий в области информации и знаний – цифрового разрыва: «все те развивающиеся страны, которые не успевают за все более высокими темпами развития ИТ, оказываются лишенными возможности в полной мере участвовать в жизни информационного общества и экономике».

Практически сразу после принятия Окинавской хартии, в этом же 2000 году ЮНЕСКО принимает программу «Информация для всех» [3]. В ней так же констатируется (преамбула, п.3), что развитие человечества обуславливается «быстрым прогрессом в области информационных и коммуникационных технологий». Этот документ фактически признает, что помимо цифрового разрыва информационное общество ожидают «проблемы этического характера, требующие принятия во всемирном масштабе моральных обязательств, которые должны находиться в центре внимания международного сообщества». Это, прежде всего, проблемы

доступности информации и защиты интеллектуальных прав, безопасности персональных данных и невмешательства в личную жизнь.

Следующим фундаментальным документом для трансформирующегося в цифровое измерение информационного общества стала Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», которая была принята мировыми лидерами в ходе женевского (первого) этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО) 12 декабря 2003 года [4]. В Декларации говорится об большой роли, которую ИКТ играют в развитии информационного общества. В частности, наиболее существенными с этой точки зрения представляются п. 19: «мы преисполнены решимости, строя информационное общество, обеспечить, чтобы каждый мог воспользоваться возможностями, которые могут предоставить ИКТ. ... для решения этих задач все заинтересованные стороны должны работать сообща над расширением доступа к информационным и коммуникационным инфраструктурам и технологиям», далее п. 35, затрагивающий вопросы безопасности: «упрочение основы для доверия, включая информационную безопасность и безопасность сетей, аутентификацию, защиту неприкосновенности частной жизни и прав потребителей, является предпосылкой становления информационного общества ...» и п. 38, где говорится, что «ИКТ следует применять как важный инструмент надлежащего государственного управления». Кроме этого, впервые констатируется на уровне ООН, что (п. 48) «интернет превратился в общественный ресурс глобального масштаба, и управление его использованием должно стать одним из основных вопросов повестки дня информационного общества», при этом также отмечается, что в управлении использованием интернета есть как техническая сторона, так и сторона государственной политики.

Хочется отметить, что некоторые утверждения Декларации представляются сегодня неоднозначными, а порой даже спорными. Так, основной проблемой, на мой взгляд, является ошибка положений п.9, который говорит что использование ИКТ (при благоприятных условиях) приводит, в том числе, к увеличению количества рабочих мест. К сожалению реалии «Индустрии 4.0», какими мы можем их видеть в некоторых странах сегодня, свидетельствуют об обратном. Наглядным примером является обсуждение сегодня во многих странах идеи введения безусловного базового дохода. Введение такого дохода призвано смягчить последствия технологической революции, связанной с ускоренным развитием робототехники, автоматизации и искусственного интеллекта [5].

С 2005 года проведение Форумов ВВУИО приобретает регулярный

характер. Форум ВВУИО 2018 года, который проводится через 15 лет после первой Встречи на высшем уровне в Женеве, свидетельствует о том, что основы "справедливого и равноправного информационного общества", заложенные в Женевском плане действий в 2003 году, по-прежнему имеют решающее значение для всех заинтересованных сторон ВВУИО [6]. В этом году основная тема Форума – тенденции в области устойчивого развития и инициативы по расширению охвата ИКТ в приоритетных областях ключевых Целей в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Возвращаясь к хронологии, хотелось бы отметить, что в докладе ООН, представленном в июне 2011 года [7,8], право на доступ в интернет впервые называется одним из неотъемлемых прав человека.

В июне 2013 года государства – участники G8 приняли «Хартию открытых данных», предусматривающую публичное раскрытие информации государственных органов в интернете [9]. Присоединиться к ней предложено и странам, не входящим в G8.

В июле 2017 года в Российской Федерации в качестве «новой основы для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества» была названа «цифровая экономика» [10].

На заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам в Ново-Огарёво, Президент РФ Владимир Путин особо отметил: «опираясь на накопленный технологический, интеллектуальный потенциал, нам предстоит реализовать сложный, комплексный проект [по развитию цифровой экономики]. Он беспрецедентен по своему масштабу, значению, влиянию на жизнь страны и каждого конкретного человека». Проект программы «Цифровая экономика РФ» был подготовлен в Минкомсвязи РФ, анонсирован в мае 2017 г. на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге.

В качестве целей создания программы указано «ускорение цифровой трансформации Российской Федерации» [11]. 28 июля 2017 г. Правительство РФ утвердило Программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [12].

Фактически внедрение программы предполагает трансформацию основных сфер жизни общества до 2025 года. Термин «цифровая экономика» трактуется как «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме». Необходимо отметить, что даже единое трактование этого термина в мире на данный момент отсутствует и это – еще одна проблема.

Многие эксперты относятся к цифровой экономике с определенной

долей скепсиса, и с их позицией трудно не согласиться. Так, группа экспертов под руководством Александра Нагорного в докладе Изборскому клубу [13] говорит о том, что многие государства (включая РФ), относятся к стремительному развитию цифровой экономики как к потенциальной угрозе суверенитету и безопасности, в силу этого они стараются получить контроль над использованием цифровых технологий, как минимум в пространстве своих юрисдикций. Многие эксперты Изборского клуба сходятся во мнении, что после финансово-экономического кризиса 2008-2009 годов транснациональные «элиты» пытаются изменить структуру рынка за счёт освоения и капитализации уже не внешних пространств, а внутреннего пространства человека и человеческих сообществ. При этом цифровая экономика преподносится просто как закономерный результат научно-технического прогресса в сфере технологий хранения, передачи и обработки информации. Очевидно, что это еще одна и, возможно, наиболее серьезная в будущем проблема. Ее значимость настолько велика, что заседание Совбеза РФ, прошедшее в июне 2017 года, было посвящено новым рискам, связанным с цифровизацией: «...Сформировались новые угрозы и риски национальной безопасности, связанные с развитием методов обработки больших объемов данных, с интеграцией страны в наднациональную цифровую экономику» [14].

Выводы. На фоне продолжающейся глобализации, которая в цифровом измерении происходит гораздо быстрее, чем в реальной жизни, можно выделить следующие актуальные проблемы, сопровождающие становление, развитие информационного общества и его переход к цифровой экономике. В хронологическом порядке, обусловленном историей развития информационного общества и эволюцией научно-технического прогресса, они таковы: цифровой разрыв, продолжающийся увеличиваться; этические проблемы, связанные с интеллектуальными правами и информационной безопасностью; проблема уменьшения процента ручного труда в ВВП за счет массового внедрения автоматизации и искусственного интеллекта; проблема угроз государственной безопасности, связанных с интеграцией во всемирную цифровую экономику.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 138 с.
2. Окинавская хартия Глобального информационного общества. 22 июля 2000 года. : [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170>

3. Программа «Информация для всех», официальный перевод на русский язык. Издатель: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». Перевод Е. Альтовского, 2005. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/programr.pdf>

4. Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ ООН WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R. 12 декабря 2003 года. : [Электронный ресурс] – URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf

5. Алиса Орлова. Деятельная утопия. Электронное периодическое издание Газета «Коммерсантъ» (15 февраля 2017). : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3219833>

6. Пресс релиз: Заинтересованные стороны в области ИКТ со всего мира проводят в Женеве Форум Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества 2018 года. : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2018-PR06.aspx>

7. ООН признала доступ в интернет базовым правом человека. Электронное периодическое издание «Лента.ру». (7 июня 2017). : [Электронный ресурс] – URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/07/basicright>

8. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. United Nations General Assembly. 16 May 2011. : [Электронный ресурс] – URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf

9. Портал открытых данных Российской Федерации. : [Электронный ресурс] – URL: <http://data.gov.ru/hartiya-otkrytyh-dannyh-gruppy-vosmi>

10. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 5 июля 2017 года. Московская область, Ново-Огарёво. : [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54983>

11. Официальный портал Минкомсвязи России. : [Электронный ресурс] – URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779/>

12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым распоряжением от 28 июля 2017 г. № 1632-р. : [Электронный ресурс] – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

13. Александр Нагорный. «Цифровая экономика» и Россия. Журнал «Изборский клуб» №8, 2017. : [Электронный ресурс] – URL: <https://izborsk-club.ru/14606>

14. В аппарате Совета Безопасности РФ рассмотрены вопросы развития цифровой экономики с точки зрения обеспечения национальной безопасности. 30 июня 2017 г. Официальный сайт Совета Безопасности РФ. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2245/>

Kochevskiy A.A. INFORMATION SOCIETY AND THE DIGITAL WORLD: FORMATION AND PROBLEMS

The main stages of the information society formation are considered. Turning to the main international documents, the author describes the formation of the information society, its transformation into a digital dimension, the influence of information and communication technologies on its development. The main topical problems accompanying the formation and development of the information society are highlighted.

Key words: *information society, information technology, digital economics.*

Кочевский Андрей Александрович – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных систем и информационных технологий, зав. кафедрой информатики и программной инженерии Луганского национального университета имени Владимира Даля.

УДК 94(410) «1946/1991»

Крысенко Д.С.

**ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА
ЭВОЛЮЦИЮ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

Статья посвящена вопросу влияния образа геополитического противника на кристаллизацию и эволюцию национальных идентичностей США и СССР в период Холодной войны второй половины XX века. Внимание сосредоточено на особенностях идеологического воздействия правительств – как на своих граждан, так и на население враждебной стороны. Аргументируется тезис о формировании особой советской общности, продолжившей своё существование после распада СССР в 1991 году.

Ключевые слова: *США, СССР, идентичность, ценности, конфликт.*

«Загадкой вечной буду я себе...» – данные слова, произнесённые

Ф. Шиллером более двухсот лет назад, в новейшее время обрели особую актуальность, поскольку ответ на вопрос «Кто мы?» является не только ключом к пониманию окружающей действительности, но и программой, формирующей картину завтрашнего дня. Именно борьбой таких «картин» была Холодная война, основным оружием которой выступали идеи, а полем – массовое сознание граждан. В советской историографии исследования идеологических аспектов противостояния США и СССР были осуществлены К. Гаджиевым, В. Супруном, Т. Фадеевой, В. Савельевым, С. Поршаковым, К. Алимовым, Ю. Замошкиным, М. Полищуком и С. Овчинниковой [1; 2; 4; 8]. В наши дни учёные сохраняют устойчивый интерес к теме Холодной войны, вместе с тем, вопрос влияния биполярного противостояния на формирование и эволюцию идентичностей противоборствующих сторон (советской и американской) остаётся исследованным не в достаточной мере.

В первую очередь, отметим, что опираемся на определение «национальная идентичность», данное П. Стюартом, который охарактеризовал её как «совокупность ценностей, атрибутов и практик, которые, по мнению жителей страны, характеризуют их и отличают от других [17, р. 22]. Идентичность – это общий ответ на центральные вопросы: «кто мы?», «что нам нравится?», «с кем мы похожи и не похожи?». Идентичность имеет иррациональный характер, что объясняет доминирование эмоциональных аспектов над прагматичными в ходе начала, течения и завершения Холодной войны.

На первый взгляд, вопрос о роли идентичности как факторе Холодной войны является аспектом дискуссии о диалектической зависимости между внутренней и внешней политикой. Большая часть теоретиков дипломатической истории утверждает, что основным определяющим фактором внешней политики государств является их внешняя среда. По самой своей природе идентичность не может быть полностью внутривластным явлением, поскольку она формируется как реакция на внешние обстоятельства. В категориях психологии, сохранение личности требует отделения «Я» от других, т.е. установления внешних границ. Процесс объединения людей в группы (формирование «Мы») приводит к формированию у них общих черт; конфликт же обычно заставляет личность максимально контрастировать с противником. Существует обоюдная связь между взглядом на «иного» и враждебностью по отношению к нему: идентичность создаёт конфликт, а конфликт становится идентичностью. С учётом этого, различия между Соединёнными Штатами и Советским Союзом часто преувеличивались, особенно в начале Холодной войны, когда дифференциация была наиболее

необходимой.

Историю СССР можно понять, лишь параллельно анализируя историю США, поскольку их народы являются примерами гражданских (модернистских) наций, которые родились в ходе промышленных революций (индустриализации). Оба эти народа не вырезали постепенно, а были созданы мгновенно, — благодаря «спущенным сверху» революционерами сверхидеям. Для иллюстрации «американскости» можно привести слова Дж. Картера из его послания к Конгрессу 1978 г., в котором он заявил, что «самим сердцем нашей национальной идентичности является наша твёрдая приверженность идее прав человека» [11]. Данная цитата говорит о том, что в отличие от наций Старого Света, в основе которых лежат материальные «общая кровь и земля», в основе американской нации лежат ценности: демократия; индивидуализм и волонтаризм; оппозиция концентрации власти в руках правительства; вера в Бога, определяющего смысл жизни; вера в то, что их модель (образ жизни) может, должен и в конечном итоге будет принят остальным миром. Отметим, что идея американской исключительности, являясь академической конструкцией, имеет одновременно и глубокие народные корни. Соединённые Штаты Америки были изначально созданы путём отречения от остального мира, что наложило отпечаток на весь ход их истории. Как подчеркнул Т. Пейн: «В наших силах создать мир с нуля» [16]. Многое можно объяснить ещё и тем фактом, что изначально в тринадцати колониях Северной Америки доминировали представители третьего сословия, что, по мнению Э. Иваняна, опосредовало отсутствие в регионе базы для буржуазных революций или сильного социалистического движения [5, с. 138].

Советская самоидентификация также формировалась путём «разрушения старого мира», но была совершенно иной, поскольку строилась вокруг пролетариата на основе идеи классовой борьбы. Ценности, на которых была основана советская идентичность — равенство возможностей, свобода творчества, рационализм и технический прогресс, мир во всём мире. Как подчёркивает С. Коткин: «С момента своего создания Советский Союз утверждал, что он является социалистическим экспериментом, превосходящей альтернативой капитализму и примером для всего мира. Если бы социализм не имел преимуществ перед капитализмом, его существование не могло бы быть оправдано» [15, р. 19]. Итак, советская идентичность, во многом, формировалась именно под влиянием взаимодействия с США, поскольку история СССР представляла собой постоянное соревнование с данным государством, начавшееся в 1920-е гг. (отметим, что на заре своего становления американская идентичность

также формировалась как антиномия, – в противовес Британии, считавшейся тиранией). Советский образ жизни определялся именно через сравнение и как альтернатива американскому: плановая экономика противопоставлялась рыночной, а коллективизм – индивидуализму. Впрочем, характерно то, что и США кристаллизовали свою идентичность путём сравнения с СССР. При этом, если советскими интеллектуалами внимание акцентировалось на экономических категориях, то для американских они были второстепенными.

Выработка формулы ключевого отличия США от СССР претерпела значительную эволюцию, которая отражает развитие самого американского социума. В середине 1950-х гг., помимо добавления фразы «под Богом» («under God») к Клятве верности флагу США, Конгресс заменил «E pluribus unum» в качестве официальный национального девиза на «in God we trust», который был размещён и на бумажных деньгах. Подобные символы (нарушая американскую конституцию, закреплявшую отделение церкви от государства) определяли США как страну верующих – в противоположность официальному советскому атеизму. Подобная «зеркальность» имела общие корни. Идеология американского просвещения родилась в период между Реформацией и промышленной революцией, благодаря чему протестантизм послужил основой дальнейшей индустриализации страны. В случае же СССР (трансформированной Российской империи, не знавшей Реформации), таким «орудием прогресса» оказался атеизм, выступивший общегосударственной «конфессиональной» основой со всеми признаками квазирелигии. Есть все основания считать СССР цивилизацией нового типа, впервые в мировой истории основанной не на религии, а на научном мировоззрении. Именно с учётом того, что являясь в большей мере, чем американская, продуктом интеллектуального творчества, советская идеология (и основанная на ней идентичность), намного опередила своё время, а потому до сих пор остаётся во многом невостребованной, поскольку параллельно с построением индустриального общества, она также закладывала основы общества постиндустриального.

Следующая формулировка ключевого отличия от Советского Союза была выработана в период «золотого тридцатилетия» 1945-1975 гг., в ходе которого было создано количество продукции и услуг, равное по объёму предыдущим 150 годам. Достигнутый уровень экономического благосостояния привёл к значительной индивидуализации американского общества, что было отражено Дж. Кеннеди в лозунге «сила Запада – в разнообразии индивидуальностей», которым «свободный мир» противопоставлялся «коммунистическому рабству» [14]. Советские же интеллектуалы, столкнувшись с данной закономерностью, не смогли

приспособить к ней идеологию, поскольку их идентичность во многом была ориентирована в будущее. Американские же, в большей мере, исходили из того, чем является их общество в настоящий момент. Соответственно, американская сторона была гораздо менее склонна к серьёзным разочарованиям. Кроме того, американская идентичность была гораздо менее осознанной, чем советская. В совокупности, подобная ситуация дала американской политике большую гибкость.

Впрочем, вопреки существенным различиям между американской и советской гуманистическими идеологиями, ключевая причина Холодной войны заключалась в их сходстве. Идентичности двух сверхдержав имели ряд общих аспектов. Во-первых, каждая из них имела универалистскую форму в том смысле, что их характер не был узко этническим. В качестве примера последнего можно привести британский: его носители считают, что ведут особый и чрезвычайно ценный образ жизни, который может многое предложить другим, но при этом, не ожидают, что мир когда-либо станет британским. В этом смысле, ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз подобным образом не мыслили: оба государства были основаны не на национальной принадлежности или мифах крови и общего наследия, а на идеях. США являются классической страной иммигрантов, в которой можно было быть «американцем», лишь исповедуя верные идеи. Для СССР универсализм с самого начала был частью идеологии. В марксизме не было ничего исключительно русского (в свете чего триумф этой доктрины в аграрной стране был полной неожиданностью). Во многом, американский и советский народы являются «братьями-близнецами», и, не являясь простым слагаемым населявших СССР и США этнических групп, представляли из себя целостные данности (исходя из этого, название «советский народ» является характеристикой не политической, а именно национальной) [6, с. 120]. В этом смысле, для СССР и, в меньшей степени, для США, обоснованность основополагающих принципов их идеологии подтверждалась только в том случае, если они могли восторжествовать в других местах мира.

Во-вторых, и Соединённые Штаты, и Советский Союз считали себя носителями прогресса и современности. Поскольку линейный ход истории является реальностью и вопреки неудачам, народы могут следовать общим путём, одинаковой мессианской целью обоих государств было распространение своего варианта европейского гуманизма на остальной мир. Обе идентичности вели борьбу за одну «идеологическую нишу», ресурсом и целью которой было человеческое сознание. Обе стороны были убеждены в обладании монополией на истину.

Очерченная ситуация сформировала злокачественную среду, в

которой были возможны временные соглашения между США и СССР о снижении опасности войны, но глубокое и долгосрочное сотрудничество было исключено. По причине того, что и Соединённые Штаты, и Советский Союз были «рождены» в результате революций, каждое из этих государств было склонно ожидать и приближать преобразование остального мира. В случае СССР, идея классовой борьбы исключала вероятность постепенной эволюции человечества к единству и равенству людей и народов. Международная политика сводилась не к дипломатическому торгу и корректировке интересов, а к вопросу «кто-кого». Впрочем, от войны мир спасён был благодаря ещё одному общему убеждению: каждая из сверхдержав считала, что время на её стороне, и что, если прямого столкновения можно избежать, долгосрочная перспектива принесёт не только выживание, но и победу.

В итоге, международный конфликт мог закончиться лишь только тогда, когда изменились бы фундаментальные убеждения одной из сторон. Не изменил ситуацию даже фактический отказ И. Сталина от идеи мировой революции и роспуск Третьего интернационала [7, с. 134]. Вторую мировую войну США и СССР окончили как единственные сверхдержавы; никакое другое государство не могло угрожать им, но каждый своим потенциалом угрожал другому. Конфликт между ними обрёл форму Холодной войны, поскольку в условиях наличия ядерного оружия, «горячая» война грозила полным уничтожением – как побеждённых, так и победителей. Важнейшим элементом стратегии борьбы против СССР, избранной американским руководством в таких условиях, наряду с экономической войной, была пропагандистская кампания. Целью первой было максимальное снижение уровня жизни населения СССР, а второй – убеждение его в том, что вызвано оно исключительно пагубностью советского строя и коммунистической идеологии.

В полной мере, идеологическое воздействие на население СССР было развёрнуто лишь в период «оттепели» 1960-х гг., когда в страну всё в большей мере стала проникать голливудская кинопродукция, а благодаря ставшим общедоступными коротковолновым радиоприёмникам, «радиоголоса» смогли имплантировать отрицательные эмоциональные реакции на категории «советский» и «коммунизм».

Параллельно, внутри США осуществлялось конструирование негативного образа СССР – для того, чтобы граждане, сравнивая с ним собственное государство, могли гордиться и ощущать собственное моральное превосходство [9, с. 9]. Под влиянием непрерывной антисоветской и антикоммунистической пропаганды американский патриотизм, независимо от формы выражения (как непоколебимая любовь

к родине или как иррациональная убежденность в её мировом первенстве), мог трансформироваться исключительно в откровенно враждебное отношение «истинных американских патриотов к Советскому Союзу, к русским» [13, р. 24]. Как следствие, гипертрофированное чувство собственного превосходства, оформившееся в концепцию «американской исключительности», имело своим следствием неадекватное восприятие окружающего мира [10, с. 130]. Впрочем, как подчёркивает Л. Гудков, «было бы сильным упрощением... считать, что активизация роли врага в общественном мнении является результатом навязанной пропаганды... Никакая пропаганда не может быть эффективной, если она не опирается на определённые ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, стереотипам понимания того, что происходит, такого рода мифологическим структурам» [3, с. 15-16]. В этом смысле очевидно, что «образ врага» полностью накладывался на ментальные особенности американцев. Дело даже не в том, что коммунистическая идеология вступала в диссонанс с традиционными американскими ценностями, а в том, что угроза этим ценностям со стороны СССР пугала обывателей больше, чем война с ним. В частности, когда респондентам было предложено из двух утверждений выбрать одно, близкое к их собственной мысли – беспокоит ли их военная угроза со стороны Советского Союза или их больше тревожит «угроза их взглядам и ценностям – свободе, демократии, религии и предпринимательству», только 26% опрошенных отметили военную опасность, в то время как 69% выбрали угрозу собственным взглядам и ценностям. На массовом уровне внешнеполитические проблемы традиционно воспринимаются в Соединённых Штатах сквозь призму морали. Свойственное американцам акцентирование нравственного начала, часто принимающего форму морализаторства, особенно во внешней политике, умело используется создателями политики для обеспечения её поддержки.

Характеризуя специфику взаимного восприятия Советского Союза и Соединённых Штатов, отметим, что их соперничество продуцировало чёрно-белый взгляд на мир, в котором каждый для другого был «врагом номер один». Позиционирование определялось лозунгами «борьбы трудящихся против капиталистического угнетения» и «сдерживания коммунизма на планете»; представление о тотальной инаковости врага одновременно формировало собственный идеализированный образ. Итак, советский враг, прежде всего, был социально-психологическим конструктом, имидж которого определялся не только его реальными качествами, но и функциями, базирующимися на чувстве опасности. Образ врага представлял собой прочную идеологему, с помощью которой

политическая элита, не расходуя значительных ресурсов, решала сразу несколько стратегических задач, прежде всего – укрепление собственной власти и преодоление внутренней оппозиции. Эффективно сформированный и дегуманизированный образ врага должен был вызвать убежденность в моральной правоте «нас» и неправоте «них»; за счёт чёткого отделения «чужих» от «своих» поддерживалась американская идентичность и укреплялся внутренний порядок; обосновывалось преимущество (военное, нравственное, эстетическое) западной системы. Указанные функции советского образа обусловили его свойства, отношение к которым должно было быть однозначным: гнев, отвращение и безжалостность. С другой стороны, враг должен был быть изображён достаточно слабым и комичным, чтобы «своих» не покидала уверенность в неизбежности победы. Основываясь на этом, рядовые американцы практически всегда высказывали своё положительное отношение к действиям, направленным на предотвращение распространения «коммунистической угрозы» в мире. Напомним, что борьба «добра» со «злом» изображалась как соперничество двух общественно-политических систем – капиталистической и социалистической, которые и олицетворяли собой Соединённые Штаты и Советский Союз. В результате, «для многих... понятие “русская (советская) угроза” стало таким страшным, что для них вопрос заключается уже не в том, нападут ли русские, а в том, когда это произойдёт», – подчеркнули в 1983 г. авторы работы «Русская угроза. Её мифы и реальность» [12, р. 11]. Примечательно, что советскость фактически отождествлялась американцами с русскостью, а коммунизм портретировался как идеология, русская по самой своей сути.

Итак, антикоммунизм представлял собой одну из составляющих общенационального консенсуса в американском обществе в течение всего периода Холодной войны. Подчеркнём, что наряду с её началом, решающую роль ментальные факторы сыграли и в её окончании. В качестве причин развала СССР авторы чаще всего указывают его экономическую несостоятельность, предательство высшего руководства и враждебные действия США. Кратко отметим, что ни одно из объяснений убедительными не являются. Характеризуя экономическое положение СССР в конце 1980-х гг., приведём тезис М. Тэтчер, высказанный ею во время выступления в Хьюстонском институте нефти: «Советский Союз в 1980-е годы не был военной угрозой Западу, поскольку Запад располагал военным ответом, а вот экономическую угрозу в 1980-е годы он представлял и очень серьёзную, и тем более серьёзную, что именно в эти годы США испытывали огромные трудности» [18]. В какой мере его распад был следствием действий США? Соответственно, снижение

мировых цен на энергоносители, гонка вооружений и даже приход к власти младореформаторов не могли оказать значительного влияния на положение в СССР, поскольку в отличие от «банановых республик» Центральной Америки, внешняя и внутренняя политики столь крупного государства является слагаемой большего числа факторов. В этом свете примечательно, что на рубеже 1980-х – 1990-х гг. демонстраций («Советской весны») и выраженной оппозиции действиям команды М. Горбачёва не наблюдалось.

Выводы. Таким образом, значительную роль в распаде СССР сыграл архетип светлого будущего, согласно которому прогрессивный характер имеют любые изменения. Более фундаментальные уровни массового сознания вытеснили более верхние. Советское сознание было разрушено советским же сознанием, эрозия которого началась задолго до начала «перестройки». В случае же США, образ СССР как «врага» оказался устойчивым стереотипом, продолжающим определять общую структуру массового сознания американцев и в наши дни.

Литература

1. Алимов К.З. Идеологические установки внешней политики США и международное право / Кадыр Захидович Алимов. – Ташкент: Фан, 1988. – 277 с.
2. Гаджиев К.С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии / Камалудин Серажуудинович Гаджиев. – М.: Наука, 1982. – 333 с.
3. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Лев Гудков // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с. – С. 7-79.
4. Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке: опыт анализа ценностных и политических ориентаций / Юрий Александрович Замошкин. – М.: Мысль, 1980. – 249 с.
5. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Дрофа, 2008. – 571 с.
6. Муза Д.Е. К проблеме имперского статуса США (кон. XX в.) / Дмитрий Евгеньевич // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 2 (56). – С. 118-124.
7. Порцель А.К. История международных отношений и внешней политики России (1918-2000 гг.) / А. К. Порцель. – Мурманск: МГТУ, 2010. – 260 с.
8. Поршаков С.А. Идеино-политическая эволюция республиканской партии / Сергей Алексеевич Поршаков // Проблемы американистики. –

№ 6: Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология. – М.: МГУ, 1988. – С. 136-137.

9. Ситникова Е.Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США: 1945–1952 гг.: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Елена Леонидовна Ситникова. – Курск, 2007. – 199 с.

10. Филитов А.М. «Образ врага»: роль мисперцепции в формировании менталитета политики «холодной войны» / А.М. Филитов // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений: по матер. междунар. конф. 21–23 ноября 1989 г. – М.: Наука, 1992. – 312 с. – С. 125-141.

11. Carter J. The State of the Union Annual Message to the Congress / Jimmy Carter. January 19, 1978 // The American Presidency Project. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=30867>.

12. Garrison J. The Russian threat. Its myths and realities / Jim Garrison, Pyare Shivpuri. – London: Gateway Books, 1983. – 344 p.

13. Hurwitz J. Public images of the Soviet Union: the impact of foreign policy attitudes / Jon Hurwitz, Mark Peffley // Journal of Politics. – № 52. – February. – 1990. – P. 3-28.

14. Kennedy J. Annual Message to the Congress on the State of the Union / John Kennedy. January 14, 1963 // The American Presidency Project. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=9138>.

15. Kotkin S. Armageddon averted: the Soviet collapse, 1970–2000 / Stephen Kotkin. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 288 p.

16. Nichols J.A year to begin the world over again / John Nichols : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.thenation.com/article/year-begin-world-over-again>.

17. The Cambridge History of Cold War. – Vol. 2 / Ed. by M. P. Lefler, O. A. Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 570 p.

18. Wald M. An anxious oil industry meets / Matthew Wald : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.nytimes.com/1991/11/18/business/an-anxious-oil-industry-meets.html>.

Krysenko D.S. THE PROBLEM OF THE COLD WAR INFLUENCE OVER EVOLUTION OF SOVIET AND AMERICAN IDENTITY

The article is devoted to the issue of the influence of the geopolitical enemy's image on the crystallization and evolution of the national identity of the USA and the USSR during the Cold War period. The main attention is paid on

the peculiarities of ideological work of governments, both with their citizens, and with the population of the hostile side. The thesis about the formation of a special Soviet community, which continued its existence after the collapse of the USSR in 1991, is argued.

Key words: USA, USSR, identity, values, conflict.

Крысенко Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

УДК 316.472.4: 316.776+316.6

Юкович Л.Ф., Захаркив М.Р., Катюряева Н.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ПОЛОМ

Виртуальное общение прочно укоренилось как практика социального взаимодействия. Одним из распространенных способов установления межличностных отношений между полами являются социальные сети. Рассматриваются некоторые психологические особенности процесса информационного обмена в процессе виртуального общения. Акцентируется внимание на возможность искажения передачи и восприятия информации в виртуальном пространстве. Обозначается проблема «квазиобщения».

Ключевые слова: социальные сети, общение, социум, гендерное взаимодействие, цифровое общение, виртуальное пространство, потребности, коммуникация, профиль, киберпсихология, «эффект растормаживания в сети», квазиобщение.

Социальное взаимодействие и общение является одной из основных сфер деятельности человека. Взаимодействие осуществляется повседневно на различных уровнях, в различных социальных системах, различными способами. Общение между людьми это базисная составляющая существования социума.

Общение между людьми осуществляется вербальным и невербальными способами. Иными словами, с использованием языковых средств (речь, естественные и искусственные языки) и без использования таковых [9]. Однако, эра информатизации приносит свои существенные коррективы в процесс взаимодействия между людьми, и, в первую очередь,

на общение между людьми.

Взаимодействие между людьми с использованием информационных средств имеет одну яркую особенность – отсутствие прямого контакта между участниками диалога, точнее, контакт осуществляется при посредничестве цифровых технологий, что, естественно, искажает возможность восприятия и интерпретации информации, и ставит под сомнение объективность полученной нами информации, поскольку информация проходит еще через одну «призму». К «идолам» Ф. Бэкона добавляется еще один – оцифровывание общения.

Учитывая тот факт, что информационные технологии – это реальность сегодняшнего дня и в обозримом будущем информатизация общества будет развиваться на качественном и количественном уровнях, актуальность изучения тех многообразных аспектов человеческого взаимодействия, которые осуществляются через «призму» оцифровывания, переоценить чрезвычайно трудно, а недооценить – ошибочно. Поэтому нам представляется необходимым рассмотреть такую сферу информационного взаимодействия между людьми как социальные сети, и, непосредственно, аспект гендерного взаимодействия в социальных сетях.

Как уже отмечалось, значительная часть человеческого общения происходит невербальными методами. Так, язык нашего тела, по сравнению с другими вербальными (речевыми) средствами общения, является уникальным. Именно он несет от 60 до 80 процентов передаваемой собеседнику информации. Если мы желаем быть уверенными, что точно поняли человека, мы должны соединить в одну общую картину информацию от тела и словесные выражения.

В реальной жизни, в процессе непосредственного контакта, проще распознать чувства, эмоции и впечатления человека за счет присутствия языка тела. В невербальном общении существует понятие ментального контакта, которое выражается в непроизвольном копировании жестов друг друга или всего поведения. Друг другу посылается сигнал: «Я тебя прекрасно понимаю». И действительно, если бросить взгляд на мирно беседующую пару, увидим схожие позы, одинаковое расположение рук вплоть до зеркальности. Если понаблюдать за походкой счастливого влюбленного человека, отметим летящую походку, которая сильно бросается в глаза. Она также характерна для уверенных в себе, энергичных людей. Создается впечатление, что все проблемы им нипочем.

Мы считываем сексуальные жесты. Когда мужчине нравится какая-то женщина, он демонстрирует определенные знаки, выражая их языком тела. Такими знаками, например, могут являться большие пальцы, заткнутые за ремень, расположение рук на бедрах или широко

расставленные ноги. Взгляд на женщину, как правило, интимный, и может надолго задержаться на избранных частях тела. Мужчина может непроизвольно поправлять рукой галстук или воротник.

Если женщина стремится заинтересовать, она бессознательно скидывает голову, поправляет прическу, расправляет кофточку. Если женщина демонстрирует интимный взгляд в совокупности со случайно соскользнувшей бретелькой на плече, полуодетой туфелькой на скрещенной ноге, мужчина поймет без затруднения, что в ее желании начать флирт. Более тонкое искусство обольщения с помощью средств невербального общения – приоткрытый рот и влажные губы относятся к типичному сексуальному призыву.

Социальные сети исключают возможность использования языка тела при общении, но, несмотря на это они пользуются популярностью как средство общения с противоположным полом.

Любовь по переписке. О ней уже написаны книги и сняты фильмы. А статистика обращений к психологам говорит о том, что проблемы виртуальных отношений все чаще и больше волнуют наших современников. Можно ли оценивать такие отношения привычными критериями? Есть ли здесь особенности, требующие специального анализа? [8]

Далеко не все люди способны влюбиться виртуально. К счастью, для большинства эта новая реальность никогда не заменит настоящее. Если же влюбленности реальной человек предпочел любовь виртуальную, налицо наличие некоторой дисгармонии в жизни. Другое дело, когда человек осознанно обращается к социальным сетям как к способу поиска второй половинки для реальной жизни.

Колоссальная и быстро охватившая весь мир популярность социальных сетей в их современном виде связана с наличием глубинных потребностей человека, которые можно удовлетворить теми или иными средствами. Потребность первична, а инструмент ее удовлетворения вторичен, он может быть разным и технически совершенствоваться со временем. Описанная американским психологом Абрахамом Маслоу в 1954 г., в книге «Мотивация и личность», пирамида потребностей, подтверждает значимость для индивида потребности в принадлежности и любви [10].

Цель личности в своих повседневных практиках – максимально удовлетворить существующие потребности наименее физически и психологически затратным путем, достичь ситуативных или стратегических целей. Социальные сети – один из инструментов, с помощью которых можно это сделать.

В современном обществе личность, ее права и потребности являются

основным элементом социальной структуры. Индивидуальные потребности становятся важнее коллективных.

Социальные сети очень четко отражают этот изменившийся принцип расстановки приоритетов. Любой социально-сетевой ресурс Всемирной сети вне зависимости от его направленности имеет в своей основе одну и ту же структуру, в центре которой находится конкретный пользователь, окруженный «облаком» контактов и интересов. Эти поля могут пересекаться и приводить к образованию более или менее крупных и устойчивых сообществ [2].

Еще одной характерной особенностью «оцифрованного» взаимодействия в современном социуме является культ публичности. Платформа социальных сетей отлично подходит для демонстрации как стартовых установок, так и достигнутых результатов [2].

Современные реалии проявляются в том, что человек в процессе жизни вовлечен во множество социальных связей, и у него фактически потеряна сфера приватного. Окончание школы, вуза, служба в армии, свадьба, поездки на отдых, семейные праздники, знакомство с известными людьми и т. д. Мы выставляем на всеобщее обозрение личную историю успеха. Интересным представляется то, что в данном контексте, для человека крайне важным становится показать яркую индивидуальность, выглядеть «творческой и успешной личностью», при этом, зачастую, искажая реальную действительность. В наше время любой минимальный творческий акт мгновенно входит в зачет «личных достижений». Фотографии на фоне чужого дома, чужой машины, в роскошных интерьерах ресторана или отеля с целью повышения своего статуса в глазах друзей и подписчиков. Недостатки внешности и возрастные изменения маскируются с помощью специальных компьютерных программ, «лишние килограммы» скрываются с помощью удачной позы. Некоторые пользователи даже размещают вместо собственных фотографий снимки людей с более привлекательной внешностью, желая тем самым привлечь больше «друзей» противоположного пола. Можно сказать, что аккаунт в социальной сети для многих является способом «выдать желаемое за действительное».

Личная страница в социальной сети является доступной возможностью заявить о себе перед лицом неограниченной невидимой аудитории. Для большинства людей такая возможность публичной презентации является чуть ли не единственной.

Сегодня принадлежность к определенной онлайн-социальной сети играет роль одного из социальных маркеров [2].

Страничка в социальной сети – наша визитная карточка.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения об использовании россиянами социальных сетей – 45% опрошенных старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62% – хотя бы раз в неделю [1].

Максимальный уровень вовлеченности ожидаемо оказался среди молодежи – в группе 18-24 года почти ежедневно пользуются социальными сетями 91%, среди опрошенных 25-34 лет таких 69% (в группе старше 60 лет – только 15%) [1].

Наиболее массовый охват в России имеет сеть «ВКонтакте» – о ее ежедневном посещении сказали 28%, второе место занимают «Одноклассники» (19%), третье – Instagram (14%). Доля ежедневной аудитории Google+ составила 7%, по 4% набрали Facebook и «Мой Мир», по 1% у Twitter и «Живого журнала».

«ВКонтакте» и Instagram оказались наиболее «молодежными» площадками. Наибольшая доля аудитории пользователей ВКонтакте – 40% – приходится на людей в возрасте 25-34 лет. Среди пользователей Instagram 38% – в возрасте 18-24 лет, 37% – в возрасте 25-34 года. Среди ежедневной аудитории «Одноклассников» самая распространенная группа – также 25-34 года (28%). При этом распределение аудитории «Одноклассников» по возрасту – наиболее близкое среди всех социальных сетей к общему распределению интернет-аудитории в России. В социальных сетях Facebook и «Мой Мир» преобладает более взрослая аудитория. Среди аудитории Facebook больше всего людей в возрасте от 35 до 44 лет (28%) и от 45 до 59 (26%), ядро аудитории «Мой Мир» – 45-59 лет (39%) [1].

Для большинства людей мир социальных сетей ограничивается той сетью или сетями, в которых они зарегистрированы.

Кроме того, почти три четверти опрошенных отметили, что пользуются мессенджерами: 62% отправляли хотя бы одно сообщение за сутки накануне опроса. Лидируют WhatsApp (44%), мессенджер «ВКонтакте» (32%), SMS (32%) и Viber (30%). Выбор программы для обмена короткими сообщениями также тесно связан с возрастом – среди опрошенных старше 60 лет чаще всего используются SMS (43%), а в группе 18-24 года – мессенджер «ВКонтакте» (69%) [1].

Особенностью российского сегмента социальных сетей является то, что для большинства россиян социальные сети, скорее всего, связаны с реальной средой общения, являются инструментом поддержания этих контактов, а не самостоятельной коммуникативной средой. Другими словами, российские пользователи в большей степени предпочитают видеть в «друзьях» тех, кого они действительно знают и с кем есть хотя бы какие-то отношения в реальности [2]. Зачастую страница для друзей похожа на

разговор с этими друзьями вживую.

Коммуникация в онлайнowych социальных сетях является дистанционной и осуществляется преимущественно с помощью текстовых сообщений, сопровождаемых визуальными «вставками», что сокращает возможность комплексной оценки поступающей информации, возможной в ситуации личного общения.

Для пользователей социальных сетей характерна ориентация на избегание реальных действий, которая выражается в замене их действиями виртуальными. Это в первую очередь связано с преобладанием ситуативных моделей поведения у ее членов. Если представитель традиционного общества говорит «я тебя убью», то, скорее всего, за этим стоит конкретное намерение и готовность претворить его в жизнь. Если же такую фразу один пользователь онлайнowej социальной сети адресует другому, то велика вероятность, что это не будет иметь никаких последствий. То же самое касается и виртуальных отношений с противоположным полом. Зачастую пользователь сети не переходит от слов к делу. А довольствуется лишь мнимым романом, поднимающим самооценку, дающим чувство быть желанным и значимым для кого-то. Эмоциональное подкрепление, выражающееся в восторженных комментариях для многих людей крайне необходимо, оно помогает поддерживать степень удовлетворенности своей жизнью на достаточном уровне, особенно при наличии внутренних сомнений в чем-то.

Наверное, каждый зарегистрированный пользователь той или иной социальной сети хотя бы раз в жизни переписывался с представителем противоположного пола, при этом ни разу не видя его вживую. Да, зачастую такие переписки заканчиваются абсолютно ничем. Рано или поздно темы для разговора исчерпываются, и тогда наступает неловкое молчание. А для личной встречи возникают различные препятствия, в том числе и психологического плана – вдруг вы ему не понравитесь или он вам? Фотографии – это дело одно, а вот живой человек, его манеры, повадки – совершенно другое. Но бывает и иначе. В случае удачного свидания вслепую после переписки образуется крепкая пара. Огромной количество статей в периодической печати написано о свадьбах, участниках которых познакомились в сети. Так что же это – виртуальная любовь – миф или реальность? Виртуальная любовь имеет место быть в нашей жизни, но подвластна она далеко не каждому. Это сложно – заинтересовать человека не своим внешним видом, а богатым внутренним миром, развитым интеллектом, юмором... Именно поэтому виртуальная любовь – это что-то наподобие дружбы. И переход от дружбы в сети в реальность – вот здесь начинаются проблемы. Участник переписки понимает, что пора бы уже

встретиться с этим самым необыкновенным, понимающим, бесконечно интересным человеком, но страх сильнее. Страх разочарования, как со своей стороны, так и со стороны собеседника. Именно поэтому виртуальная любовь – далеко не для всех. Прежде чем найдется «тот самый», предстоит пообщаться с людьми, которые не будут подходить ни под один критерий [7].

Социальные сети отличаются добровольностью контактов – пользователь по собственной воле завязывает всевозможные контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент [4].

О счастье и богатстве не говорят. То, каким образом сконструирован профиль пользователя социальной сети, очень хорошо показывает, какие ценности и ориентиры являются значимыми для его владельца, к чему стремится. Если страница является реальной, а не специально сконструированной для каких-то прагматических целей, то на ней можно почерпнуть много важной информации о человеке и использовать ее для составления психологического портрета.

К слову, не нужно иметь психологическое образование, чтобы заметить зависимость или нарциссизм, увидев на странице бесконечное количество селфи.

Если человек по своей природе хоть немного склонен к наблюдению и способен делать выводы, то благодаря анализу страницы собеседника в сети, он с легкостью сможет сделать для себя набросок характеристик личности. Но при этом, стоит помнить, что социальные сети, как часть «оцифрованного» мира, искажают восприятие человеком реальности. И не всегда то, что выставляет напоказ человек, соответствует реальному положению дел в его жизни. Своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации заключается в сильном влиянии на представление о собеседнике механизмов стереотипизации и идентификации, а также установках желаемых качеств в партнере [4].

Социальные сети оказали радикальное влияние на процесс завязывания отношений и способы проявления чувств. Знакомства и флирт приобрели совершенно новые формы. «Он поставил мне лайк! Мы однозначно поженемся!» – скорее всего на данный момент не осталось девушек, которые именно таким образом воспринимают инициативу со стороны мужчины в сети. Но при этом каждый из участников понимает, что первый «лайк» может стать средством проявления симпатии, дать толчок отношениям [6].

С течением времени, меняются способы привлечения внимания к своей персоне в социальной сети. Многочисленные цитаты мудрецов, философов:

когда-то это было модно, но сейчас 9 из 10 мужчин усмехнутся при виде цитаты Ницше под фото с вечеринки.

Психологи, социологи делают акцент на «социальных болезнях» интернет-коммуникации. Рассматриваются проблемы интернет-зависимости, идентичности личности – появляется возможность создать несколько идентичностей, образов или даже сменить пол, изменения языка общения в социальных сетях и появление интернет-сленга [5].

Затрудненность эмоционального компонента общения компенсируется эмоциональным наполнением текста, которое выражается в создании специальных значков (смайликов, картинок, стикеров) для обозначения эмоций. При этом молодые люди, которые излишне эмоциональны в жизни, могут не отдавать своё предпочтение смайликам и стикерам по разным причинам и высказывать свои мысли сплошным текстом. В то же время, другой собеседник может не так понять своего интернет-друга – либо он сердится на что-то, либо у него нет настроения, либо просто не хочет с вами общаться. Тем самым возникает почва для конфликтных ситуаций [4].

Главная отличительная черта общения в социальных сетях: интернет-пользователи чувствуют себя открыто и расслабленно, могут сообщить личную информацию о себе, проявляют скрытые эмоции, страхи, желания, а также агрессию, грубость, нетерпимость. Такое состояние Дж. Сулер называет «эффектом растормаживания в сети» [11]. Растормаживание бывает токсическим, когда используются темы девиантного характера: порнография, насилие, суицид. «Эффект растормаживания» характерен для интернет-общения вследствие асинхронности, анонимности и минимизации власти [5].

Электронный роман стал обычным делом. Специалистов в области психологии тревожит тенденция к затворничеству, которая наблюдается все чаще и чаще, когда иллюзия интенсивного общения в сети повергает интернет-пользователей в состояние хронического одиночества. Многие современные люди пассивны, в том числе и физически, поэтому отказываются от прогулок и выходов в свет ради переписки с другими такими же сидельцами [3].

Активным приверженцам сетевого общения кажется, будто Всемирная паутина предоставляет неограниченные возможности для завязывания новых знакомств. И с точки зрения экстерриториального характера общения в социальных сетях это именно так. Даже в той сети, которая имеет преимущественное распространение в одной или нескольких странах, могут беспрепятственно участвовать пользователи из других государств, в то время как реальный круг личных контактов большинства людей обычно ограничен социальным окружением, сложившимся по месту проживания и работы. Социальные сети, действующие в онлайн-пространстве, создают больше условий для международного общения, а также для взаимодействия жителей

разных регионов одной страны.

Но еще раз стоит упомянуть, что они не предполагают доверия, поскольку пользователь может сказать о себе что угодно, и редко пользователи социальных сетей ориентированы на последующий перевод отношений в реальность – в мир с возможностью тактильных движений (объятия, рукопожатия, похлопывания по плечу, прикосновения, поцелуи), таких важных для полноценной жизни. Физическое отсутствие участников коммуникации в акте общения приводит к тому, что чувства можно не только выражать, но и скрывать, равно, как и можно выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает [4].

Сеть не способна дать всю гамму чувств, которая необходима человеку для нормального психического функционирования. Следовательно, в ближайшем будущем произойдет усиление одних чувств, с параллельным отмиранием других. Именно совокупность новых чувств может повлиять на крупные демографические и экономические изменения в обществе [4].

Тем не менее, близкие эмоциональные контакты в сети не только возможны, но и довольно распространены. Жизнь человека благодаря присутствию в его жизни социальных сетей становится эмоционально насыщеннее, участниками виртуальных коммуникаций, особенно молодежью приобретает жизненный опыт. Причем этот опыт усваивается в концентрированном виде, приобретение же подобного опыта в реальной жизни сопряжено с большими, нежели в виртуальности, сложностями. Многие участники виртуальных коммуникаций отмечают, что опыт, приобретенный в сети, в частности, опыт общения с противоположным полом, оказался им очень полезным в реальной жизни [4].

В самих социальных сетях организовано огромное количество сообществ, посвященных отношениям и непосредственно тому, как обзавестись второй половинкой благодаря Всемирной сети. К примеру, сеть «ВКонтакте» – вбив в поисковой строке «отношения» мы получим более девяти с половиной тысяч сообществ, и это не просто странички с картинками, это бесконечное количество различной информации, советов, историй, мастер-классов, тренингов и семинаров, а иногда и консультаций профессионалов в определенной сфере. В подтверждение рассмотрим случайным образом выбранную группу «Психология отношений», 6206092 участника. Помимо полезных ссылок, видео и аудио материалов по тематике группы мы получаем доступ к текстовым материалам: Почему мужчины избегают ответственности и брака; Умение прощать...; Психология мужчин в отношениях; Цель в жизни и многие другие. Истории любви известных личностей (как пример – Иван Тургенев и Полина Виардо, Карло Понти и Софи Лорен, Виктор Гюго и Джульетта Друэ, Генрих II Французский и Диана де Пуатье, Эрнст Бирон и

Анна Иоанновна, Карл VII Французский и Агнесса Сорель, Анна Ахматова и Модильяни) – создатели группы знакомят участников с биографиями исторических личностей и выдающихся современников. И самая главная привлекательная особенность группы – консультации профессионального психолога. Все вышеперечисленное в одном месте. Это удобно. Удобство – вот главная черта общения в социальных сетях. Выстроить отношения с противоположным полом помогает сама социальная сеть, подсказывая как правильно действовать, как избежать ошибок, используя опыт поколений.

Для значительной части молодых людей, особенно для людей с ограниченными возможностями здоровья виртуальные отношения являются едва ли не единственной возможностью действовать в социуме на равных с другими и иметь нормальный круг общения. В виртуальности наладить близкие отношения с человеком, безусловно, легче, чем в реальности. И для определенной части пользователей эта легкость делает виртуальность притягательней реальности – дружба и любовь в виртуальности требуют от человека несравненно меньших моральных и материальных затрат и ответственности, чем в реальной жизни. И хотя виртуальные отношения не дают многого, что могут дать реальные, тем не менее, наличие виртуального поклонника, по нашему мнению, является плюсом. Первый «лайк» всегда может перерасти во что-то большее.

Подводя итоги, отметим, что вне всяких сомнений, информационное пространство и социальные сети, его объединяющие, являются удобным коммуникативным средством, которое используется в современном мире. Социальные сети предоставляют возможность расширения спектра общения и взаимодействия между людьми. Также, социальные сети и интернет пространство наделяют общение и взаимодействие между людьми свойством трансграничности. Однако, рассмотренные нами социально-психологические особенности общения между полами в социальных сетях, показали, что общение виртуальное оказывает влияние на интерпретацию языка и знаков, делает возможным искажение, как сознательное, так и неосознанное, передаваемой информации. Такие явления затрудняют взаимодействие между людьми и подменяют его квазиобщением, что приводит к построению иллюзорной и необъективной картины. Необходимо, чтобы население Земли понимало – социальные сети не отменяют и не заменяют иных форм взаимодействия между людьми, а только дополняют их новыми возможностями.

Литература

1. Информационный портал TAdviser. Государство. Бизнес. ИТ., Социальные сети (рынок России), 2018 г., : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.tadviser.ru/>; <https://clck.ru/DK9Xu> (дата обращения: 01.04.2018).
2. Филь М.С. Социальные Сети. Новые Технологии Управления Миром, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016 г. : [Электронный ресурс]: (дата обращения: 07.04.2018).
3. Информационное агентство «ПРАВДА.Ру» : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.pravda.ru/society/family/life/> (дата обращения: 01.04.2018).
4. Моисеенко А.И. Проблемы общения молодёжи в сети интернет, материалы XIV Международной конференции молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии». Пермь, 2011г.
5. Красова Е., Неугодникова О. Социальные сети как способ коммуникации в студенческой среде, Научно-культурологический журнал RELGA, (№12 [285] 20.10.2014) : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.relga.ru/> (дата обращения: 01.04.2018).
6. Любовь и социальные сети, Электронный журнал «Психология» 2018г., : [Электронный ресурс] – URL: <http://zen.yandex.ru/media/energy/>
7. Любовь в социальных сетях, Портал Xvatit.com : [Электронный ресурс]: (дата обращения: 01.04.2018).
8. Любовь по переписке. Это нормально? : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.tele.ru/> (дата обращения: 01.04.2018).
9. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009. – : [Электронный ресурс] – URL: <http://go-url.ru/j8e3/> (дата обращения: 01.04.2018).
10. Абрахам Маслоу. Мотивация и личность. Пер. А.М.Татлыбаевой. – К.PSYLIB, 2004. : [Электронный ресурс] – URL: <http://psylib.org.ua/books/masla01/> (дата обращения: 01.04.2018)/
11. Сулер Дж. Психоаналитическая киберпсихология. Пер.: Щепилина Е.А. : [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/DKVkR> (дата обращения: 01.04.2018).

Yukovich L.F., Zakharkiv M.R., Katyuryaeva N.A. SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF COMMUNICATING WITH THE OPPOSITE GENDER

Virtual communication is well established as a practice of social interaction. One of the most common ways to establish interpersonal relations

between the sexes are social networks. Some psychological features of the information exchange process in the process of virtual communication are considered. The attention is focused on the possibility of distortion of transmission and perception of information in virtual space. The problem of «quasi-communication» is indicated.

Key words: *social networks, communication, society, gender interaction, digital communication, virtual space, needs, communication, profile, cyber psychology, «online disinhibition effect», quasi-communication.*

Захаркив Максим Романович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань, РФ).

Юкович Людмила Федоровна – старший преподаватель кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань, РФ).

Катюряева Надежда Артуровна – студентка кафедры «Государственное и муниципальное управление» Частного образовательного учреждения высшего образования «Региональный институт бизнеса и управления» (г. Рязань, РФ).

УДК 304.9

Ширманова М.Ю.

ЦИФРОВОЙ МИР: МАТРИЦА И ЖИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье проводится анализ логики организации и основных духовно-психологических аспектов жизнедеятельности цифрового общества, исследуются возможные антропологические последствия применения информационно-цифровых технологий его организации и управления.

Ключевые слова: *цифровое общество, цифровой фетишизм, матрица цифрового мира, машиносообразность мышления.*

В результате обнаружения пределов роста современного капиталистического общества выяснилось, что становится более невозможным дальнейшее получение растущей прибыли за счёт

безграничного использования природных ресурсов и безудержного кредитованного потребления бесконтрольно увеличивающегося населения, которое, таким образом, уже не может быть источником получения растущей прибыли.

Кризис современного капитализма и его хозяйственно-экономической системы очевиден. Это порождает потребность в новом хозяйственном укладе с новой системой организации производства, распределения и потребления продуктов жизнеобеспечения общества. Организация этого нового хозяйственного уклада – новой системы общественного производства, управления, социального контроля и распределения может быть обеспечена при помощи возможностей информационно-цифровых технологий, технический уровень развития которых в ходе четвёртой технологической революции достиг уровня требований к решению традиционных и вновь возникающих проблем общественного развития.

К новым информационно-цифровым технологиям относятся, в первую очередь, интернет, машинный (искусственный) интеллект, расширенные автоматизацию и роботизацию, технологии накопления, сверхскоростной обработки, анализа и передачи больших объемов данных, создание высокотехнологичных цифровых платформ, применение облачных технологий, конструирование и контроль виртуальной реальности.

Эти новые технологии делают возможным создание и применение систем электронной информационно-цифровой организации, управления и контроля производственно-распределительной и образовательной среды, введение балльно-рейтинговых систем учёта и контроля жизнедеятельности и её результатов, создание электронных систем банковско-финансовых безналичных расчётов (электронные деньги), прозрачных для контроля и управления, организацию электронно-цифровых систем сетевого управления и обеспечения безопасности: электронных баз данных, электронно-биометрической идентификации, радиолокационных станций и систем видеонаблюдения, создание социальных матричных систем.

В результате информационной технологической революции на смену обществу потребления идёт цифровое общество – социальная система, жизнедеятельность, экономика которой основана на электронно-цифровых технологиях организации производства, распределения и потребления жизнеобеспечивающих благ. Всё это создаёт условия и открывает возможности для постоянного отслеживания, неограниченного контроля и цифрового учёта жизнедеятельности людей в обществе.

Цифровое общество – это понятие для выражения способа организации жизнедеятельности социальных систем, в котором управление обществом, система производства и распределения жизнеобеспечивающих благ осуществляются при помощи электронно-цифровых технологий, где побуждение к труду и потреблению, учёт и контроль человеческой деятельности, распределения и потребления благ обеспечивают электронно-цифровая организация банковско-финансовой среды (безналичные расчеты), цифровые базы данных, электронные балльно-рейтинговые системы и непрерывная оценочная деятельность.

Понятие цифрового мира выражает ментальную составляющую цифрового общества, содержание и характер мировоззрения человека, мышление и воля которого определяются ценностно-смысловым полем цифрового общества и электронно-цифровыми технологиями его организации и управления.

В цифровом обществе общебиологические и социальные потребности наряду с исторически сложившимися, удовлетворяются при помощи новых средств, являющихся продуктами информационно-цифровых технологий.

Это открывает не только большие возможности для творческой созидательной деятельности, повышения качества жизни, но и несёт определённые опасности, в силу биологической природы и духовных слабостей людей: гордости, тщеславия, властолюбия.

При условии стремления человека к власти, доминированию в социальной иерархии, соперничеству, конкуренции, постоянной вынужденной оценочной деятельности возникает опасность утраты духовной свободы и подавления самобытности человеческой личности, подключения и подстройки её мышления и воли под задачи эффективного функционирования и электронного управления жизнедеятельностью цифрового общества. Это связано в первую очередь с тем, что в мыслительной сфере личности происходит формирование ментальной реальности, в которой всё подлежит измерению, денежному или балльному исчислению, цифровому учёту и контролю, а сами эти цифровые учёт и контроль начинают восприниматься как главные условия создания жизнеобеспечивающих ресурсов для человека и общества. Возникает опасность появления экзистенциальной зависимости от электронно-цифровых технологий управления обществом, от начисляемых баллов, места в рейтингах, восприятие-переживание их значимости для жизни и судьбы человека, эмоциональное, а не разумное отношение к ним.

Это эмоциональное восприятие системы и результатов исчисления, балльного оценивания основных форм и результатов человеческой

жизнедеятельности становится главным признаком полной включённости духовного мира личности в электронную систему управления цифрового общества, духовно-психологической поглощённости ею.

Соотнесение своей личности и своего общественного статуса с количеством имеющихся денег или баллов и связанных с этим количеством потребительских благ, постоянная направленность мыслей в сторону рейтингования, подсчёта и накопления баллов, ведёт к сдвигу в ценностно-смысловой сфере личности. Тогда регуляторами жизнедеятельности человека становятся не разум, совесть и здравый смысл, а постоянный самоконтроль как агента цифрового управления, оценивания, ориентированного на реализацию задач приспособления к матричной системе цифрового общества, соответствия её параметрам и выживания в ней благодаря формированию определённых ментальных и поведенческих шаблонов и схем, отказа от себя самого. Возникает опасность появления у личности соответствующей я-концепции: самочувствия и образа себя как объекта внешнего цифрового управления и контроля, агента непрерывного оценивания и рейтингования.

Культивирование этой цифровой зависимости от оценочной деятельности является одним из ведущих средств и условий управления, социального программирования, манипуляции и контроля сознания и поведения в цифровом обществе.

Погружённость человека в виртуальный цифровой мир, эмоциональная зависимость от него обеспечиваются организацией системы ценностно-смысловых ориентаций участников системы цифрового общества. Ценностно-смысловое поле цифрового общества с одной стороны ориентирует его членов на традиционные ценности: обеспечение безопасности, счастья, комфорта, успеха, высокого социального статуса, но с другой стороны, статус важнейших социальных и личных ценностей приобретают средства достижения традиционных ценностей – новые, цифровые технологии. Причём понятия цифрового мира, цифрового общества в ценностно-информационном поле современного общества подаются чаще всего в безусловно положительном, сверхценном ключе.

Мировоззрение, идеология, СМИ, система образования и правовая система цифрового общества при помощи возможностей цифровых технологий создают матрицу цифрового измеряемого виртуального мира – способ восприятия, интерпретации, оценивания и измерения фактов, соответствующий этим технологиям, целям и способам их применения. Матрица цифрового мира в своём стремлении просчитать и оцифровать всё, связанное с человеческой жизнедеятельностью, настраивает на монетизацию бесценного и измерение, оцифровку безмерного. Этим

неисчислимым, безмерным, безценным началом является онтологическая сущность, духовная свобода человека – его духовная самобытность и творческая созидательная самостоятельная разумная деятельность, способность человека к дару – бескорыстному добру, любви и общению.

Подавление самобытности, самоорганизации и самостоятельного мышления человека, попытки определения рамками социальной матричной системы несоответствующей её цифровым параметрам духовной сущности человека, порождают опасность появления цифроцентризма, или цифрового фетишизма.

Цифровой фетишизм проявляется в приписывании информационно-цифровым технологиям управления учета и контроля несвойственных им свойств и качеств, создания видимости преимущества информационно-цифровых систем учета и контроля перед разумной созидательной человеческой деятельностью, доминирования над ней, подчинения задачам информационно-цифрового управления обществом. В искаженной цифровым фетишизмом матрице цифрового мира, электронный интеллект начинает рассматриваться как равнокачественный человеческим разуму и воле субъект социального взаимодействия, а человеческие разум и воля, соответственно, как равнокачественные электронному интеллекту, и даже зависящие от него, организуемые и управляемые с его помощью. В духе цифроцентризма машинному интеллекту приписывается способность самоорганизации и самоуправления, возможность установления власти над человеческой личностью и обществом.

Цифроцентризм становится кристаллом, через призму которого человек начинает смотреть на мир и себя самого, решать свои мировоззренческие, смысложизненные вопросы. Таким образом, его мышление попадает в матричный цифровой мир и он становится цифровым человеком.

В цифровом обществе создаются условия для формирования нового, цифрового человека, главная особенность которого – машиносообразность, матричность мышления и поведения, соответствие деятельности и мышления информационно-цифровой системе управления обществом. Это соответствие становится одним из главных условий эффективного функционирования информационной системы организации и управления цифровым обществом.

Это соответствие требует погружения в матричное мировоззрение цифрового мира, наличия соответствующих личностных качеств. К этим качествам следует, в первую очередь, отнести бездумное послушание и исполнительность при обеспечении функционирования цифровой системы учёта и контроля деятельности и её результатов, готовность постоянно

вести учёт и накопление заслуг и баллов, т.е. баллоцентричность мировоззрения, эмоциональную зависимость участников цифровой обществу от балльно-рейтинговых систем, от количества баллов, начисляемых им при помощи цифровых технологий. Формирование этих личностных качеств, становление цифрового мира в мыслительной деятельности человека становятся одним из главных условий эффективного функционирования информационной системы управления цифровым обществом.

Попадая в учётно-распределительную систему цифрового общества в качестве агента оценивания и рейтингования, личность зачастую вынуждена или совершать неразумные и недостойные поступки или же идти на конфликт с этой системой, дистанцироваться от неё.

Смена ценностно-смысловых приоритетов возникающей вместо потребительской информационно-цифровой парадигмы общественной жизни является одним из главных системообразующих факторов цифрового общества. В системе ценностей и смыслов складывающейся информационно-цифровой социальной системы наряду с собственностью, потреблением, безудержным получением прибыли, социальным статусом, или социальным доминированием, особую роль начинает играть информация и её организация как условие и признак власти.

Функция высшей власти и управления в цифровом обществе осуществляется при помощи организации платёжной и электронной балльно-рейтинговой систем. Власть в цифровом обществе связана с установлением права на отслеживание, контроль, учёт и оценку тех или иных усилий, деятельности и их результатов. Эта власть связана также с получением возможности побуждения участников этой системы к запрограммированным действиям, непрерывному оцениванию усилий и результатов деятельности друг друга и себя самих с непременным отождествлением себя с местом в рейтинге и количеством баллов, которые начисляются участникам матричной системы цифрового общества. Конструирование системы производства и распределения жизнеобеспечивающих благ, а также контроля и управления этой системой при помощи возможностей цифровых технологий, связаны с созданием алгоритмов оценки деятельности и её результатов на основании системы начисляемых баллов. Алгоритмы оценивания как правило непрозрачны: они не имеют обратной связи, т.е. не подлежат обсуждению, анализу, критике и контролю со стороны оцениваемых. Они ведут к сортировке людей по произвольным принципам, усвоение и эмоциональное восприятие которых и формируют матричную реальность цифрового мира.

Те, кто имеют реальную власть в цифровом обществе, не включены

в электронную систему контроля жизнедеятельности, находятся вне неё. Являясь создателями и организаторами электронной системы управления и распределения, создавая алгоритмы оценивания и исчисления, они с её помощью обретают и сохраняют статус субъектов управления и распределения жизнеобеспечивающих благ в обществе, т.е. являются хозяевами, организаторами игры, владельцами алгоритма – в данном случае электронно-рейтинговой системы организации и управления цифрового общества. Произвольно устанавливая правила функционирования этой цифровой матричной системы, её ценностно-смысловые ориентации, характер и содержание предметов и критериев оценивания, алгоритмы измерения, исчисления и оценивания, они остаются вне неё, т.к. создавая мир цифровой матрицы, понимают игровой и условный характер её функционирования. Ими движет личное властолюбие, привычка и стремление к контролю, управлению, абсолютному доминированию, т.е. неограниченной власти.

Функционирование электронной системы управления цифровым обществом основано на подавлении способностей самоорганизации и самостоятельности человека, использовании его биологической природы, эксплуатации человеческих слабостей и страстей человека, что ведёт к его обессиливанию и расчеловечиванию. Бесчеловечность этой системы, заложенную в её основание, признают сами её творцы и организаторы. [См.:1]

Только осознанно противодействуя духовно-психологическому поглощению разума человека матричной системой цифрового мира, подавлению его способности к самоорганизации и самостоятельному мышлению и поведению, личность может сохранить своё духовное достоинство и здравомыслие.

Поэтому умение осознать и нейтрализовать пагубное воздействие этой системы на духовно-душевный мир человека является необходимым условием сохранения и развития способности к целостному мышлению, разумному творческому созиданию, условием сохранения человечности, духовной свободы и самобытности личности в современном мире.

Литература

1. 7 прогнозов от Грефа. Глава Сбербанка предсказал наше ближайшее будущее // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 31 02/08/2017 : [Электронный ресурс] – URL: http://www.aif.ru/money/economy/7_prognozov_ot_grefa_glava_sberbanka_predskazal_nashe_blizhayshee_budushchee (дата обращения: 21.02.2018).

Shirmanova M.Yu. DIGITAL WORLD: THE MATRIX AND LIVE THE REALITY

The article analyzes the logic of the organization and the main anthropological aspects of the life of a digital society, examines the possible spiritual and psychological consequences of the use of information and digital technologies of its organization and management.

Key words: digital society, digital fetishism, digital world matrix, machinecomponent thinking.

Ширманова Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, РФ).

УДК 32.019.51:291.13

Манасеев Д.Д.

**МИФОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ**

В статье рассматривается роль мифа в системе управления. Определены гносеологические, аксиологические и этиологические функции мифа. Анализируются особенности осуществления управленческой деятельности в рамках социально-политической системы Соединенных Штатов Америки с опорой на тотемические, солярные, лунарные, космогонические и иные мифы. Отмечается тенденция к развитию социальной и политической мифологии как средства манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: идеология, мифология, общество, система управления обществом.

Постановка проблемы. В современном обществе исследование влияниями мифологии на социокультурное пространство человека находится на стыке различных наук (философии, политологии, истории, социологии, антропологии, управления и др.). Изучение данного вопроса имеет не только теоретический интерес, но и отчетливую практическую значимость. Анализ показывает, что именно посредством мифов осуществляется воздействие на различные социальные институты, выстраивается иерархия уровней социокультурной жизни человека. Миф проявляет собой средство управления сознанием в идеологии, политике,

является инструментом создания экономически выгодных брендов, способом передачи информации, как в литературе, так и в повседневной жизни. В данной публикации основное исследовательское внимание будет сфокусировано на социокультурном пространстве системы управления Соединённых Штатов Америки (США), выявлении влияния мифологем на социум и его культуру.

Цель исследования состоит в определении места и значимости мифологии в системе управления американским обществом.

Основные задачи исследования заключаются в определении различных историко-культурных подходов к содержанию мифологии как социального феномена, а также анализе роли и значения мифов в качестве одного из органичных элементов системы управления США.

Основная часть. На протяжении всей человеческой истории было высказано множество точек зрения на проблему мифа и мифологии. В зависимости от различных акцентов постановки проблемы, эпохи, личных воззрений исследователей миф понимался по-разному. Начиная с Ксенофана, примерно VI-V век до н. э., отвергнувшего «реальность» богов, понятие «мифос» утратило религиозную и метафизическую значимость. По мнению философа, мифология – это продукт человеческого воображения. В средние века миф приобрел новую роль. Его отождествляли со средством консолидации общества, он обеспечивал единомыслие в общине и пояснял протяженность истории. Значительный вклад в развитие концепции понимания мифа внес Ф. В. Шеллинг. Философ был убежден, что миф не является поэтическим или философским вымыслом. Однако философия мифологии не должна восхвалять миф и мифологический способ мышления. Он считал, что предметом исследовательского внимания должно выступать их тщательное философское осмысление. Таким образом, ученый пришел к выводу, что мифология – это исторически неизбежный момент в развитии сознания. По его мнению, мифологии соответствует пантеизм. Согласно Ф.В. Шеллингу, человеческой природе свойственен монотеизм, но он должен был пройти через свое отрицание, чтобы укорениться в сознании как истина. Так возникает триада: первобытный монотеизм – политеизм (мифология) – монотеизм христианства. Основатель психоанализа З. Фрейд один из первых, кто подчеркнул роль подсознательного в мифологии. Ученый предполагал, что миф – это частица преодоления младенческой душевной жизни народа. Более глубокое осмысление взаимосвязи бессознательного и мифа предоставил К. Г. Юнг. Главный вклад ученого в исследование данной проблемы состоял в разработке теории архетипов. Глубокий анализ мифа провел Э. Кассирер. Философ в своей работе «Опыт о человеке»

утверждает: «Миф – это вымысел, однако не сознательный, а бессознательный» [4]. При этом: «Основная черта мифа не в особом направлении мысли или воображения. Миф – это плод эмоций, эмоциональная основа окрашивает все его продукты особым цветом» [4]. В отечественной литературе значительный вклад в изучении проблемы мифологии внес А. Ф. Лосев, он объединил идеи христианского неоплатонизма и диалектики Ф. В. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, а так же феноменологию Э. Гуссерля. В центр своего внимания он ставил проблему символа и мифа. Основные работы в этом направлении: «Философия имени», «Диалектика мифа», «Знак. Символ. Миф». В середине XX в. стартовала научно-техническая революция, побудившая многих известных представителей западной политической науки выдвинуть лозунг «конца идеологии». Основные представители: Д. Белл, С. М. Липсет, К. Поппер, Р. Арон. Ученые настаивали на чистке «ложного» сознания, однако здесь возникла парадоксальность, как писал А. Гулыга: «Миф – форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий – беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается» [3, с. 275]. То есть попытки создать «чистую» социальную науку, которая могла бы заменить идеологию, были обречены на провал самого начала. Таким образом, уже в 70-е гг. XX возникла новая концепция «реидеологизации», которая возвеличивала роль и значение идеологии и мифологии в общественном развитии.

Мы приходим к конкретным выводам: миф в своей реальности прошел определенный путь развития. Сейчас миф воспринимается совершенно не так, как воспринимался две тысячи лет назад, и совершенно по-другому, нежели воспринимался двадцать лет назад, но общая модель постройки и функционирования сохранилась. В данном исследовании мы будем отталкиваться от понимания мифа, которое предложил А. Ф. Лосев «...миф есть развернутое магическое имя» [6]. Для дальнейшего восприятия нашей концепции следует отметить важный факт, заключающийся в том, что миф объединяет в себе два аспекта: диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (объяснение настоящего, составляющего основу будущего).

В исследовании мы выделяем несколько мифологических моделей: тотемические мифы; солярные и лунарные мифы; космогонические мифы; мифы о происхождении культурных благ; героические мифы; календарные мифы. Все эти модели присущи любой системе управления. В данной статье мы рассмотрим влияние мифа на систему управления обществом

США.

Соединённые Штаты Америки – это федеративная республика, политическая система которой определена Конституцией США, поправками к ней, другими Законами и иными нормативными правовыми актами. Система управления обществом США состоит из следующих компонентов: механизма, структуры, объектов, функций, кадров, процесса управления, способов развития системы управления.

Характеризируя систему управления США, нужно подчеркнуть два основных момента, которые выделяют ее – это желание быть страной-гегемоном и массовая культура потребления, которая детально описана Жаном Бодрийяром в его работе «Общество потребления. Его мифы и структуры». Далее мы рассмотрим категории мифа во взаимосвязи с системой управления обществом США.

Миф о США как стране-гегемоне. Данный миф окончательно сложился и просуществовал в своей максиме в период с 1975 по 2001 года. В своей сущности он является **тотемическим мифом**, созданным для сплочения членов данного общества. Для поддержания тотемического мифа используются различные символы, однако трактуются они в зависимости от мифологической системы. В США основными символами являются: Дядюшка Сэм, статуя Свободы, хот-дог, гамбургер. Благодаря многим из этих символов в сознании американского общества была внедрена концепция «KingSize», которая заключается в любви к «большим размерам» (большим домам, машинам, порциям в еде).

Из мифа о стране-гегемоне вытекает миф о «цивилизованных странах», среди которых США занимает главенствующую позицию. Данный миф в своей сущности является инструментом достижения внешних задач политики США. Он внедряется в мифологические системы других стран и разрушает их идеологический базис. Чаще всего это происходит через так называемую публичную дипломатию США (publicdiplomacy, internetdiplomacy, strategiccommunication), в которой особое место занимают средства массовой информации.

Солярные и лунарные мифы в системе управления. Данные мифы направлены для объяснения жизненной силы общества. Солнце, в зависимости от политической модели (теократическая или демократическая), символизируется по-разному. Это может быть или лидер, или набор ценностей. В США существуют обе концепции. Материальное воплощение этой идеи осуществляется в стремлении к источникам финансирования.

Говоря о лунарных мифах, выделим три вида, которые описывают взаимодействие Луны с Солнцем. 1. Луна замещает Солнце –

подразумевается взаимодействие руководителя и его заместителя (политическое согласие). 2. Луна является антитезой Солнцу – это резкое противопоставление предыдущей системе управления (Сейчас мы можем наблюдать данную ситуацию в США, когда на смену демократам пришли республиканцы и происходит определенного рода перестройка системы управления). 3. Солнце является лишь формальным руководителем, Луна же не формальным (такая модель чаще встречается в восточных странах, таких как Китай и Япония).

Космогонические мифы США – определяют начало существования, смерть и повествование судьбы. Основными мифами творения в системе управления США являются: «Америка страна свободы». Суть мифа заключается в том, что США создавались в противовес деспотичной Европе. Фактическая история показала нам совершенно другую «свободу по-американски», когда уничтожались поселения коренных Американцев, процветало рабство, которое сохраняется и сейчас лишь в другой форме. Следующий миф – «Америка новый Рим». Идею Третьего Рима мы можем наблюдать во всех идеологиях XX века. В США преемственность данной культуры подчеркивается через архитектуру (тяжеловесные здания с колоннадами), наличием Сената, Капитолия и другими фактами. Важным мифом для системы управления США является миф «Америка – родина новой, трудолюбивой Американской нации». Американцы любят повторять, что они greatest nation on earth – величайшая нация на земле. Граждане США дают клятву: «Я клянусь в верности флагу Соединённых Штатов Америки и республике, которую он символизирует, одной нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех». Данный миф активно используется в политической игре множества американских деятелей, в отношении взаимодействия с коренным населением или же различными странами, например Мексикой. Как мы видим цель космогонических мифов – это поддержка власти. Поскольку эти мифы дают управленческим структурам определенный источник и опору, совершенно не удивительно, что они так сильно популяризируются правительством США.

Мифы о происхождении культурных благ – это своего рода мифы, задающие правила игры в данной системе. Они тесно взаимосвязаны с тотемическими мифами. В случае с США тотемическими предками выступают отцы основатели, заложившие определенного рода правила, благодаря которым выстраиваются и определяются «культурные герои» и «культурные злодеи» данной системы.

Особое место в системе управления американским обществом занимают **героические мифы США**. В зависимости от времени,

государственного заказа существовали образы американских героев различного рода и характера. Условно классифицируем их на три группы: представители народного фольклора (Дэви Крокет, Даниэль Бун), герои американской истории (Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Томас Джефферсон), герои, созданные массовой культурой (ковбой Билли Кид, боксер Роки Бальбоа, Рембо, герой комиксов Супермен или символ красоты Мэрилин Монро). Говоря об образах героев, мы не можем не упомянуть миф об «Американской мечте», показывающий США страной возможностей, где любой эмигрант, любой нищий, согласно данному мифу может достичь, казалось бы, недостижимых высот. Ярким примером является литературный персонаж произведения Фрэнсиса Фицджеральда «Великий Гэтсби». Следует упомянуть, что согласно известным мифологемам «Американская мечта» была подарена «отцами основателями». Следовательно, можно наблюдать четкое взаимодействие между мифом «о героях» и мифом «о происхождении культурных благ». Как мы видим, мифологические модели дополняют и усиливают друг друга, задают общую мифологическую систему.

Календарные мифы в системе управления выполняют функции приобщения к истории. Во-первых, такие мифы разделяют время (на сакральное и профанное). Таким образом, время «отцов основателей» является сакральным, каждое совершенное в нем действие является правильным и служит образцом для поведения. Нынешнее время является профанным. Это обыденность, в которой совершается наше бытие. Во-вторых, такие мифы обеспечивают преемственность смены власти, смерть и воскрешение в новом качестве. Попытки последнего мы можем наблюдать в заявлении Дональда Трампа, сделанное в начале его предвыборной гонки: «Американская мечта мертва, но я ее вам верну». На данный момент «Американская мечта» завязана с другим феноменом – «Культурой массового потребления» («Общество потребления»). Данная парадигма является центральной в действующей системе управления американского общества, и именно она задает ценностные ориентиры, являясь фундаментом развития США.

Выводы. В ходе исследования, мы провели краткий теоретический анализ концепций мифологии, который позволил нам рассмотреть проблему взаимосвязи мифологии и системы управления обществом США. Выявлена формирующаяся парадигма, определена мифологическая система и указаны основные мифологические модели в системе управления американским обществом. Проведенная нами работа способствует дальнейшему познанию взаимосвязи и взаимодействия феноменов мифологии и системы управления обществом, а также непосредственному

изучению роли и значения мифологии в экономическом, политическом и социокультурном пространстве.

Литература

1. Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. / Аристотель – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс] /Ж. Бодрийяр. – М.: 2000. : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=102633> (дата обращения 10.02.2018).
3. Гулыга А. В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985. – С. 275.
4. Кассирер Э. «Опыт о человеке»: [Электронный ресурс] /Э. Кассирер // М.: 1998. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.persev.ru/book/opyt-o-cheloveke> (дата обращения 10.02.2018).
5. Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.: «Port-Royal», 1997. – С.13.
6. Лосев А. Ф. «Диалектика мифа» / А. Ф. Лосев. – М.: 2001. : [Электронный ресурс] – URL: <http://azbyka.ru/dialektika-mifa> (дата обращения 10.02.2018).
7. Шеллинг Ф. В. Сочинения / Пер. с нем. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1998. – 1664 с.

Manaseev D.D. MYTHOLOGY IN US SOCIETY MANAGEMENT SYSTEM

The article examines the role of myth in the management of the US society. Gnoseological, axiological and etiological functions of myth are determined. Features of the management activities within the framework of the social and political system of the United States of America are analyzed with the support of totemic, solar, lunar, cosmogonic and other myths. The results of the research show that ideology is increasingly acting as a social mythology and notes the tendency to the development of social and political mythology as a means of manipulating the public consciousness.

Key words: *ideology, mythology, society, system of society management.*

Рецензент: Шелюто В.М. – д. филос. н., профессор.

Манасеев Дмитрий Дмитриевич – магистрант Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ И ДИФФУЗИОННОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

В статье проводится анализ концепта «традиция» с позиции осмысления представителями эволюционизма и диффузионизма. Осуществляется аналитическая и сравнительная работа в осмысление традиции представителями данных школ. Было установлено, что эволюционисты рассматривали традицию и культуру с позиции необратимых изменений в этносе, а диффузионисты рассматривали традицию и культуру с принципа, заимствования её из иной этнической группы.

Ключевые слова: традиция, культура, эволюция, культурная миграция, прогресс, инновация.

Постановка проблемы. Традиция и традиционная культура в целом, во многих вариантах своей дефиниции, ассоциируется с канонической культурой, которая, в определенном аспекте, является противоположным началом к идее прогресса. В свою очередь, канон олицетворяется как совокупность законов и правил, которые являются нормой и образцом для всех художественных произведений. В широком смысле он представляет собой устоявшиеся формы в искусстве и культуре. Данная интерпретация канона позволяет нам судить о традиции как важной основе существования культуры. Используя метафорическое сравнение, можно предположить, что традиционная культура является фундаментом современной социокультурной действительности. Однако, с началом XX века представители модернизма пытались разрушить канонические стандарты в искусстве и культуре, что отпечаталось на современном толковании традиции.

Для более полного истолкования традиции и традиционной культуры, обратимся к истокам ее философского значения. Одними из первых представителей научного знания, которые обратили свое внимания на традицию и культуру, были представители эволюционизма. Сторонники этой теории рассматривали общество и культуру с позиции универсальных законов, способствующих ее развитию. В XIX веке помимо эволюционизма, появляется диффузионизм, как новая школа в этнографии и антропологии. Основой данной школы явилась идея развития общества посредством заимствования культурных инноваций в процессе миграции, что являлось оппозиционной теорией школы эволюционизма.

Таким образом, для более полного осмысления понимания традиции, ее бытия в современном социокультурном пространстве, следует обратиться к интерпретации данного понятия представителями двух противоположных школ развития культуры.

Целью данной статьи является исследование концептуализации культурной традиции у представителей эволюционизма и диффузионизма. Реализация такой цели предполагает в качестве своих поступательных компонент анализ интерпретации культурной традиции представителями эволюционизма, рассмотрение понимания культурной традиции представителями диффузионизма; компаративный анализ концептуализации традиции представителями двух антропологических школ, конкретизацию понимания традиции как важного фактора бытия культуры.

Основная часть. Эволюционизм – это направление в культурной антропологии, рассматривающее культуру с позиции необратимых изменений. Данная теоретическая модель была предложена Спенсером как последовательные необратимые изменения культурных феноменов.

Одним из ярких представителей эволюционной теории развития культуры является Льюис Генри Морган [1]. В основе его исследований лежит учение Адама Фергюсона о трех стадиях развития общества: дикость – варварство – цивилизация. Адам Фергюсон рассматривает произведение природы с позиции формирования и расширения жизненной силы. Так основанная его идея заключается в том, что все создано природой, проходит эволюционный путь развития от младенчества к зрелости. Человеческий род не останавливается на развитии одной индивидуальности, развитие продолжает весь вид. Это находит подтверждение в следующей цитате: «У других видов животных всякая отдельно взятая особь движется от младенчества к зрелости и, в ходе своей индивидуальной жизни, достигает всего того совершенства, на которое способна его природа. Что же до человеческих существ, то у них прогрессирующему развитию подвергается весь вид, а не только отдельные особи; каждое последующее поколение надстраивает что-то на той основе, которую оставляют ему предки и, с течением времени, все более совершенствуется в приложении тех своих способностей, для раскрытия которых требуется длительный опыт и кои служат объектом сложения усилий многих поколений» [9, с. 6-7]. Человек, как стремящееся к совершенству творение природы, потенциально содержит в себе идею мирового прогресса. Благодаря способности к мышлению он может передавать накопленный опыт от поколения к поколению. Таким образом, прогресс достигается усилием многих поколений, передающих свои

знания, умения и навыки через каналы традиционной культуры, где она является движущей силой и средством прогресса.

Льюис Морган не только продолжает идею Адама Фергюсона о прогрессе, но и расширяет ее, классифицируя периоды жизни человечества, добавляя в периоды дикости и варварства по три стадии, характеризующиеся определенными инновациями и способствующие переходу от одной стадии к другой. Так, ступень цивилизации, по мнению Льюиса Моргана, начинается, с изобретения алфавита и письменности. А период варварства характеризуется внедрением инновационного материала в виде обработки железа и создания из него орудий труда. Таким образом, каждый этап прогресса человечества в переходе от одной стадии к другой, характеризовался внедрением инноваций, способствующих изменению общественного устройства.

Изучив идеи вышеназванных авторов, их определение исторических типов развития общества, можно сделать вывод, что на протяжении исторического времени традиционная культура прогрессировала на уровне инноваций, служила каналом общения между несколькими поколениями, способствовала обмену информацией и опытом.

В рамках исследования взаимодействия прогресса и традиционной культуры важно обратиться к работам английского ученого этнографа Эдуарда Бернета Тайлора, который занимался изучением различных обрядов и религиозных церемоний. Культуру Тайлор понимал как прогрессирующую действительность, которая посредством человеческой практики способствует усовершенствованию всего рода человека. Необходимо отметить, что теория Тайлора поддерживала идею постепенного перехода общества от одного состояния к другому в процессе развития прогресса.

Э. Тайлор водит понятие трех путей, способствующих прогрессу и развитию общества: первый путь усовершенствования общества ученый связывает с появлением гениев, они вызывают к жизни инновации благодаря умственной деятельности, которая способствует модернизации общества; второй путь развития общества состоит в следующем: развитие порядка в обществе способствует разделению ролей между людьми по их предрасположенностям к определенному типу деятельности, что приводит к усовершенствованию рода их занятий. Развитие образовательных и воспитательных учреждений обеспечивают обмен опытом между поколениями, что приводит к прогрессивному движению общества; третий путь развития культуры и общества прослеживается в понимании Тайлором понятия преемственности. Она основана на том, что каждое общество старается сохранить выработанные навыки. И это вновь

определяет традицию как главный канал передачи информации и осмысление ее как одной из движущих сил прогресса.

Исследование проблемы традиции в работах философской школы эволюционизма приводит к необходимости анализ «пережитков». Э. Тайлор, рассматривая языковое творчество народов, утверждал: «Мы можем собирать старые пословицы и пользоваться ими, но составлять новые было бы слабым безжизненным подражанием, как и наши попытки, изобрести новые мифы или новые детские песни» [3, с.22]. Пережитки ушедших культур (архаизмы), переносятся в пространство современной культуры и представляют собой не бессмысленные устаревшие артефакты, а современную социокультурную реальность, основанную на культурном опыте предшествующих поколений. Они прошли длительный путь эволюции, что позволило им, приобрести устоявшиеся формы в историческом времени развития человечества.

Отражение пережитков в современном социокультурном пространстве изучалось Джеймсом Джорданом Фрейзером, представителем эволюционной школы. В работе «Труды Психеи: лекция о влиянии суеверий на развитие институтов» Фрейзер исследует влияние пережитков на становление светских и гражданских институтов. Так, по его мнению, суеверия оказывали значительное влияние на формирование современных социальных институтов и социального пространства. Суеверия, по мнению Д. Фрейзера укрепляли уважение к государственной власти, что способствовало поддержанию порядка, и в дальнейшем, выработке государственного института [5]. Суеверия способствовали укреплению частной собственности, что укрепляло уважение и давало гарантии обладания ею. Суеверия укрепляли уважение к браку и, таким образом, способствовали более строгому соблюдению правил половой морали, что ускорило появление института семьи. Суеверия способствовали укреплению уважения к человеческой жизни и таким образом способствовали личной безопасности.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что прогресс реализуется в формах устоявшихся новшеств. Это не стремительное действие, а постепенный процесс развития общества. Таким образом, возврат к идеям великих мыслителей прошлого или к исходным началам нашего развития, является той фундаментальной основой, опираясь на которую, наука может решить актуальные задачи, обрести «второе дыхание» в анализе общих проблем, наметить верные ориентиры в развитии культурного пространства. Традиционная культура, движимая прогрессом как важным атрибутом ее функционирования, способствует модернизации культурного пространства современного общества. Из этого

следует, что традиция у представителей эволюционной школы представляется фундаментальной основой социокультурной действительности современного человека.

Отметим, что на протяжении длительного времени традиционная культура проходила несколько стадий развития, изменялась в виде разнообразных форм. Чтобы осмыслить феномен изменений в традиционной культуре необходимо обратиться к теории диффузионизма. Диффузионизм возникает в конце XIX века в противовес эволюционизму как доминирующей теорией того времени. Отличительной чертой диффузионизма является то, что доминирующий вид культуры не всегда зарождается и эволюционирует в одном этносе, а может быть заимствованным из иной этнической группы. То есть традиция может не создаваться определенной социокультурной группой, а прийти извне посредством заимствования, закрепится как национальная господствующая культура. Отметим, что теория диффузионизма за основу своих исследований взяла идеи географического детерминизма, который предполагал, что на социокультурный строй общества влияют в большей степени географические условия.

Одним из первых ученых, обративших внимание на диффузионизм, был Фридрих Ратцель. В своей работе «Народоведение» [2] ученный исследует этногенез культуры, а также ее взаимодействие и развитие посредством географического расположения. Что касается критики исторического осмысления культуры и ее эволюции, то в контексте данной проблемы ученый приводит пример некоторых изолированных культур, которые не проходили стадии модернизации, оставаясь в одном положении своего развития.

В пользу доказательства о влияния географического положения культуры на ее развитие рассмотрим различие культур севера и юга (относительно экватора). Северное полушарие, по мнению Фридриха Ратцеля имеет более сжатое пространство, способствующее более широкой связи между культурами. Юг имеет более обширное пространство, что создавало определенные проблемы в социокультурной коммуникации между народами, тем самым способствуя упадку культурной диффузии и обмену инновациями. Таким образом, ученый констатирует, что высшие культуры, относящиеся к северному полушарию, рождаются при помощи взаимопроникновения и диалога культурных инноваций. Слабые культурные формы присущи южным культурам из-за плотности расселения, а также природных условий, не позволяющих им взаимодействовать между собой и при этом развиваться.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что культурная

диффузия, посредством сжатого географического пространства, способствует обмену инновациями, которые развивают и модернизируют культуру. Ф. Ратцель утверждает, что развитие культуры зиждется на традиции традиции основанной на диффузии в самом народе. «Во всех областях человеческого творчества и деятельности объединение является основанием дальнейшего высшего развития. Только взаимодействием и взаимной помощью между современниками или следующими друг за другом поколениями удастся достигнуть той ступени образованности, на которой стоят теперь высшие члены человечества. Рост этот зависит от характера объединения и распространения его» [2, с. 86-87]. Объединение народов и взаимодействие между поколениями посредством традиции как социокультурной коммуникации, способствует развитию и становлению культуры. Следовательно, традиционная культура, по мнению Фридриха Ратцеля, не способна развиваться, если не будут использованы распространительные и принимающие функции.

Следующий представитель теории диффузионизма – Лео Фробениус на протяжении длительного времени изучал африканские культуры, что способствовало появлению теории морфологии культуры. Культура, по мнению Лео Фробениуса не создается человеком, но при этом не может без него существовать [8, р. 27]. Ученый считал, что культура зарождается в природе. Это является отголоском идей представителей географического детерминизма. Человек также способствует появлению культуры, хотя, по мнению ученого, играет в нем пассивную роль. Благодаря эмоциональной вовлеченности в окружающий мир, человек вследствие творческой воли, приводит в движение процесс возникновения культуры.

Важно отметить, что Лео Фробениус повлиял на идеи О. Шпенглера, в теории которого развитие культуры было построено на этапах развития от ее рождения до смерти: «Она расцветает на почве строго очищенного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и, таким образом, снова возвращается в прадушевную стихию» [6 с. 264]. Основываясь на вышеизложенном, мы можем, на уровне метафоры, уподобить традицию душе культуры, которая рождается в естественных природных условиях, проходит свой жизненный путь и погибает. Исходя из идей, высказанных в работах Лео Фробениуса и Освальда Шпенглера, традиция в современном мире будет представлена в виде артефактов мертвой культуры.

Опираясь на две антропологические школы в исследовании традиции, по мнению автора, является недопустимым выявление

доминанты в её интерпретации. Так для более полного и глубоко анализа традиции важно рассматривать её с позиции двух взаимно противоборствующих, но при этом взаимодополняющих друг друга школ, что позволит определить основные атрибуты бытийности традиции в социокультурной пространстве.

Положительной чертой эволюционизма в исследовании эволюционистской методологии исследования традиции является её характеристика как фундаментальной основы, без которой инновация или модернизация культуры невозможна. Проблемным полем развития традиции у представителей эволюционизма является существования универсального закона предопределяющего культурное развитие во всех пространственных формах. В данной теории отталкивается идея культурной миграции. Хоть и Тайлор утверждал что: «Прогрессивное движение в культуре распространяется и становится независимым от судьбы своих начинателей» далее он продолжает: «Таким образом, обычаи и изобретения давно угасших народов могут оставаться общим достоянием народов, их переживших» [4, с. 44]. Однако в большей степени эволюционисты настаивали на единстве человеческого рода, где сходность сознания народов способствует изоморфности основных принципов и моделей развития культуры. По мнению автора это и была существенная ошибка представителей эволюционизма, потому что по своей сути культура определенного этноса носит неповторимый колорит, способствующий различию её от всех мировых культур.

Диффузионисты придали культуре традиции миграционную характеристику. Так, по их мнению, инновация зарождается в определенном этносе, где посредством миграции другие культуры заимствуют её. Данная теория прослеживается в идее Роберта Фрица Гребнера о культурных кругах [7, р. 190], где инновационный материал, зародившийся в одной группе, может быть распространен на иные группы принадлежащие к определенному территориальному объединению. Развитие культуры и традиции возможно только в условии культурной миграции. В действительности многие инновационные материалы, внедряющиеся в общество, и превращающиеся в традиции небыли созданы людьми которые принадлежали к этому обществу. Они были заимствованы из иной культуры. Однако проблема диффузионистов заключается в том, что культуры могли развиваться только в условиях миграции и заимствований культурных инноваций. Данная теория переворачивает контекст развития самой культурной традиции, тем самым обезличивая ее, придавая ей более обширные пространства, что в некоторых ситуациях полностью отвергают культуру народа как некое проявление духовной

жизни общества, где оно у диффузионистов ставится на второй план.

Выводы. В основе изучение культурной традиции должны быть взяты оба метода для более полного её осмысления. По мнению автора, именно изучение культурной традиции с позиции локального образования появившегося в условиях эволюции социума способствует в дальнейшем перенесению данной инновации посредством миграции в иную культуру. Это способствует объяснению традиции с позиции ее неповторимости и с того что некоторые традиции народов имеют общие черты. Исходя из учения эволюционистов и диффузионистов, мы можем, определить традицию как фундаментальную основу социкультурного пространства, где она выполняет коммуникативную роль в процессе культурной миграции.

Литература

1. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935.

2. Ратцель Ф. Народоведение (Антропogeография). Классика геополитики, XIX век. – «Издательство АСТ», 2003.

3. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 1624 с.

4. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573с.

5. Фрэзер Д.Д. Труды Психеи: лекция о влиянии суеверий на развитие институтов: [Электронный ресурс] – URL: <http://vatnik.spb.su/psyche0/psyche1.html>

6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.

7. Graebner Fritz. Methode der Ethnologie Heidelberg : Carl Winter, Heidelberg, 1911. – 192 p.

8. Frobenius Leo. Paideuma; umrisse einer kultur- und seelenlehre. München. Forschungsinstitut für kulturmorphologie Publication, 1921. – 152 p.

9. Ferguson Adam. An essay on the history of civil society. Cambridge University Press, 1995. – 283 p.

Novak N.I. TRADITION IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION AND DIFFUSION THEORY OF CULTURE

The article analyzes the concept of «tradition» from the point of view of representatives of evolutionism and diffusionism. Analytical and comparative work is carried out in understanding the tradition of representatives of these

schools. It was established that evolutionists viewed tradition and culture from the standpoint of irreversible changes in ethnos, and diffusionists viewed tradition and culture from the principle, borrowing it from another ethnic group.

Key words: *tradition, culture, evolution, cultural migration, progress, innovation.*

Рецензент: Деревянко К.В. – к. филос. н., доцент.

Новак Никита Игоревич – аспирант кафедры философии Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

УДК: 811

Кравцов Д.Н.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследованы вопросы специфики ведения современной информационно-психологической войны (ИПВ). Определены наиболее современные средства и методы её ведения, а также необходимость разработки и реализации мер противодействия её деструктивному влиянию. Отмечается, что в современных условиях ведения «гибридных войн» информационно-психологическое оружие является одним из основных средств ведения ИПВ. Обосновывается необходимость интенсификации работ по реформированию государственной политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности с учетом необходимости противодействия деструктивному воздействию геополитических противников России. Данное воздействие представляется как угроза национальной безопасности. Делается вывод о целесообразности создания эффективной системы ведения информационно-психологической борьбы как средства купирования угроз национальной безопасности России в информационно-психологической сфере. Обосновывается необходимость дальнейших научных исследований различных аспектов ведения современной информационно-психологической войны.

Ключевые слова: *информационно-психологическая война, пропаганда, информационно-психологическое оружие, «гибридная война», безопасность.*

Постановка проблемы. В условия глобального идеологического

противоборства России и Запада особое значение приобретает изучение различных аспектов ведения информационно-психологических войн, в т.ч. использования средств пропаганды как одного из видов информационно-психологического оружия.

Несмотря на то, что специальные информационно-психологические операции являются основными составляющими информационно-психологических войн [3, с. 64] (далее – ИПВ), страна-агрессор пытается использовать в своей деструктивной деятельности весь арсенал средств ведения ИПВ. Это осуществляется, прежде всего, с помощью специфических средств информационно-психологического воздействия на сознание людей в целях манипуляции их социально-политической активностью. Эти средства именуются информационно-психологическим оружием. Одним из его видов является пропаганда.

Актуальность современных исследований теории и практики ИПВ (а в советской терминологии – спецпропаганды) ещё в январе 2013 г. обозначил начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии В.В. Герасимов на одной из научных конференций Академии военных наук [9, с. 31]. В его докладе было отмечено, что «приоритетом современной войны становится дистанционное бесконтактное воздействие на противника... традиционная глубина военных действий заменяется информационным воздействием на всю его территорию». А применение новых методов информационного воздействия и технологий «управляемого хаоса» способствуют достижению стратегических целей [10, с. 3-4].

Анализ последних исследований и публикаций. В РФ системные исследования современных методов ведения ИПВ, связанных с использованием в пропагандистских целях деятельности общественных объединениях, религиозных организациях и политических партий, на сегодня отсутствуют. Контурные исследования технологий ведения противником пропаганды в негосударственном секторе осуществлены в закрытых трудах учёных Академии Генерального Штаба, Военного университета, Академии ФСБ и ряда других военных учебных и научно-исследовательских учреждений.

Цель исследования. Целью статьи является исследование вопросов специфики ведения современной информационно-психологической войны, проблем противодействия ей.

Основная часть. Как и все войны, ИПВ имеет свои цели, задачи, технологии, средства, методы, ресурсы, субъекты и объекты.

В современных исследованиях выделяют два основных направления ведения ИПВ:

- информационно-техническое (уничтожение, модификация или

искажение несанкционированно полученной у противника информации) [4, с. 30-37];

– психологическое (ведение спецпропаганды в целях воздействия на сознание человека в идеологической и психоэмоциональной сферах) [8, с. 10-16].

Удобным полем для ведения ИПВ являются глобальные информационно-коммуникационные сети (особенно Интернет). В них посредством применения пропаганды возможно управление информационными и дезинформационными потоками в целях завоевания социально-политической и идеологической поддержки реципиентов в среде лояльно или нейтрально настроенного населения страны-объекта ИПВ.

Для эффективного ведения ИПВ спецслужбы различных стран активно используют СМИ. Причём не только своей страны, но и других государств, особенно граничащих со страной-объектом информационно-психологической агрессии. Субъект ИПВ (агрессор) интерпретирует информацию в выгодном для себя свете и ретранслирует её через СМИ, представителей политических, религиозных и общественных организаций и т.д. Это позволяет осуществлять успешные специальные информационно-психологические операции [2, с. 164-172].

При этом наиболее эффективным манипулятивным средством ИПВ остаётся по-прежнему телевидение, которое создает у реципиентов пропаганды иллюзию «присутствия», формирует в их сознании устойчивое представление об объективности и достоверности получаемой ими информации из пропагандистского сообщения.

Обобщая современные исследования ведения ИПВ, выделим наиболее распространенные методы и приемы таких войн, а именно:

– многократное повторение подлинного информационного материала (конкретных фатов) в выгодном для агрессора ракурсе;

– распыление внимания реципиентов пропаганды на несущественные детали;

– эмоциональное доминирование через акцентирование внимания реципиентов не на конкретных фактах, а на эмоциональной оценке этих фактов;

– демонизация (дискредитация) правящего режима и героизация власти страны-агрессора;

– обращение к широкой аудитории с новыми лозунгами и интерпретациями уже ранее легитимированных населением страны-объекта ИПВ актуальных идеологем;

– когеренция виртуального и реального пространства в процессах

отражения событий, произошедших в результате проведения информационно-психологических операций (создание информационного повода);

- цикличное повторение-трансляция обнародованных и легитимированных социумом информационно-психологических «вбросов» – различных видов дезинформации;

- использование неоднозначных высказываний, которые в определенном контексте можно будет отрицательно интерпретировать, и использовать для дискредитации страны-объекта ИПВ;

- опора на правдивую информацию, как на базис, и на необходимую ложь – как надстройку (известный принцип пропаганды – «60/40»: 60% правдивой информации и 40% лжи).

Обобщая вышеуказанное, необходимо отметить, что ведение современной ИПВ является экономным и эффективным средством достижения политических целей в условиях глобального противоборства и социально-политической неопределённости.

В связи с вышеизложенным стратегически важным является обеспечение противодействия деструктивным проявлениям ИПВ. Это возможно через неофициальную монополизацию (выборочную цензуру) медиасферы внутри страны и за рубежом в целях донесения до отечественных и зарубежных групп реципиентов объективной информации о происходящих процессах, а также посредством ведения контр- и антипропаганды.

А ввиду того, что в международных отношениях все больший вес приобретают ненасильственные меры противоборства, в том числе скрытого информационно-психологического характера, сегодня крайне необходимо использовать потенциал неправительственных международных организаций для создания позитивного политического образа России. Скрытое пропагандистское использование коммуникационного потенциала этих организаций может стать не только эффективным методом ведения ИПВ, но и средством реализации политики «мягкой силы» [7, с. 165-179].

Исходя из анализа ведения информационно-психологических операций, а также противодействия деструктивному антироссийскому информационно-психологическому воздействию, с сожалением необходимо сделать вывод о неэффективности мер информационно-психологической защиты населения России от деструктивного воздействия извне, недостаточной координации деятельности государственных структур на международном, федеральном и региональном уровнях, отсутствии достаточно нормативно-правовой базы, а также

централизованных механизмов организации и ведения информационно-психологической войны, что является следствием разрушения системы военно-политической и идеологической пропаганды в государстве.

Считаем целесообразным в ответ на антироссийскую пропаганду создать и реализовать внутрироссийскую и внешнеполитическую пропагандистские парадигмы ведения ИПВ, основой которых могут стать консолидирующие общество идеи патриотизма, единства и многообразия народов России, а также всего Славянского мира.

Фактически речь идёт о воссоздании системы ведения информационно-психологической борьбы (ИПсБ), которая была разрушена в России в связи с деидеологизацией в постсоветский период. Предполагается, что воссоздание данной системы минимизирует социально-политические риски в условиях ведения Западом в отношении России скрытых информационно-психологических операций, подрывающих национальную и международную безопасность.

Воссоздаваемая система ведения информационно-психологической борьбы должна быть направлена на: реализацию решений Президента РФ, а также Правительства РФ в области обеспечения информационно-психологической безопасности государства; выполнение федеральными и региональными органами государственной власти заданий в интересах информационно-психологической безопасности РФ; реализацию специальными службами государства информационно-психологических операций, ориентированных на достижения превосходства в условиях ИПВ; вовлечение в ведение ИПсБ государственных и частных средств массовой информации, информационных агентств, политических партий, общественных, религиозных и волонтёрских организаций.

Общей целью функционирования системы ведения ИПсБ является обеспечение национальной безопасности России в информационно-психологической области путём противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию, ведения наступательных, превентивных и оборонительных информационно-психологических операций, идеологически взвешенной пропаганды и контрпропаганды.

Предполагается, что основными субъектами системы ведения ИПсБ должны стать в пределах своих полномочий специальные подразделения военных (Министерство обороны РФ, ФСВНГ России), разведывательных и контрразведывательных органов (СВР России, ФСБ России), а также Министерство иностранных дел РФ. В целях координации деятельности указанных органов государственной власти предлагается создание Центра стратегических коммуникаций при Президенте РФ, уполномоченного в области стратегического управления системой ведения ИПсБ.

Обеспечительными субъектами системы ведения ИПсБ выступают государственные и негосударственные организации и учреждения, а также отдельные личности, вовлечённые в процессы информационно-психологического воздействия.

Ожидается, что обеспечение комплексной защиты информационно-психологической сферы государства может быть достигнуто только путём воссоздания указанной системы ведения ИПсБ, в которую в качестве подсистемы будет входить система мер обеспечения информационно-психологической безопасности личности, общества и государства, при реализации которой применение в отношении населения России инструментов «мягкой силы» извне будет затруднено.

Выводы. Обобщая вышесказанное, отметим, что в условиях начала века «гибридных войн» именно информационно-психологическое оружие (прежде всего, пропаганда), являющееся основным средством ведения ИПВ, приобретает черты универсального оружия информационной эпохи, которое благодаря своей возможности воздействовать на многочисленные группы реципиентов становится своеобразным «средством массового поражения». В связи с этим целесообразным представляется интенсификация работ по реформированию государственной информационной политики с учетом необходимости противодействовать ведению против России со стороны наших противников специальных информационно-психологических операций, угрожающих национальной и международной безопасности.

Создание эффективной системы ведения информационно-психологической борьбы представляется наиболее приемлемым средством купирования угроз национальной безопасности России в информационно-психологической сфере, что обуславливает необходимость дальнейших научных разработок теории и практики ведения ИПВ в условиях научно-технического прогресса и перехода мира в информационную эру.

Литература

1. Буторов С.А. К вопросу о «Холодной войне»: начало новой или продолжение прошлой? (историко-культурологический аспект). – Вестник МГУКИ, 2014 – №6 (62). – С.42-48.
2. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне. – М.: Военный университет, 1997. – 246 с.;
3. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Мн.: Харвест, 1999. – 448 с.;
4. Лебедь В.Н., Терещенко Б.И., Восканян К.А. Управление процессами обеспечения кибербезопасности как фактор международной

стабильности. – Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. – Том 2. №4. – С. 30-37.

5. Макарова И.В., Паньчик А.В. Молодежь и информационные войны в условиях социально-экономической нестабильности. – Вестник Краснодарского университета МВД России, 2009 – №4. – 157-159.

6. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности: Учебное пособие. – М.: МИФИ, 2004. – 392 с.

7. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики. – PolitBook, 2015. – №1. – С.165-179.

8. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 180 с.;

9. Bartles Charles K. Getting Gerasimov Right. – Military Review, 2016. – № 1 (96) – P. 30-37.

10. Kasapoglu C. Rissia's Renewed Military Thinking: Non-Linear Warfare and Reflexive Control. – Rome: Research Division – NATO Defence Colledge, 2015. – № 121. – P. 1-12.

11. Monaghan A. The «War» in Russian's «Hybrid Warfare». – Parameters, 2016. – №4. – P. 65-74.

Kravtsov D.N. ROLE AND IMPORTANCE OF MODERN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARS IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY

In the article the questions of specificity of conduct of modern information-psychological warfare (IPW) are investigated. The most modern means and methods of its conduct are determined, as well as the need to develop and implement measures to counteract its destructive influence. It is noted that in today's conditions of conducting «hybrid wars» informational and psychological weapons are one of the main means of conducting IPW. The necessity of intensifying the work on reforming the state policy in the field of providing information and psychological security with the consideration of the necessity of counteracting the destructive influence of geopolitical opponents of Russia is substantiated. This impact is presented as a threat to national security. The conclusion is drawn on the expediency of creating an effective system of conducting information and psychological struggle as a means of overcoming threats to Russia's national security in the information and psychological field. The necessity of further scientific researches of various aspects of modern information-psychological warfare is substantiated.

Key words: *information-psychological warfare, propaganda,*

informational-psychological weapon, «hybrid war», national security.

Рецензент: Исаев В.Д. – д. филос. н., профессор.

Кравцов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

УДК: 008

Лебедь В.Н., Деркач А.А., Восканян К.А.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье отмечается, что основным фактором риска для информационной подсистемы социума выступают масштабные социокоммуникативные и социокультурные трансформации, которые несут в себе ряд негативных социальных последствий. Обосновывается, что состояние информационной перегрузки, приводит к возникновению различных проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности как самого субъекта, так и имеющейся у него информации.

Ключевые слова: *информационное общество, информационная культура, информационная безопасность, информационная сфера, информационные технологии.*

Постановка проблемы. Необходимость в осмыслении проблемы безопасности социальных субъектов связана с характерным для современности ростом интенсивности информационных потоков. В философском познании возникают новые задачи, связанные с приведением методологических средств философской науки в соответствие с мировоззренческой парадигмой нестабильности современного мира и пониманием того, что рост информации – это и необходимое условие в функционировании и развитии социальных систем, и значительная угроза для общества.

На данном этапе развития человечества социальный субъект вступил в новую фазу, где основным предметом труда является информация и знания, орудием труда – информационные технологии и средства

коммуникации, а само общество становится информационным.

Обращение общественного сознания к проблемам информационной безопасности связано с новыми особенностями жизни в современном обществе. Сокращаются социальные практики аграрного и индустриального производства – они технолоизируются, становятся интеллектуально и информационно насыщенными. Все большая часть общества втягивается в работу с информацией, информация становится важнейшим ресурсом общества. Наряду с понятиями «промышленная индустрия», «инфраструктура промышленности» все чаще в деловой речи мы встречаем понятие «информационная индустрия», «информационная инфраструктура».

Для наступающей информационной эпохи характерна специфическая форма социальной организации, в которой новые информационные технологии становятся фундаментальным источником производительности и власти (М. Кастельс [1]). Сегодня любая социальная практика, особенно связанная с производством и управлением в широком смысле этого слова, актуализирует определенный спектр информации и обусловлена проблемой информационной безопасности.

Нарастание сложности, многоаспектности социальной жизни, рост скорости её течения связаны с ростом интенсивности информационных процессов в обществе и возрастающей скоростью старения информации. Подобная ситуация вызывает в жизни новые риски и угрозы, одновременно приумножая прежние. Риски и угрозы являются основными параметрами, с помощью которых прогнозируются и решаются любые социальные проблемы. Безопасность субъекта, как и безопасность системы общества в целом, формируется наличием / отсутствием информации и возрастающей скоростью старения информации. Причиной и того, и другого является рост интенсивности коммуникаций в обществе [2 – 4].

Сегодня становление информационного общества во всем мире зависит от множества различных факторов, среди которых одним из важнейших является его информатизация. Современный этап информатизации общества можно охарактеризовать следующим образом: с одной стороны, происходит бурный рост информации (т.е. ее производство и накопление) по количественным и качественным показателям, с другой стороны, субъект информационных отношений (человек, общество) не способен за короткий срок обработать весь объем повседневной и научной информации, поступающей к нему. В результате наступает состояние информационной перегрузки, что приводит к возникновению различных проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности как самого субъекта, так и имеющейся у него информации.

Анализ последних исследований и публикаций. Результаты анализа научных источников и публикаций свидетельствуют, что, несмотря на достаточно существенные проработки проблемы информационной безопасности в различных ее проявлениях, единства в понимании сущности данного феномена в современной научной парадигме нет. Обобщающее философское осмысление данной проблемы в контексте информационной культуры тоже, к сожалению, находится не на должном уровне.

Цель статьи. Целью статьи является дальнейшую обработку сущности феномена информационной безопасности в контексте информационной культуры.

Основная часть. Современное общество становится все более информационным, не только из-за того, что оно насыщается информацией и информационными технологиями, но и потому, что его социальное и экономическое развитие зависят от владения адекватной информацией и от умения правильно пользоваться ею. Главную роль в обществе играет информация, причем точная, доступная и своевременная. На этом основании информация превращается в третий вид ресурсов, наряду с веществом и энергией. Все это ведет к тому, что во всем мире происходит постепенная информатизация общества.

Как справедливо утверждает А. Маркозова, «информационное общество и его система ценностей является не только благом, которое способствует становлению самостоятельной личности, развития ее внутренних ресурсов, но и несет угрозу традиционным ценностям и культуре, и современная цивилизация стремительно трансформируется в «общество рисков», которое усложняет процессы жизнедеятельности человека» [5, с. 179].

По мере освоения информационной сферы, человек на своем пути встречает определенные трудности, некоторые из которых ему приходится решать самостоятельно. Это приводит к проблеме формирования у субъекта информационной культуры, от уровня которой зависит способность человека адекватно реагировать на изменения, происходящие вокруг него [6; 7].

Если попытаться кратко охарактеризовать понятие «информационная культура», то можно сказать, что оно содержит в себе обобщения, касающиеся информационных знаний, умений и навыков человека, его способности работать с информацией и т.п. [6; 8]. Информатизация и развитие информационных технологий влияют на формирование информационной культуры субъекта (человека, общества) и качественно определяют ее состав и свойства.

Сегодня, в условиях «информационного взрыва», на первое место

выходит умение пользоваться информацией, а усвоение знаний отходит на второй план, влияет на всю структуру системы образования и на подготовку субъектов для работы в любой сфере. Таким образом, чем выше уровень информатизации и информационной культуры субъекта (человека, общества), тем меньше возникает проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности.

Современные темпы развития информационных технологий превзошли все ожидания и опровергли даже самые смелые прогнозы. Дело в том, что отдельные подсистемы обработки информации (операционные системы, сети) развиваются быстрее, чем инфраструктура, в которой им определено работать. Возможности аппаратуры растут сейчас намного быстрее, чем ожидалось в многочисленных прогнозах десятилетней давности. Достаточно вспомнить, что объем дисковой памяти сегодня каждые три года увеличивается в четыре раза, а емкость оперативной памяти удваивается не каждый год, как было еще недавно, а каждые шесть месяцев. В результате соответствующая инфраструктура, которая строилась на основе вчерашних прогнозов, сегодня оказывается бессильной перед лицом информационного взрыва, в результате чего появляется информационный стресс [8; 9].

Информационный стресс возникает обычно на основании того, что психические и физиологические возможности человека ограничены при восприятии информации, и в дальнейшем может привести к возникновению серьезных заболеваний, связанных с расстройством нервной системы. Информационный стресс – это состояние информационной перегрузки, когда субъект (человек, общество) не справляется с поставленной задачей, не успевает принимать верные решения в требуемом темпе, будучи ответственным за последствия последних [10]. Его вызывают большие объемы данных, которые субъект не в состоянии осмыслить и обработать, и высокопроизводительные сети. Даже самые современные системы не справляются с возложенными на них задачами, а самое дорогое программное обеспечение работает нестабильно. В этих условиях субъект оказывается неспособным охватить всю поступающую информацию. Мало того, с этой задачей не справляется даже программное обеспечение.

Информационный стресс приводит к всевозможным проблемам информационно-психологической безопасности, ликвидировать его не удастся даже путем установки нового оборудования.

Если бы новые технологии развивались по линейной зависимости, как несколько лет назад, об информационном стрессе можно было и не говорить: операционные системы успевали бы обрабатывать все массивы

данных, памяти хватало бы для хранения информации, каналы ввода / вывода не задерживали бы совместную работу и т.п. Однако сегодня этого не наблюдается. Возникает волна необработанных запросов и потерь производительности, и все вместе это порождает информационный стресс [8].

Одна из функций информационной культуры – это защита от информационного стресса, который во многом порождается дисбалансом между растущим потоком информации и способностью субъекта (человека, общества) к её обработке [6; 7, 11].

В жизни субъекта (человека, общества) не могут быть моменты, когда последний не принимал бы участия в информационном взаимодействии: производстве информации, ее передаче и использовании. В процессе своего развития он одновременно является потребителем, неким хранилищем, «машиной» по обработке информации и источником последней. Информация, поступающая к субъекту, включается в чрезвычайно сложный и противоречивый процесс формирования установок по отношению к тем или иным ценностям. Информация меняет в определенном смысле те или иные элементы сознания и затем через нее – элементы общественного сознания. Постепенно постоянное производство и потребление информации приводит к тому, что ее количественное накопление уступает место качественным изменениям. Это, в свою очередь, приводит к возникновению проблем информационной безопасности субъекта (человека, общества), связанных с негативным влиянием информации на его сознание.

Информационное поведение субъекта (человека, общества) в современном мире может носить активный и пассивный характер, это определяется уровнем его информационной культуры. Обеспечение информационной безопасности субъекта, связанное с уровнем его информационной культуры, причем, чем выше этот уровень, тем меньше неприятностей возникает у человека со стороны информации и информационных технологий, влияющих на нее [12]. На этом основании можно сделать следующий вывод: уровень информационной культуры субъекта прямо пропорционален уровню информационной безопасности и, причем, чем выше уровень информационной культуры – тем меньше угроз последней (то есть тем выше уровень информационной безопасности).

На современном этапе развития информационного общества проблема обеспечения защиты субъекта-потребителя информации от вредного информационного воздействия приобретает особое значение. Отрицательный момент заключается в том, что обозначенная проблема только начинает исследоваться в нашей стране теоретически, в связи с

этим, существенный интерес представляет зарубежный опыт в данной области.

Один из самых выдающихся теоретиков информационного общества – Элвин Тоффлер – в своих работах впервые описал негативные последствия информатизации и симптомы информационного стресса [13; 14]. Характеристикой информационного века, по Э. Тоффлера, является рост темпов производства и распространения информации [13].

Высокий темп информатизации (или, в терминологии Э. Тоффлера, чрезмерная стимуляция) требует от субъекта нового уровня адаптивности, который ему еще недоступен. Субъект (человек, общество) не имея необходимых стратегий выхода из этого информационного кризиса, подвержен болезни, которую Э. Тоффлер называет «футурошок», а мы называем информационным стрессом. Данная болезнь представляет собой «человеческую реакцию на чрезмерную стимуляцию» [15, с. 37]. Он описывает три уровня чрезмерной стимуляции, которые влияют на поведение субъекта:

- когнитивный уровень (на данном уровне рассмотрения происходит чрезмерная стимуляция умственной деятельности субъекта, снижает его возможности в отборе, оценке информации, вследствие чего, наступает информационный стресс);

- уровень принятия решений (чрезмерные потоки информации вызывают у субъекта стресс, который мешает ему принимать любые решения в тот момент, когда это необходимо);

- сенсорный уровень (на этом уровне осуществляется чрезмерная стимуляция чувств субъекта, когда последний получает большое количество новой информации, у него снижается точность передачи образов, в результате чего пропадает барьер между реальным и виртуальным мирами).

Э. Тоффлер также описывает четыре стратегии поведения субъекта, склонного к информационному стрессу. Они имеют негативный оттенок, поскольку являются результатом плохой адаптации субъекта к возникновению стресса [15, с. 38-39]:

- стратегия супер-упростителя (субъект пытается найти одно общее решение для всех проблем, тоже не дает желаемого результата)

- стратегия ревизиониста (постоянное возвращение к стратегиям, которые в прошлом смогли помочь субъекту, но в данной ситуации они не подходят)

- стратегия специалиста (состоит в игнорировании субъектом всей ненужной информации, кроме рассматриваемого им направления, однако такая специализация может устареть под влиянием неизвестных внешних и

внутренних факторов);

- стратегия барьера (человек пытается исключить нежелательную реальность, изъять весь поток новой информации; субъект, использующий данную стратегию, пытается приспособиться к изменениям, но все равно у него будут наблюдаться симптомы стрессового состояния).

Э. Тоффлер говорит о том, что в данной ситуации необходимо выработать новые приемлемые стратегии для дальнейшего выживания субъекта (человека, общества). Одной из таких должно быть развитие информационной грамотности. Он пишет: «Школа будущего должна учить не просто фактам, а тому, как классифицировать информацию, как оценить ее правдоподобие, как спрогнозировать возможные негативные последствия информационного воздействия – как учить себя» [15, с. 39].

В связи с вышеперечисленными стратегиями Э. Тоффлер определяет многие из основных проблем информационного общества и, прежде всего, проблему информационного стресса. Одним из первых он осознал, что развитие информационной грамотности субъекта является стратегией выживания последнего в условиях информационных перегрузок.

Проблемы информационной грамотности субъекта в зарубежной литературе часто рассматривались во взаимосвязи с глубоким, вдумчивым чтением. Наиболее полно эти вопросы разработаны в монографии С. Биркерта «Элегии Гуттенберга: Судьба чтения в электронном веке» [16]. С. Биркертс выражает идею, которая заключается в том, что поиски правды (то есть того, что нельзя поставить под сомнение; истины), которую пытается найти субъект (человек, общество) требуют глубокого чтения и глубокого мышления, т.е. критического мышления. Он говорит о том, что глубокое чтение, или вертикальное чтение, относится к периоду возникновения книгопечатания, когда научной литературы почти не было: «Книга была чем-то вроде Библии, которую постоянно перечитывали, а в некоторых местах возвращались снова и снова для глубокого понимания сути» [16, с. 62].

С Биркерта противопоставляет печатные и электронные тексты, отмечая, что только первый является строго линейным, иерархическим и контролируемым, а в последнем: «Основное движение – горизонтально-ассоциативное, а не вертикально кумулятивное, как в печатных текстах» [16, с. 54].

Он отмечает, что в визуальных средствах впечатление и образ преобладает над логикой (то есть зрительный образ воспринимается в основном иррационально, что и определяет неспособность субъекта к критической оценке такой информации). Эта потеря линейности, иерархичности и хронологии по С. Биркерта приводит к тому, что вся

информация воспринимается как равноценная и доступная, это усложняет ее отбор и ведет к информационным перегрузкам. Такое положение он называет когнитивным коллажем, который «влияет на внимание, способность вчитываться в текст, способность размышлять над его сложностями, способность извлечь смысл из оригинального ритма и синтаксиса». Под глубоким чтением он понимает «медленное, задумчивое овладение книгой» [16, с. 57], и делает вывод о том, что информационное пространство является угрозой для критического осмысления субъектом информации, ведет к проблеме ее дифференциации.

Таким образом, дальнейшая информатизация общества и насыщения его новыми информационными технологиями ставит под угрозу само существование вдумчивого чтения у современного человека.

Одной из центральных и часто обсуждаемых проблем информационной безопасности является количественный и качественный подходы к информационным перегрузкам. Большая часть зарубежных исследователей конца XX века занимали сторону количественного подхода (связывали информационные перегрузки с невероятно большим объемом информации, в эпицентре которого находился субъект-исследователь). Этой позиции придерживался и Э. Тоффлер, считая, что постоянно растущие объемы новой информации провоцируют футурошок. Однако он также писал о том, что, приобретая и структурируя информацию, можно расширить ее жесткие границы, после чего субъект способен критически ее осмыслить (он хотел сказать, что, повышая качество информации, можно в определенной мере снять количественные ограничения) [15, с. 33].

Среди зарубежных исследователей информационных перегрузок были также сторонники качественного подхода. Среди них: Б. Мильтон [17], Р. Оуэн [18], М. Хилл [19] и другие. Они указывали, что причиной информационного стресса является не избыток информации, а появление больших объемов низкокачественной информации, в результате чего субъект не мог ее критически осмыслить, то есть превратить в знания. Б. Мильтон утверждал, что «Одна из Ирон нового информационного века заключается в том, что первое, с чего всегда начинается разговор об информации – то, что мы имеем ее слишком много ...» [17, с. 8].

Информации не может быть слишком много, просто существует огромное количество ненужной информации, которая заставляет субъекта знать меньше, чем он знал до ее получения. Информация – всего лишь сырье, а решения принимаются на основе знаний, мудрости, интуиции и понимания, то есть продуктов ее переработки [17].

Р. Оуэн также выступает против количественного подхода. По его мнению, невозможно провести четкую грань восприятия информации,

поскольку субъект имеет множество ресурсов для их обработки, каждый из которых имеет свои собственные ограничения. Он осознает, что этот предел, то есть предельное количество информации, которую субъект может критически осмыслить, зависит не от ее количества, а от мастерства обработки [18].

Сегодня большинству зарубежных исследователей становится понятно, что причина информационного стресса связана не с количеством информации, как ресурса, а с ее низким качеством обработки [8].

Суть проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности человека и общества, заключается в том, что информационная сфера ежедневно расширяется все больше и больше, как в объеме, так и в современных средствах обработки информации [20]. Таким образом, человек теряет способность контролировать то, что происходит, что приводит к росту его внутренней напряженности и возникновению стрессовых ситуаций [21, с. 81].

Выводы. Информационная безопасность – одна из острых социокультурных проблем современного общества, которая имеет системный характер и касается деятельности основных институтов и подсистем; в контекст ее влияния попадают ключевые социокультурные процессы, происходящие в обществе. Ключевым фактором риска для информационной подсистемы социума выступают масштабные социокоммуникативные и социокультурные трансформации, которые несут в себе ряд негативных социальных последствий. В последние годы четко фиксируются дезорганизационно-дисфункциональные тенденции, непосредственно связанные с высокими скоростями информационных изменений.

Избыток низкокачественной информации, который наблюдается на данном этапе развития информационного общества является не единственной проблемой обеспечения информационной безопасности. В данную проблематику также входит проблема формирования у человека соответствующего уровня информационной культуры, который препятствовал бы возникновению у нее стрессовых ситуаций при работе с информацией и информационными технологиями.

Формирования у современного субъекта соответствующих навыков и умений для работы в информационной сфере – это задача не только системы образования, о чем сегодня ведут речь чаще всего, но и каждого индивида в отдельности. Поэтому обеспечение информационной безопасности в современном обществе зависит от многих факторов, в том числе и от того, как будет вести себя человек в той или иной стрессовой ситуации.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс – М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
2. Дзёбань А.П. Философия информационных коммуникаций: монография / А.П. Дзёбань. – Харьков: Майдан, 2012. – 224 с.
3. Дзёбань А.П. Информационное насилие и безопасность: мировоззренчески-правовые аспекты: монография / А.П. Дзёбань, В. Пилипчук; под общ. ред. проф. В. Пилипчук. – Харьков: Майдан, 2011. – 244 с.
4. Дзёбань А.П. Информационная безопасность в проблемном поле социокультурной реальности: монография / А.П. Дзёбань. – Х.: Майдан, 2010. – 260 с.
5. Маркозова А.А. Достижения жизненного успеха человека в условиях информационной перегрузки // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»; редкол.: А.П. Гетман и др. – Х.: Право, 2016. – № 4 (31). – С. 175-182.
6. Прудникова А.В. Информационная культура: концептуальные основы и мировоззренческий смысл: монография / А.В. Прудникова. – Х.: Право, 2015. – 352 с.
7. Прудникова А.В. Информационная культура в информационном обществе // Научный журнал Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова.: Сб. научных трудов; под общ. ред. В.П. Андрущенко. – М., 2013. – Вып. 30 (43). – С. 159-166.
8. Калиновская Н.А. Информационный стресс. Информационно-психологическая безопасность личности как качественная характеристика информационной культуры человека: монография / Н.А. Калиновская, Д.Ю. Устимов. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.twirpx.com/file/354820>
9. Терещенко Э.В., Есяян М.Л. Информационный стресс: психологические и социальные аспекты. : [Электронный ресурс] – URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Psiholog_ia/12_102600.doc.htm
10. Дзёбань А.П., Мануйлов Е.М. Современное общество как общество с деформированной ответственностью // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»; редкол.: А.П. Гетман и др. – Х.: Право, 2016. – № 4 (31). – С. 14-26.
11. Прудникова А.В. Антропологические горизонты информационной культуры виртуального пространства //

Политологический вестник: сб. научных трудов. – М., 2014. – Вып. 75. – С. 71-80.

12. Чурашева А.Л. Информационная культура и информационная безопасность личности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 188-190.

13. Тоффлер Э. Футурошок / Элвин Тоффлер. – СПб. Лань, 1997. – 461 с.

14. Тоффлер Э. Шок будущего / Элвин Тоффлер; [Пер. с англ.]. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 557 с.

15. Toffler A. The Third Wave / A. Toffler. – Toronto (etc.): Bantam Books, 1981. – 394 г..

16. Birkerts S. The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age / S. Birkerts. : [Электронный ресурс] – URL: http://archives.obs.com/obc/english/books/nn_bdbirk.html.

17. Milton B.G. Making Sense or Non-sense: Key Issues in the Information Age // Canadian Vocational Journal. – 1989. – Vol. 24. – № 3. – P. 5-9.

18. Owen R.S. Clarifying the Simple Assumption of the Information Load Paradigm. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.acrwebsite.org/search/>

Lebed V.N., Derkach A.A., Voskanyan K.A. MANAGEMENT OF INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF INFORMATION CULTURE: COMMUNICATIVE AND SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS

The article notes that the main risk factor for the information subsystem of the society are large-scale sociocommunication and socio-cultural transformations that carry a number of negative social consequences. It is substantiated that the state of information overload leads to the emergence of various problems related to ensuring information security of both the subject and the information available to him.

Key words: *information society, information culture, information security, information sphere, information technologies.*

Лебедь Виктор Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации и управления Белгородского государственного аграрного университета им. В. Горина (Белгородская обл., п. Майский, РФ).

Деркач Андрей Анатольевич – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Восканян Кристина Арсеновна – студентка факультета управления процессами перевозок Ростовского государственного университета путей сообщения (г. Ростов-на-Дону, РФ).

УДК: 343

Гавлицкий Е.М., Гавлицкая П.В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И МЕТОДЫ ЕЁ УКРЕПЛЕНИЯ

В статье через призму философско-политологического анализа исследована сущность понятия «национальная безопасность». Сделан вывод о фундаментальном значении национальной безопасности для прогрессивного развития любого государства. Рассмотрены методы и пути укрепления национальной безопасности Донецкой Народной Республики в военных условиях.

Ключевые слова: *национальная безопасность, угроза, конфликт.*

Постановка проблемы. Современные политические процессы в мире, и прежде всего геополитическое соперничество России и Запада, обуславливают поиск направлений модернизации существующей системы международной и национальной безопасности. Глобализация и вытекающие из нее новые вызовы и угрозы поставили вопрос перед политиками и учеными о необходимости кардинального пересмотра сложившихся представлений о системах безопасности национальных государств. При этом приоритеты современного развития любых государств в значительной степени зависят от осознания ими собственных национальных интересов, ясного понимания путей и средств их реализации, а также четкости и эффективности обеспечения национальной безопасности, что актуализирует её всесторонний анализ в целях выработки мер её модернизации.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием национальной безопасности в современном мире сегодня занимаются многие ученые. Существенный вклад в изучение национальной безопасности внесли такие ученые, как: Баранов Н.А., Серебрянников В.В., Бельков А.О. и многие другие. В их работах отмечается, что, хотя исследованием вопросов национальной безопасности занимаются уже более 30 лет, интерес к этой теме не только не иссяк, но и с каждым годом

увеличивается. И обусловлено это, прежде всего, тем, что национальная безопасность является важнейшим условием благоприятного развития всего общества.

Цель исследования. Целью данной статьи является изучение феномена национальной безопасности, а также разработка мер эффективизации обеспечения национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Проблема обеспечения безопасности на протяжении всего периода становления общества занимала особое место в его сознании, которое укреплялось и расширялось по мере возрастания угроз как внутри общества, так и извне.

Само понятие «национальная безопасность» возникло сравнительно недавно. Первое употребление этого термина приписывают Т. Рузвельту в его послании конгрессу США 1904 г., в котором было обосновано присоединение зоны Панамского канала интересами «национальной безопасности». Сама концепция возникла с принятием Акта по национальной безопасности 1947 г., на основании которого был утвержден Совет национальной безопасности США [3, с. 55-61].

В отечественных теоретических исследованиях и нормативных актах понятие «национальная безопасность» появилось только в начале 90-х. В 1990 году в структуре комитета Верховного Совета СССР по обороне был учрежден фонд национальной безопасности. В 1991 году был создан Совет Безопасности при президенте СССР, а затем и при президенте Российской Федерации.

«Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [1, с. 141].

На наш взгляд, более точное определение термину «национальная безопасность» дано профессором, доктором политических наук Санжаревским И.И.: «Национальная безопасность – это защищенность государства от внешних и внутренних угроз, устойчивость к неблагоприятным воздействиям извне, обеспечение таких внутренних и внешних условий существования страны, которые гарантируют возможность стабильного прогресса общества и его граждан» [4, с. 336].

Национальная безопасность Донецкой Народной Республики включает в себя: безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности, и иные виды безопасности, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республикой.

Национальную безопасность Донецкой Народной Республики обеспечивает Глава Донецкой Народной Республики, Совет Безопасности Донецкой Народной Республики, Совет Министров Донецкой Народной Республики, органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

Правовые основы обеспечения национальной безопасности Донецкой Народной Республики закреплены Законом Донецкой Народной Республики «О безопасности», принятым Постановлением Народного Совета от 12.12.2014 года.

Основными принципами обеспечения безопасности в Донецкой Народной Республике являются:

- 1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) системность и комплексность применения органами государственной власти Донецкой Народной Республики, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- 4) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;
- 5) взаимодействие органов государственной власти и других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности [2].

Обеспечение национальной безопасности Донецкой Народной Республики – это деятельность не только государства, но и всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленная на защиту национальных интересов, их практическую реализацию.

Национальная безопасность основывается на трёх основных китах: национальные интересы, наличие угрозы, защита (обеспечение) национальной безопасности.

Национальные интересы состоят из интересов государства и общества в целом, которые вытекают из индивидуальных интересов отдельных граждан.

Наличие угрозы – совокупность различных факторов и условий, из которых возникает опасность национальным ценностям, интересам граждан, общества и государства.

Защита (обеспечение) национальной безопасности, которая достигается путем совместной, целенаправленной деятельности государственных и общественных институтов, а также самих граждан,

принимающих непосредственное участие в выявлении и предупреждении различных угроз национальной безопасности, а также в противодействии им [5, с. 226].

Основной угрозой национальной безопасности Донецкой Народной Республики по-прежнему остается вооруженный конфликт, возникший на почве социально-этнических разногласий, ущемления свобод, законных прав и интересов граждан Донецкой Народной Республики со стороны властей Украины.

Таким образом, для укрепления национальной безопасности Донецкой Народной Республики необходимо применять меры по укреплению государственности Республики, которые будут способствовать деэскалации возникшего конфликта, путем применения следующих мер:

Политических:

- организация встреч глав государств и правительств;
- переговоры и консультации по улучшению межгосударственных отношений;
- объявление ультимативных требований государству-агрессору;
- использование международных институтов ООН и ОБСЕ для принятия санкций по отношению к государству, дестабилизирующему международную обстановку.

Дипломатических:

- укрепление мер доверия;
- организация визитов политических лидеров и делегаций на территорию Донецкой Народной Республики;
- активизация переговоров по вопросам, вызвавшим напряженность во взаимоотношениях государств.

Экономических:

- прекращение или расширение внешнеэкономических связей;
- проведение переговоров по торгово-экономическим проблемам;
- заключение долгосрочных договоров на взаимовыгодных основах;
- осуществление блокады воздушных, наземных и морских границ.

Правовых:

- требование соблюдения норм международного права;
- использование международных правовых институтов.

Военных:

- наращивание состава Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики;
- демонстрация военных сил вдоль линии соприкосновения.

Информационно-психологических:

-
- активизация пропаганды необходимости соблюдения международных договоров и соглашений;
 - информирование населения и воинских сил, а так же международного сообщества о причинах и истинных целях конфликта;
 - психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды;
 - освещение событий и их пагубных последствий для граждан Донецкой Народной Республики и мирового сообщества в целом.

Выводы. Национальная безопасность является основополагающим элементом развития государства и общества, способствует развитию отдельного гражданина и общества в целом, оказывает непосредственное влияние на экономическое развитие государства, его внешнеполитические отношения на мировой арене. Укрепление национальной безопасности является приоритетным направлением государственной политики в процессах становления Донецкой Народной Республики. Проблема национальной безопасности затрагивает каждого члена общества, следовательно, все граждане обязаны способствовать укреплению национальной безопасности, что является гарантией заинтересованности каждого в созидании общего независимого будущего Донбасского края.

Литература

1. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. – М., 2005 – 412 с.
2. Закон ДНР «О безопасности»: [Электронный ресурс] – URL: <http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2014/07>.
3. Кравцов Д.Н. К вопросу о безопасности личности, общества и государства в свете философских концепций // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск №1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2016. – С. 55-71.
4. Санжаревский И.И. Словарь-справочник. – М., 2010. – 649 с.
5. Смутьский С.В. Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации // Философско-политологические проблемы национальной и военной безопасности. – М., 2002. – 441 с.

**Gavlistkiy E.M., Gavlitskaya P.V. NATIONAL SECURITY OF THE
DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND METHODS OF ITS
STRENGTHENING**

In the article, the essence of the concept of «national security» was studied through the prism of philosophical and political analysis. A conclusion is drawn on the fundamental importance of national security for the progressive development of any state. The methods and ways of strengthening the national security of the Donetsk People's Republic in military conditions are examined.

Key words: national security, threat, conflict.

Рецензент: Звонок Н.С. – к. филос. н., доцент.

Гавлицкий Евгений Михайлович – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

Гавлицкая Павлина Владимировна – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

УДК 343

Лагер Б.А.

ГОСУДАРСТВО КАК ОСНОВНОЙ СУБЪЕКТ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследуются сущность понятий «государство», «национальная безопасность», причины, которые повлияли на их появление и становление, а также факторы, обуславливающие современные методы обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, государство, механизм обеспечения, субъект.

Постановка проблемы. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью поиска оптимальной модели национальной безопасности, соответствующей реалиям глобализирующегося мира. Проблема, поднятая в данном исследовании, актуальна как с политической, так и с научно-исследовательской точки зрения, по ряду факторов, вызванных к жизни кардинальными изменениями в системе международных отношений. Среди них – трансформация роли национального государства как основного субъекта национальной безопасности, появление новых вызовов и угроз, столкновение тенденций построения однополярного мира и,

противостоящих им тенденций укрепления ценностно-культурологической и политической многополярности современного миропорядка.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием факторов системы национальной безопасности сегодня занимаются многие видные ученые и мировые научно-экспертные организации. Существенный вклад в изучение геополитических проблем современности внесли ведущие западные и российские ученые, такие как: Н. Лабуш, М. Курбатов, Ю. Красов, Н. Нижник, И. Валлерстайн др., а также такие организации как: РИСИ (Российский институт стратегических исследований), «Изборский клуб», Комитет по вопросам разоружения и международной безопасности при ООН. В то же время вопреки появлению значительного количества публикаций, посвящённых данной проблематике, сохраняется много нерешенных вопросов повышения эффективности механизма обеспечения государственной безопасности, что обусловлено быстро изменяющейся конъюнктурой в мировых военно-политических процессах. Все это и обусловило актуальность избрания нами темы исследования.

Цель исследования. Рассмотреть факторы, которые влияют на систему национальной безопасности, сложившуюся за последнее десятилетие.

Основная часть. Государство представляет собой динамичную систему, установленную обществом для выполнения функций защиты и управления посредством собственного аппарата управления, которую условно можно было назвать «государство для общества», и эволюционировавшую в самостоятельную, независимую систему «единое государство», автоматически выполняющую функции защиты от внешних и внутренних угроз, лишь номинально зависящую от интересов общества, подчиненную небольшой группе «управляющих» этой системой. При этом все прежние признаки государства, а именно публичная власть, аппарат управления, система права, суверенитет, гражданство, система принуждения (суд, охрана правопорядка), налоговые сборы, территория и границы, политическая деятельность, нормирование жизни общества, собственная денежная система, государственные символы, собственная экономика, вооруженные силы сохраняются, но под влиянием различных внешних или внутренних факторов могут видоизменяться [1, с. 93].

Объектами национальной безопасности выступают права и свободы личности; материальные и духовные ценности общества; конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность государства. Субъекты обеспечения национальной безопасности – это государство (в лице органов законодательной, исполнительной, судебной власти); граждане; общественные и иные организации и объединения граждан, обладающие

правами и обязанностями участвовать в обеспечении национальной безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Общей функцией системы национальной безопасности является выработка стратегии национальной безопасности, предусматривающая подготовку и использование сил и средств, координацию информации об угрозах, контроль за реализацией стратегии национальной безопасности и т.д. Специфическими функциями субъектов обеспечения национальной безопасности являются создание и поддержание в состоянии готовности сил и средств, обеспечение их жизнедеятельности и управление ими в повседневных и чрезвычайных условиях и т. д. [7, с. 118].

Определение государства содержит ряд таких важных элементов как собственность (ресурсы), территория, население и власть.

Взаимоотношения личности и государства, личности и общества строятся на основе единства их прав и обязанностей по отношению друг к другу. Только при таком условии осуществляется баланс интересов личности, общества и государства, посредством которого достигается стабильность мирного разрешения возникающих проблем и конфликтов [3, с. 29].

Государство в процессе реализации своей социальной и иных функций обеспечивает безопасность личности и всего общества [6, с. 174].

Главным субъектом национальной безопасности считается государство, выполняющее функции в этой сфере через органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Закон определяет силы и средства обеспечения безопасности в структуре силовых ведомств, органов, обеспечивающих безопасное ведение работ в промышленности, энергетике, на транспорте и в сельском хозяйстве; службы обеспечения безопасности средств связи и информации, таможи, природоохранных органов, органов охраны здоровья населения и других государственных органов обеспечения безопасности, действующих на основании законодательства.

Ведущими принципами обеспечения национальной безопасности считаются: законность; соблюдение баланса актуально весомых интересов личности, общества и государства; обоюдная обязанность личности, общества и страны за обеспечение безопасности; интеграция с международными системами защищенности.

Правительство гарантирует национальную безопасность всей своей совокупной силой, которая ориентируется на природные ресурсы, уровень развития экономики, морально-политический потенциал населения,

геополитическое положение государства и, в конце концов, состояние военных сил.

Аргументированным представляется взгляд Н.С. Лабуша, который в соответствии с традиционным подходом к пониманию механизма государства выделяет альтернативные группы органов, с помощью которых государство осуществляет некоторые свои функции: «в механизме государства предлагается различать органы, осуществляющие все его основные функции, и органы, осуществляющие представительные функции, а ко второй – различные органы отраслевого управления и такие специальные органы и учреждения, как суд, прокуратура, армия, милиция и др. Среди многообразия функций государства возможно выделение однородных направлений, которые осуществляются преимущественно силовыми (насилованными) средствами, – таких внешних функций, как оборонная – защита границ и территории страны – и военно-агрессивная – вмешательство в дела других стран, захват территории и т.д. Объединив органы, выполняющие однородные функции государства преимущественно средствами принуждения и обеспечивающие их, мы можем говорить о совокупности силовых структур государства, образующих силовой механизм» [5, с. 311].

О.М. Алехина считает, что в Российской Федерации правоохранительные органы и вооруженные силы относятся к органам исполнительной власти, поэтому они входят в структуру механизма современного Российского государства, но являются лишь отдельными его элементами. В демократическом правовом государстве, в отличие от тоталитарного и авторитарного, их роль в государственном механизме должна подчиняться общей тенденции по охране и защите личности, реализации ее прав и свобод, обеспечению ее безопасности. В данных условиях эти структуры не являются какими-либо основными, базовыми, что предопределяло бы необходимость особого выделения их в определении и структуре механизма современного государства Российской Федерации [3, с. 27].

Основополагающими принципами государственного регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности являются ориентация на государственно-правовой механизм противодействия угрозам национальной безопасности и реализация национальных интересов и целей. Реализовывая политическую и социальную функции, Российское государство целенаправленно воздействует на сферу обеспечения национальной безопасности с помощью определенных средств и системы своих органов – в этом проявляется сущность государственного регулирования деятельности по обеспечению национальной безопасности

[6, с. 311].

Механизм обеспечения национальной безопасности может подниматься в узком и широком значении. При анализе в узком значении он выдвигается как составная часть государственного устройства и представляет собой систему государственных организаций, органов, учреждений, а также негосударственных институтов, специально создаваемых для обеспечения безопасности либо наделяемых специальной функцией на определенный период времени, взятую в их взаимодействии и практическом функционировании.

Элементами механизма обеспечения безопасности представляются: 1) государственные органы и организации, осуществление функции обеспечения безопасности, для которых она является основной; 2) государственные органы и организации, осуществление функции обеспечения безопасности, для которых эта функция является производной и реализуется в случае возникновения соответствующих угроз; 3) негосударственные организации, привлекаемые государством либо непосредственно создаваемые обществом для выполнения функции обеспечения национальной безопасности.

Основными принципами государственного регулирования в сфере обеспечения государственной защищенности считают ориентацию на государственно-правовой устрой противодействия угрозам государственной защищенности и осуществление государственных интересов и целей. Исполняя политическую и социальную функции, правительство преднамеренно влияет на сферу обеспечения государственной защищенности с поддержкой конкретных средств и системы собственных органов – в данном случае имеет место быть тенденция муниципального регулирования работы по реализации государственной защищенности.

Механизм обеспечения национальной безопасности – динамическая система, в рамках которой можно выделить следующие стадии: формулирование интересов, защита которых будет обеспечиваться; выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам общества и государства; выработка системы мер по противодействию угрозам; нейтрализация угроз; осуществление мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности.

Эффективность механизма обеспечения государственной защищенности во многом ориентируется тем, как он способен помогать сохранению целостности нации, прочности социальных отношений, воспроизводству национально-культурных ценностей, преодолению политических, боевых, финансовых, общественных упадков, имеет ли

возможность сделать посылка размеренного становления. Это не лишь только ключевой аспект производительности механизма обеспечения муниципальных интересов и государственной защищенности, но и его конкретная задача.

Выводы. Государство является главным субъектом национальной безопасности. На основе данного субъекта строится политика обеспечения национальной безопасности страны. От государства как субъекта, в целом, зависят важные задачи сохранения мира на территории страны, что необходимо рассматривать как самоцель существования самого государства. Таким образом, можно прийти к выводу, что условием конструктивного развития государства является эффективное обеспечение его национальной безопасности. Ввиду этого необходимо постоянное совершенствование механизма обеспечения государственной защищенности и повышение его эффективности.

Литература

1. Абдурахманов М.И., Баришполец В.А. Основы национальной безопасности России. – М., 2003. – 227 с.

2. Красов Ю.А. Проблемы национальной безопасности и геополитического выбора России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – №3. – С. 25-32.

3. Курбатов М.Д. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003. – С. 22-41.

4. Куковский А.А. Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2012. – №29. – С. 52-57.

5. Лабуш Н.С. Силовой механизм государства и обеспечение национальной безопасности. – М., 2009. – 366 с.

6. Нижник Н.С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика. – СПб., 2002. – 452 с.

7. Чикенёва И.В., Гильмуллина Д.А. Правовые Основы национальной безопасности Российской Федерации // Известия ОГАУ. – 2013. – №6 (44). – С. 114-122.

Lager V.A. STATE AS THE MAIN SUBJECT OF THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY

The article explores the essence of the concepts «state», «national security», the reasons that influenced their appearance and formation, as well as the factors that determine modern methods of ensuring national security.

Key words: national security, state, security mechanism, subject.

Рецензент: Деревянко К.В. – к. филос. н., доцент.

Лагер Богдан Артемович – студент экономического факультета Нижегородского Государственного Инженерно-Экономического университета (Нижегородская область, г. Княгинино, РФ).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

УДК 253.3

Дервянко К.В.

ОТ ФИДЕИЗМА ДО РАЦИОНАЛИЗМА, или СПУСК С ВЕСЕЛОЙ ГОРЫ

Проблема религиозной веры и роли инкорпорированного в нее религиозного знания является одним из актуальных вопросов философского религиоведения. Оценивая эту роль в обосновании системы религиозных верований, современные исследователи рассматривают лишь три возможных варианта: жесткий рационализм, фидеизм и умеренный рационализм. Однако, все многообразие религиозного опыта и веры, встречающееся в реальной жизни, не укладывается в рамки этой схемы. Поэтому в статье предлагается выделять также смешанный вариант. В качестве репрезентативного примера такого варианта рассмотрен религиозный опыт русского писателя С. Андреевского, детально запечатленный в его автобиографическом творчестве.

Ключевые слова: религиозная вера, религиозное знание, рационализм жесткий, фидеизм, рационализм умеренный, С. Андреевский.

Одним из актуальных вопросов философского религиоведения является проблема религиозной веры и роли инкорпорированного в нее религиозного знания. По мнению Ю. А. Кимелева, «проблематизация религиозного знания может быть ориентирована на решение вопроса о том, должен ли «разум» играть какую-либо роль в обосновании системы религиозных верований или это является излишним» [4, с. 81]. Вариантов решения три: «положительный ответ может представлять в виде жесткого и умеренного рационализма, а отрицательный – в виде тех или иных форм фидеизма» [там же].

Очевидно, однако, что эти варианты не являются взаимоисключающими, поскольку любые количественные и качественные характеристики веры не могут быть константами. Это демонстрируется многочисленными антиномичными примерами из Св. Писания: «Верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9:24) и др. Понятно, что с течением времени даже у одного и тот же человека представление о значении разума

в его личной вере может изменяться. Любой фидеист, например, для защиты своего мировоззрения вполне может подыскать и умело использовать рациональные аргументы. Подобные примеры приводят к необходимости признать наличие четвертого варианта решения: **смешанного**.

Детально проанализировать этот вариант можно на многих примерах. В данной работе будет рассмотрен лишь один, зато весьма репрезентативный, пример. Используя биографический метод, рассмотрим свидетельства о собственной религиозной жизни, которые оставил русский писатель и юрист Сергей Аркадьевич Андреевский (1847-1918). Их ценность обусловлена тем, что они сделаны талантливым писателем. Не менее важным является то, что многие из них погружены в луганский хронотоп. Писатель, скончавшийся в Петрограде сто лет назад, писал о своем рождении: «29 декабря 1847 года, близ Луганска, в селе Александровке Славяносербского уезда, матушка моя разрешилась от бремени близнецами, из которых вторым новорожденным был я» [2, с. 9]. Обильное цитирование фрагментов из его воспоминаний оправдано тем, что дает уникальную возможность заглянуть в жизнь Луганска середины XIX века. Прежде всего, нас будут интересовать характеристики религиозного опыта, имевшего место в наших краях.

В многотомной «Истории всемирной литературы» это имя упоминается в разделе «Поэзия второй половины XIX в.» среди поэтов-восьмидесятников (А. Апухтин, К. Случевский, С. Надсон, К. Фофанов, А. Голенищев-Кутузов и др.) [3, с. 90]. Однако, поэзия была далеко не самой сильной стороной его дарования: гораздо выше он ценил свою прозу. Хотя (по неизвестной нам причине) в истории литературы до сих пор подробно освещен только поэтический контекст творчества писателя.

1. Поэзия.

Это было время, когда золотой век русской культуры уже закончился, а серебряный еще не наступил. По мнению историка литературы, «своеобразие этого этапа в истории русской поэзии (называемого иногда эпохой «безвременья») прежде всего в том, что закладывается и оформляется само «чувство традиции». Предшествующий этап поэзии теперь воспринят в целом как великая эпоха цветения поэзии. В творчестве одного автора начинают переплетаться и звучать одновременно отзвуки тех поэтических миров, что были признанными антиподами. Так, у поэтов-восьмидесятников явно ощутимы влияния Некрасова и Фета» [3, с. 90].

Сам же Андреевский довольно нелюбезно критиковал не только Некрасова («О Некрасове»), но и кризисное состояние всей современной

ему поэзии («Вырождение рифмы»): «Если содержание искренно и современно – зато форма плоха, когда форма превосходна – содержание фальшиво. «Распад», как выразился бы медик, установлен вполне» [2, с. 463]. Анализируя образцы характерного для этой эпохи поэтического творчества, он отмечал, что оно «совершенно бледнеет перед трогательною музыкою простых евангельских слов: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы» [2, с. 464].

Историк продолжает: «Эпоха 80-х годов не была благоприятной для поэзии. Не было почвы не только для создания цельного жизнеутверждающего мирозерцания, но и для силы и глубины трагического отрицания. Отсутствие «общей идеи», бессилие, уныние, растерянность – основные черты социально-политической, жизненной и поэтической атмосферы. Ее определяло ощущение того, что старый уклад жизни разрушен, а нового не создано. Такое мироощущение не могло породить цельные поэтические личности. Преобладающая нота стихов – усталость, апатия, бессильная тоска: «И наши дни когда-нибудь века Страницами истории закроют. А что в них есть? Бессилье и тоска. Не ведают, что руют и что строят! «(Фофанов)» [3, с. 90].

«Для поэзии восьмидесятников характерно сочетание двух начал: вспышка «неоромантизма», возрождение высокой поэтической лексики, огромный рост влияния Пушкина, окончательное признание Фета, с одной стороны, а с другой – явное влияние русской реалистической прозы, прежде всего Толстого и Достоевского (в особенности, конечно, навык психологического анализа). Влияние прозы усиливается особым свойством этой поэзии, ее рационалистическим, исследовательским характером, прямым наследием просветительства шестидесятников» [там же].

Сам же Андреевский, изнутри своего времени, прогнозировал: «Быть может, новая лирическая форма будет чем-то средним между ясным гекзаметром Гомера и лихорадочной прозой Достоевского, – быть может, поэзия возвратится к надрывающей душу мелодии библейской прозы или к ритму церковных молитв...» [2, с. 466].

Восьмидесятые годы, как известно, начинались с убийства Александра II, а заканчивались казнью Александра Ульянова и его поделщиков, пожелавших убить еще и Александра III. Символическим аналогом царубийства можно рассматривать отцеубийство в романе «Братья Карамазовы». Таким образом, Россия тогда наяву жила в катастрофической атмосфере романов Достоевского, а населяли ее герои и первые читатели этих романов. Андреевский был одним из наиболее чутких читателей.

Историк литературы: «Для творчества восьмидесятников

чрезвычайно важна сама проблема «границ», разлома, сцепления – это та точка, где сходятся все формо-содержательные связи. Поэтому так важен для них сам момент существования «на границе жизни и смерти» (таково и название повести Апухтина), вообще внимание и пристальный, прямо-таки исследовательский интерес к проблеме смерти (Голенищева-Кутузова современники называли «поэтом смерти»)» [3, с. 91]. Главный прозаический труд Андреевского называется «Книга о смерти». Может показаться, что на этом основании автора можно было бы назвать «прозаиком смерти». Однако, ниже будет показано, что он думал не столько о смерти, сколько о жизни вечной.

Завершающая характеристика этой поэзии. «Отсутствие «цельного мирозерцания», размаха, силы и твердости как предпосылок творчества, растерянность, отвращение к жизни, уныние создают ту неуверенность, разрозненность, неслиянность элементов стиля, которая так характерна для поэтов безвременья. У них есть определенное недоверие к слову, к его способности выразить чувство прямо и точно. «Невыразимость» ведет к неуверенности поэтической интонации, очевидной затрудненности пути от мысли к слову. Однако они же были «признанными служителями», ревностными и благоговейными хранителями высокой поэзии. Чувство многозначности, «полисемантизма», уместности поэтического слова, единства его прямого конкретного значения и многочисленных обертонов – наследие русского классического стиха, последними слабыми представителями которого они себя ощущают» [3, с. 92].

Но, поскольку влияние классической русской прозы было ничуть не меньше, в литературной критике Андреевского отозвалась практически вся русская литература.

2. Критика.

Он оценивал себя трезво: «Это вовсе не критика. Здесь просто изображены писатели такими, каковы они есть. Я старался лишь найти ключ к их душе... Я говорю только о тех, которые мне полюбились и в которых я нашел то, что ранее меня никем не указывалось» [2, с. 305].

Важная особенность этих статей состояла в следующем: о ком бы критик ни писал – о поэтах (Баратынский, Грибоедов, Лермонтов, Некрасов) или прозаиках (Тургенев, Толстой, Достоевский, Гаршин, Чехов) – всегда в фокусе его интересов оказывалась вера.

Так было в статье «Поэзия Баратынского» (1888). Содержание этой поэзии определялось так: «преходимость всего земного, жажда веры, вечный разлад разума и чувства и как последствие этого непримиримого разлада – глубокая печаль». По мнению Андреевского, «современники не

разглядели Баратынского» и не смогли «заглянуть на полвека вперед и разглядеть в его тумане наш «пессимизм» – сушь, тяготу и безверие наших дней, которые были предсказаны Баратынским» [2, с. 310]. Диалектика веры и безверия привела последнего к тому, что «наш поэт выражал только глубокий вопль о роковых противоречиях мироустройства, который не престанет повторяться во все века» [2, с. 320].

Так было и в статье «Братья Карамазовы» (1888). Это сегодня можно составить целую библиотеку из всего, написанного об этом произведении. Но Андреевский был первым. Он это понимал и заслуженно гордился. Отметив, что Достоевский «рисковал быть совсем непонятым...с своим дерзновенным исследованием самых мучительных глубин человеческого духа», что «почти в течение всей его жизни он признавался писателем больным, читать которого тяжело, скучно и даже вредно», что «величайшие произведения Достоевского нередко оказывались неразрезанными в толстых журналах», критик напоминал: «Когда я первый написал этюд о «Братьях Карамазовых», то узнал, что лучшие наши литераторы еще не полюбопытствовали «одолеть» это великое произведение. Так медленно доставалось общее признание Достоевскому» [2, с. 461].

Литературовед А.Г. Горнфельд справедливо констатировал: «это действительно первая в нашей литературе работа, где указана и показана **глубина** романа Достоевского; от этой оценки...отправляется вся дальнейшая работа над Достоевским» [2, с. 512]. При переиздании статьи Андреевский еще раз напомнил: «Настоящий очерк задуман мною, как путеводитель по «братьям Карамазовым», в виду того, что в то время еще немногие осилили весь этот роман. Мой этюд появился за десять слишком лет до последних работ о Толстом и Достоевском Д. С. Мережковского и за год ранее первой печатной статьи В. В. Розанова «Великий Инквизитор»» [1].

Согласно обоснованному мнению автора очерка, главной в романе была проблема веры. ««Братья Карамазовы», по нашему мнению, – самое значительное произведение Достоевского, и мы желали бы сделать попытку его изучения... Прежде, чем перейти к художественному анализу «Братьев Карамазовых», следует остановиться на идее романа. В этом произведении Достоевский задумал большую задачу. Он хотел показать, что необузданная жадность людей к благам жизни может найти себе сдерживающий стимул только в одной вере; что вера не только нужна человечеству практически, но и неизбежна по свойствам его внутренней природы и что ей в конце концов всегда будет принадлежать победа над всякими веяниями, над всякими попытками людей уйти от ее роковой

необходимости» [1].

Анализ Андреевского фактически был подходом с точки зрения философии религии. Он это осознавал и подчеркивал: «здесь с фабулой романа чередуется философия религии. Этот философский элемент «Братьев Карамазовых» так обширен и глубок, что всесторонний разбор его мог бы породить целую литературу. Вдаваться в такой разбор мы не станем, да и не имеем к тому подготовки. Но этот религиозно-философский элемент играет такую видную роль в романе, так близко соприкасается с действующими лицами и, наконец, содержит в себе столько оригинальности, глубины и поэзии, что миновать его невозможно» [1].

В романе был представлен полный спектр отношений между человеком и Богом: от глубокой веры до полного безверия. Критик подробнейшим образом охарактеризовал различные типы таких отношений и в финале резюмировал: «Достоевский создал произведение, внутренняя поэзия которого почти сглаживает в нем колорит моды и клеймо времени, и мы даже не в состоянии представить себе эпохи, когда бы «Братья Карамазовы» утратили свой психологический и художественный интерес. Такова эта глубокая философско-драматическая поэма как всего правильнее следовало бы назвать этот удивительный роман Достоевского» [1]. Подобная оценка сохраняет всю актуальность и в нашем столетии (а также тысячелетии).

Андреевский сумел охарактеризовать широкий диапазон разновидностей веры, описанных в романе, так как они ему были хорошо известны. Многие он пережил лично и описал в своих произведениях. Главное из них называется «Книга о смерти». Но, это, скорее, – книга о жизни вечной.

3. Проза.

Первые годы жизни писателя прошли в окрестностях Луганска (Александровка, Веселая Гора, Раевка). Эти места выглядели так.

Александровка в середине XIX века.

«29 декабря 1847 года, близ Луганска, в селе Александровке Славяносербского уезда, матушка моя разрешилась от бремени близнецами, из которых вторым новорожденным был я. Александровка принадлежала двоюродному дяде моей матери, богатейшему в том крае помещику Сомову. Сомовский дом был настоящий дворец, с белым залом под мрамор, с гостиными, диванными, бильярдными, угольными, молебными и всякими другими комнатами, в том числе с «зеленою комнатою», в которой мы с братом родились. Матушка находилась там в центре своего многочисленного родства. Отец в то время переезжал на службу из Тифлиса в Петрозаводск. Невозможно было в такую далекую дорогу, да еще зимою, брать с собою двух крошек. Решили одного из нас, по жребию, оставить на воспитание у матушкиной сестры, проживавшей в Луганске с своим мужем, доктором.

Жребий этот достался на мою долю» [2, с. 9].

Веселая Гора в середине XIX века.

«Но я не долго оставался на руках у тетки и был передан ею на попечение моей прабабушке, которая перевезла меня в деревню Веселая Гора, в пятнадцать верстах от Луганска. Там-то я и прожил до девятого года, не видав ранее ни отца, ни матери, у которых к тому времени уже было трое неизвестных мне сыновей (в том числе мой близнец) и одна дочь, старшая из всех нас.

Веселая Гора – чудесное, живописное село на берегу Донца, с громадным барским домом в сорок комнат. Если въезжать со стороны Луганска, то приходится спускаться в деревню с горы; влево, на небольшом холме, церковь, окруженная кустами желтого шиповника и опоясанная белым каменным забором. Далее, по главной улице, – хлебный магазин и стеариновая фабрика, а вправо – помещичий дом, белый, двухэтажный, со множеством окон и с балконами на все четыре стороны, причем с балкона, обращенного к саду, две лестницы спускаются до земли. Вслед за домом – Донец. По ту сторону Донца – лес, лес и лес, насколько видит глаз; да и на этом берегу Донца, позади помещичьего сада, такой же густой лес. И когда из дома смотришь на сад, то справа видишь высокую гору.

Здесь я проживал с прабабушкой и ее компаньонкой почти в полном одиночестве, потому что многочисленные потомки прабабушки были постоянно в разброде, а ближайшие члены ее семьи большею частью проживали в Луганске, где в то время поселилось целое общество образованных горных инженеров и где при чугунно-литейном заводе сосредоточилось управление горного округа. В просторных комнатах Весело-Горского дома мы жили втроем, окруженные разнообразною дворнею из крепостных...

Прабабушке моей было уже за восемьдесят лет...Компаньонка, вдова одного харьковского чиновника, – институтка по образованию...Эта добрая Надежда Васильевна первая обучила меня грамоте; она же преподавала мне Священное Писание по маленькой книжке без переплета, напечатанной на толстой и мягкой, как вата, бумаге. В книжке были картинки, но такие тусклые, что в жертвоприношении Авраама я никак не мог найти барашка...

Обе женщины были чрезвычайно религиозны...Посты соблюдались строго. В церковь мы ходили на каждую службу, кроме заутрень. По воскресеньям отец Иоанн с дьяконом всегда приходили после обедни в господский дом. Священник совершал краткую молитву и, подобрав широкий рукав своей рясы, благословлял завтрак... Так, помнится мне,

проходили неделя за неделей. Между тем я начинал вбирать в себя жизнь с любопытством, изумлением, радостью и задумчивостью. Все мои пять чувств и моя робкая мысль пробудились сразу...» [2, с. 11].

Писатель воспроизводил впечатления, врезавшиеся в его память с раннего детства. По источнику этих впечатлений их можно разделить на имманентные и трансцендентные.

Незабываемой была природа. «Разлив Донца напоминал мне потоп: вода совсем покрывала белый забор, ограждавший усадьбу от реки, а затем кое-где, сквозь рябые волны, торчали голые ветки только самых высоких кустарников. На Донце появлялись желтые дощатые плоты; я смотрел из окон второго этажа, как они вдруг показывались с одной стороны – двигались медленно, почти неприметно для глаза, с двумя-тремя незнакомыми мужиками на них, и затем исчезали в другой стороне, проплывая мимо меня, подобно волшебным островам, которые посылались из одного неведомого царства в другое... Земля просыхала, деревья покрывались почками и зеленели...» [там же].

Незабываемы первые впечатления в храме. «...Каким счастливым холодом дрожало мое детское тельце, когда меня впервые разбудили, чтобы вести на пасхальную заутреню! Какою очаровательною казалась мне серая темнота раннего утра при свечах!

Но и мысль мою пробуждалась. Прежде всего я узнал, что душа моя бессмертна. Душа представлялась мне в виде ангельской головки с крылышками, как рисуют херувимов... Я смотрел на небо, как на будущее жилище мое, куда улетит эта душа...» [2, с. 12].

Незабываема встреча с тайной смерти. «Первый покойник, о котором я слышал рассказы, был дедушка Андрей Яковлевич, бывший владелец Веселой Горы... Мне рассказывали, что он очень любил меня и перед смертью потребовал, чтобы меня принесли к нему, да так, будто, и умер, держа меня в своих руках... На горе за нашей деревней, несколько в стороне от дороги, ведущей в Луганск, была часовня из красного кирпича с одинокою синею главою в виде луковицы. Серый заборчик, с кустами сирени внутри, окаймлял часовню. Я видел ее с дороги и никогда о ней не думал. Но мне довелось узнать ее ближе...» [там же]. В этой часовне проходили похороны дедушки, а также дяди впечатлительного ребенка.

Раевка в середине XIX века.

«Был у меня родной дядя по матери, молодой помещик, живший в своем имении Раевке, в семи верстах от Веселой Горы. Высокий, худощавый, темно-русый, с острыми серыми глазами, с вьющимися усами и резкою ямкою на подбородке, дядя Родя был красив, остер и зол на язык... В Раевке я бывал и раньше, но деревню эту запомнил неясно. Знаю,

что у дяди был одноэтажный, просторный дом и что все в этом доме было чистое, новенькое. Две комнаты остались в моей памяти: дядина уборная, обтянутая свежим тиком с белыми и синими полосками, и светлая гостиная, в которой перед камином стоял экран с вышитыми гарусом пастухом и пастушкой. Когда мы приехали в Раевку, то застали молодую жену дяди в этой гостиной, и она почему-то, разговаривая с бабушкой, плакала.

Наконец со стороны конюшен разнеслась весть, что дядя убит, что тело его сейчас нашли в Донце... Бабушка со мной и неожиданной вдовой поспешила уехать к моей тетке в Луганск, за пятнадцать верст от Раевки. В карете вдова все время рыдала. Помню, что мы подъезжали к Луганску мимо каких-то садов. Погода испортилась; ветер трепал и пригибал деревья – и на стеклах кареты показались мелкие, редкие брызги дождя. По приезде в Луганск вдова тотчас же легла у тетки за ширмы. Она, не переставая, мычала от иссякших слез и ни с кем не разговаривала. Все были поражены, приходили в ужас, горевали и шептались... Прошло несколько дней в общей подавляющей грусти. В моей голове все время торчала Раевка с ее двором и с моим высоким исчезнувшим дядею. Я постоянно смотрел в ту сторону небес, где была эта деревня, и мне казалось, что оттуда расплзлось что-то страшное и широкое, покрывшее собою, как тучею, всю нашу жизнь. Вскоре все родные направились к нам, в Веселую Гору. Туда привезли дядю. Я видел его закрытый длинный розовый гроб, поставленный на двух голубых табуретах внутри нашей часовни, где происходило отпевание. Пол в часовне был песчаный; на задней стене был нарисован Господь Вседержитель, молодой, светлокудрый, в короне, с державой и скипетром, среди нежно-голубого неба. Все были одеты в черном, стояли на коленях, горько плакали и били поклоны...» [2, с. 14].

Воспоминания писателя зафиксированы не только в прозе: «Многое из этого периода моей жизни выражено мною в поэме «На утре дней» – в пьесе автобиографической от начала до конца, с весьма прозрачной маскировкой действительности» [2, с. 9].

В стихах мемуарист описывал свой религиозный опыт. «Мне едва ли было пять лет, когда во сне я видел Бога «под самым куполом небес». В поэме «На утре дней» я это описываю, когда говорю, что перед героем поэмы «Раскрылась грудь владыки мира.../ И в ней был свет – и в эту грудь / Ему открылся тайный путь...». В старой тетради я нашел свое ненапечатанное четверостишие: «Во мне живет незримый собеседник, / Мой тайный мир знаком ему, как мне./ Он милый гость в душевной тишине./ А в горести – то друг, то проповедник»» [2, с. 286].

Поэму Андреевского можно считать своеобразным поэтическим аналогом романа И. С. Шмелева «Лето Господне»:

«Две старых тетки (обе – вдовы), / Пройдя все горести земли, / В душе невинной берегли / Религиозные основы. / И мальчик верил... По утрам / Перед окном, где речка вьется, / Щекой на ручку он упрется / И внемлет чинно, по главам, / Рассказам Ветхого Завета...

Однажды в раннем полусне / Он видел Бога... В вышине, / Над ним простертый, необъятный / И весь из нежных облаков. / Ему явился Саваоф... / Вверху звучал призыв невятный / Под самым куполом небес / И край одежды бесконечной / Над ним повис каймою млечной... / Он – руки вверх, но край исчез, / Взвилась туманная порфира, / Раскрылась грудь владыки мира... / И в ней был свет – и в эту грудь / Ему открылся тайный путь... / С тех пор жилищем безгреховных / Ему казался синий свод, / И цепью праздников церковных / Пред ним развертывался год...

И с чувством жалости глубокой, / С приливом пламенной любви, / Молитвы чистые свои / Шептал ребенок одинокий...» [1].

Подобный тип религиозной веры можно определить как «фидеизм». Однако, сохранить такое мировоззрение в атмосфере пореформенной России было практически невозможно. Во время учебы в университете, столкнувшись с безверием окружающих, подросток после весьма длительной депрессии все-таки сумел приспособиться к новой среде. А для защиты своей веры в случае необходимости ему приходилось привлекать возможности рациональной аргументации.

«Моя мысль, от первых моих сознательных дней, казалась мне беспредельною, способною постигать самого Бога и слышать его голос внутри моей души. Но эта мысль, по мере того как я вырастал, уже столько раз и так больно ударялась о страшные мертвые стенки, что и сама чуть не погибла... Поэтому необходимо было приспособиться к тому микроскопическому масштабу, в котором вращалась моя жизнь. И я это сделал, и ничего... жил» [2, с. 65].

«Что-то чуждое мне наблюдал я в том, как складывалась на моих глазах жизнь моих современников. Они казались мне чрезвычайно самонадеянными, смелыми, как бы слепыми. Я еще раньше читал, как Ренан развенчивал моего детского Христа; теперь Писарев, при общих рукоплесканиях, вышутил Пушкина. Все, что было мечтательного в моей натуре, пристыдилось и съезжилось... Всюду царствовали «положительное знание» и «материя». И мне было до слез жалко моего Единого Бога с Его простым сотворением мира, с Его незабвенными Адамом и Евой и первыми «земледельцами»» [2, с. 66].

Получив юридическое образование в Харьковском университете,

Андреевский занял заметное место среди лучших юристов своего времени. И в этом окружении ему приходилось использовать рациональные доводы в пользу веры. Вот, например, он описывает своего друга А. И. Урусова (1843-1900): «Блестящая даровитость, беспечный взгляд на жизнь, пленительный юмор, а затем – упоение легкими радостями существования, с сознанием нашей преходимости, – упрямый научный позитивизм с отрицанием Бога ради свободы – и вместе с тем преклонение перед красотой во всех ее формах и всеподавляющая страсть к литературе и поэзии» [2, с. 236].

«Не помню, по поводу чего он сказал: «Но я, как старый атеист...» Против этих слов мне хотелось возразить. Из многочисленных заявлений Урусова в разных литературных кружках я знал, что он питает особенное нерасположение к Предопределению, Промыслу, Провидению, Воле Божией и прочим догматам, стесняющим свободу человека вмешательством Бога. Помню даже, как однажды он воскликнул: «Мы устранили этот авторитет – и чувствуем себя превосходно!» Я ему заметил:

– Ты самодовольно называешь себя атеистом. Прав ли ты? Ведь вот недавно я где-то читал: «*Наш разум так устроен, что он отрицает все, чего не понимает*». Видишь ли, разум отрицает только потому, что не понимает. А если бы понимал? Истина может быть вне нашего понимания.

Урусов задумался, помолчал. Он издал несколько неопределенных звуков. Ничего похожего на его прежние протесты я не услышал. И наконец он равнодушно сказал: «Да, все возможно...» [2, с. 241].

Сначала исчезли протесты, а перед смертью – и равнодушие. «От его близких я узнал подробности. Больной дважды исповедывался и приобщался... Урусов несколько раз проговорил, ни к кому не обращаясь: «Есть Бог... Мы все увидимся...» [2, с. 243]. Такую мировоззренческую позицию уже можно назвать фидеизмом.

Урусов пришел к нему в конце жизни. А в мировоззрении Андреевского место юношеского фидеизма занял умеренный рационализм. В финале своей «Книги о смерти» он поместил раздел «Религия», в котором приводятся разнообразные (и не только рациональные) аргументы в пользу веры. Приведем лишь некоторые из них.

«Только тот поможет в жизни и украсит ее своим пребыванием на земле, кто различит или услышит ближе других голос непостижимого Бога» [2, с. 247].

«Журналистика трубит: Жизнь! Люди! Поэзия взывает: Бог! Я! Журналистика испаряется, поэзия остается» [2, с. 251].

Писатель описывал эволюцию своей веры. «Д. В. Философов, читавший почти всю мою книгу, говорил мне: «Интересно было бы видеть,

как это вы, так искренно признававший Христа истинным Богом в детстве, впоследствии потеряли эту веру!» А вот как. Я верил всему, что мне говорили. В поэме «На утре дней» рассказана моя детская вера. В деревенской церкви (в Веселой Горе), на литургии «преждеосвященных даров», я падал ниц, зажмурил глаза, и пока над моей головой раздавались звонки, возвещавшие, что «дары» переносятся, я был убежден, что в храм нисходит легким призраком сам Христос, и я был счастлив от его достоверной близости ко всем нам, здесь, на земле, в эти захватывающие душу мгновения... Моя вера сохранилась до отроческих лет и была еще нетронутую во время смерти сестры Маши. Все, что мне передавали старшие, казалось ясным. Человек отличается от животных тем, что его душа бессмертна. Христос избавил людей от «первородного греха», и каждый, живущий согласно с заповедями Божиими (Отца и Сына), получит райское блаженство.

Но дальше я узнал науки: астрономия, геология, химия, анатомия... Библейские семь тысяч лет с сотворения мира исчезли. Земля оказалась ничтожною планетою, а не центром Вселенной... Вместо «души» получился «мозг»... Да и почему же на одну только Землю сошел Христос? Или Он нисходил и на все прочие планеты? А какие существа живут в тех мирах и т.д.? Выходила путаница... Мои сверстники по гимназии и, в особенности, по университету, поголовно были чужды религии. Детская вера затуманилась – и отошла от меня...» [2, с. 274].

«Но христианство живуче. Быть может, оно останется на очень долго, если не навсегда – единственною практически возможною религиєю в нашем мире. Бог сжалился над человеком, воплотился, пришел на землю и дал вечное утешение людям. Евангелие есть неподражаемая поэма скорби и света. Пусть это будет легенда, но лучшие народы земли уже почти две тысячи лет живут и умирают под обаянием святой сказки. Чего стоит один «Отче наш» – эта исчерпывающая молитва! А заповеди блаженства? А Евангелие от Иоанна, читаемое на погребениях? Нужен какой-нибудь конец, какое-нибудь разрешение вопросов, чувств и терзаний, которыми преисполнено человечество. Христианство его дает в пленительных словах, живучих, как истина...

Однако дожить до чуда, до вожеленного конца, до пришествия на землю Бога, который будет судить «живых и мертвых», никому не удастся. И удастся ли?!.. У евреев Мессия всегда еще впереди. У них надежда крепче... Но если Мессия уже был, и ничего не вышло, то закрадывается невольное сомнение на счет Мессии. И все-таки слова Спасителя звучат, как высшая поэзия здешнего мира. В иные минуты каждому хочется им верить...

Во всяком случае, есть Сила, настолько неизмеримо высшая всех наших понятий и способностей, что самые дерзновенные из нас перед нею совершенно ничтожны. Что это такое?!.. И опять, мне кажется, правы евреи, что они не дерзают даже назвать ее. У них перед этою Силою такой благоговейный трепет, что запрещено обозначать ее каким бы то ни было словом!.. Природа, Судьба, Жизнь, Тайна – все вместе – *Бог!*

Замечательно, что ни один из величайших поэтов не воспел Христа, как своего вождя и Бога. Вам это покажется странным, но я скажу, что лучшие стихотворения о христианстве, какие я знаю, принадлежат Веру Рудич. Вот они:

1

Распростерли кресты придорожные руки молящие
Над полями, где волнами ходят колосья шумящие,
Над межою, заросшей полынью и белою кашкою,
Над зверьком полевым, над веселою пташкою,
Над безвестной могилой, травю ползучей обвитою,
Над тропинкой, ногами прохожего люда убитою,
Над людьми, что куда-то спешат по дороге, тревожные,
Распростерли молящие руки кресты придорожные.

2

Нам путь один для всех – вперед и выше!
И тем путем все сущее идет.
Смелей вы шли, идут другие тише,
Но всех равно обитель правды ждет.
Не бейте ж вы камнями отсталых,
Чьи ноги тонут в прахе и грязи:
Без гнева ждут у Бога запоздалых,
И там в одну сольются все стези.

Здесь чувствуется умиленное, божественное страдание Христа за все, живущее на земле, с его казнью на кресте, с его распростертыми к небу молящими за землю руками, с его нежностью ко всякой мельчайшей твари... Здесь вера в правосудие Творца» [2, с. 275].

Итоговая мысль автора. «Какая-то необъятная сила всем управляет: «Дух всюду сущий и Единый, / Кого никто постичь не мог, / Кому нет места и причины, / Кого мы называем Бог! «(Державин)» [2, с. 276].

Таким образом, среди этих аргументов имеются не только рациональные, но также интуитивные, эмоциональные, поэтические. Отсутствует лишь жесткий рационализм. Согласно классификации Кимелева, следовало бы признать, что от фидеизма Андреевский пришел к умеренному рационализму. Однако, на наш взгляд, корректнее будет

другой вывод: общаясь со множеством людей, писатель научился использовать самые разные аргументы в пользу своей веры, но никогда не забывал прошлого и при общении с Богом всегда оставался таким же фидеистом, каким был ребенок из Веселой Горы (хотя, возможно, интенсивность религиозных переживаний и уменьшилась). Суммарно такой тип веры можно назвать смешанным.

Что же касается жесткого рационализма, то он встречается крайне редко. Кимелев в качестве примера привел позицию английского математика и философа У. К. Клиффорда (1845-1879): «Всегда, везде и для всех будет неправильным верить во что-либо, не имея для этого веских оснований. Если какой-либо человек придерживается какого-то верования, которое ему внушили в детстве или потом и при этом не допускает или отбрасывает сомнения, возникающие у него по поводу этого верования, а также считает неуместными такие вопросы, на которые нельзя дать ответов, не задев его верования, – то жизнь такого человека является одним долгим прегрешением перед человечеством...Свидетельства в пользу какого-либо учения нельзя подвергнуть одноразовому исследованию и считать вопрос решенным раз и навсегда. Непозволительно подавлять сомнения. Или на них можно ответить с помощью уже проведенного исследования, или это исследование было неполным» [4, с. 82].

Автор этих слов был ровесником Андреевского. Но, проживи он подольше, скорее всего занял бы более умеренную позицию. На жестком рационализме вряд ли возможно построить полноценные отношения между людьми. Тем более невозможны они между человеком и Богом.

Выводы. Проблема религиозной веры и роли инкорпорированного в нее религиозного знания является одним из актуальных вопросов философского религиоведения. Оценивая эту роль в обосновании системы религиозных верований, современные исследователи рассматривают лишь три возможных варианта: жесткий рационализм, фидеизм и умеренный рационализм. Однако, все многообразие религиозного опыта и веры, встречающееся в реальной жизни, не укладывается в рамки этой схемы. Поэтому в статье предлагается выделять также смешанный вариант. В качестве репрезентативного примера такого варианта рассмотрен религиозный опыт русского писателя С. Андреевского, детально запечатленный в его автобиографическом творчестве.

Литература

1. Андреевский С.А. Собрание сочинений: [Электронный ресурс] – URL: http://az.lib.ru/a/andreevskij_s_a/
2. Андреевский С.А. Книга о смерти. – М.: Наука, 2005. – 670 с.

-
3. История всемирной литературы. – В 8 т. – Т.7. – М.: Наука, 1991. – 830 с.
4. Кимелев Ю.А. Философия религии: Систематический очерк. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. – 424 с.

Derevyanko K.V. FROM FIDEISM TO RATIONALISM, OR THE DESCENT FROM VESELAYA GORA

The problem of religious faith and the role of religious knowledge incorporated in it is one of the topical issues of philosophical religious studies. Evaluating this role in the justification of a system of religious beliefs, modern scholars consider only three possible options: hard rationalism, fideism and moderate rationalism. However, all the diversity of religious experience and faith encountered in real life does not fit within the framework of this scheme. Therefore, it is proposed to allocate also a mixed version in the article. The religious experience of the russian writer S. Andreevsky, detailed in his autobiographical work, is considered as a representative example of such a variant.

Key words: *religious faith, religious knowledge, hard rationalism, fideism, moderate rationalism, S. Andreevsky.*

Дервянко Константин Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г.Луганск).

УДК 130:2

Протоиерей Александр Пономарев

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ
ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ
ЕГО БЫТИЯ**

В статье определяется сущность безопасности, параметры структуры духовно-нравственной безопасности, основанной на становлении и развитии качеств внутреннего человека, формирующихся в культурном пространстве на основе доминирования последнего в социуме. Рассматриваются две стратегии формирования безопасности в современном социуме – стратегия аскезы и стратегия насилия и определяются пути разрешения противоречия между ними как осознанного решения внутреннего человека

Ключевые слова: безопасность, логика времени и логика Вечности, внешний и внутренний человек, квазيبезопасность, цивилизация и культура, социум, эгоцентр «Я».

Рассмотрение проблем, связанных с социальными и психологическими аспектами бытия личности, наталкиваются на определенные трудности методологического плана. Дело в том, что психология, как правило, имеет дело с единичными явлениями, ее интересует не только мотив как механизм реализации целей и планов, но и содержательно-конкретная сторона мотива, – каков он по содержанию, какой конкретной личности он принадлежит и т.д., поскольку один и тот же мотив у разных личностей может реализовываться в разных действиях иногда прямо противоположных по социально значимым результатам. Именно по этой причине перед психологией постоянно встает проблема, как не впасть в грех эмпирико-феноменологической науки. Особенно значимой и актуальной оказывается данная проблема применительно к анализу вопросов безопасности с точки зрения психологической науки: как при анализе проблем безопасности с этих позиций избежать дробления проблемы на бесконечное число конкретных случаев применительно к бесконечному числу изменяющихся обстоятельств. Решение данной проблемы возможно, по нашему мнению, в рамках более обобщенного подхода, который обеспечивается философскими позициями, например, позициями философской антропологии. Именно с таких позиций мы и предлагаем взглянуть на весьма актуальную для нашей страны и для нашего времени тему безопасности, породившую множество социальных вызовов, в том числе и относительно проблем безопасности.

В имеющейся литературе понятие «**безопасность**» поражает своей многозначностью, а видов безопасности описан уже не один десяток, которым противопоставлен еще более удлинённый список угроз [1-5]. Обычно основными аспектами или сторонами феномена социальной безопасности являются: отношения государства и общества, антикоррупционная борьба, вопросы безопасности государства, рынок коммерческих услуг безопасности, а также экологическая, этническая и техногенная безопасность. Как видим, психологические и философские аспекты исследования данной проблемы крайне редки. Традиционно безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность», и сегодня она чаще всего трактуется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности». Такая трактовка понятия сохранилась и до настоящего времени, на ней и формировались как доктрина национальной безопасности, так и методологические основы общественной безопасности. Так уж повелось в

науке, особенно в социальной, что самые привычные термины, самые традиционные понятия труднее всего поддаются анализу. Они кажутся само собою разумеющимися, а когда начинаешь их использовать в качестве инструмента анализа, оказывается, что этот инструмент никуда не годен. Не известно, как его применять. Примерно это произошло со словом «безопасность». Итак, прямое значение этого слова, означает состояние, когда какому-то объекту ничего не грозит, ничего не угрожает, ни с внешней, ни с внутренней сторон. Нет никакой опасности.

Но, во-первых, так в жизни не бывает, потому что любой объект находится в движении. Между тем, выходит, ***что отсутствие всякой безопасности означает, что этот объект должен существовать устойчиво и вечно или, по крайней мере, очень длительное время.*** Отсутствие всякой опасности приводит систему к вечной стабильности! Нет опасности - значит, ничего не происходит. В этом смысле, в абсолютной безопасности находятся Эверест или Марианская впадина.

И сегодня, зачастую с позиций многих государственных безопасность, – это канализация всех изменений, всей трансформации в общественных отношениях в таком направлении, чтобы общество изменялось, но чтобы сами государственные структура не менялась или якобы менялась. На самом деле такое понимание безопасности (изменение через сохранение) – это порочный круг, который всю политику строительства государственной безопасности заводит в тупик, в тупик бесперспективный, не имеющий будущего, ведущий к стагнации, стоящий на пути прогресса, реакционный и т. д. Не случайно в народе оценка всего того, что связано со структурой безопасности, со структурами, стоящими на охране и строительстве безопасности, связана, обычно, с негативными эмоциями. Здесь очень важным является понимание того, что безопасность всегда существует как безопасность по отношению «к кому» и безопасность как состояние «для кого». При таком понимании оказывается, что есть безопасность внешнего человека и безопасность внутреннего человека. В первом случая, забываясь о собственной безопасности, человек чаще всего путает понятие «безопасность» с понятием «комфорт». Последний предполагает обустройство среды обитания для индивида, а обеспечение безопасности означает действия по типу «строй повыше забор». Внутренний человек строит безопасность как безопасность нравственную через формирование безопасности отношений между людьми. Это безопасность строительства фундамента личности на основе совести и морально-нравственной духовности.

Думается, что безопасность нужно понимать в том смысле, что объект безопасности (коллектив, семья, личность, если вести речь об

обеспечении их безопасности в период трансформации), должен искать такие параметры, темпы, способы, изменения субъекта безопасности, которые бы были адекватными изменяющимся внешним условием. Но при этом мы должны при решении проблемы безопасности не забывать и о логике Вечности, по законам которой должен во всяком случае жить внутренний человек и безопасность которого определяется совершенно в других параметрах, чем безопасность человека внешнего. Как писал Франсуа Мориак: ««Внутренний» человек любит и свое одиночество, от которого страдают и бегают «внешние» люди. Однако он в этом одиночестве не одинок: он один и не один. Его утренняя молитва растет, светит и овладевает всем его существом. В душе его ощущается действие благодати, исполняющее его миром. Дух Святой, пребывающий в нем, заявляет о Себе благодатным состоянием. Его верующее сердце наполняется радостью от сладостного сознания близости Бога. Это приносит душе полный мир, доверие, покой и отдых».

В этом случае обеспечение собственной безопасности состоит в иммунизации души против соблазнов греха, в другом – в соблюдении законов.

Сущность безопасности по отношению к внешнему человеку заключается в том, чтобы найти такие способы, принципы, темпы, пути, средства трансформации субъекта, чтобы они адекватно изменялись и в то же время соответствовали изменяющимся внешним обстоятельствам. Однако при такой постановке возникает масса вопросов.

Один слой вопросов связан с необходимостью предвидения, точностью прогнозирования того, как будут изменяться внешние обстоятельства – по сути, знанием настоящих, и возможных будущих угроз.

Второй слой вопросов связан с необходимостью возможно более точного изучения субъекта безопасности как единства внутреннего и внешнего человека: каковы пределы его трансформационных и адаптационных возможностей с тем, чтобы субъект безопасности в них не потерял качества именно субъекта и именно безопасности. Ведь субъект безопасности в социальном смысле – это люди, - люди, собранные в те или иные коллективы. Поэтому стремление к консерватизму в понимании безопасности как неизменности часто приводит к тому, что теряются ориентиры и параметры безопасности. Здесь очень важным оказывается как раз нравственный аспект: где находится ощущение безопасности? Оно находится в головах людей или в их душах. Поэтому важнейшей проблемой понимания безопасности должен быть «революционный переворот в голове», дающий новое понимание безопасности при

постоянном диалоге со своим внутренним человеком, суть которого задает проснувшаяся совесть. Оно, в первую очередь, есть особое отношение к традициям, особое отношение к привычному образу жизни (опирающемуся как на конечные, так и на вечные ценности). Особенность эта должна предстать в виде социально-психологической открытости и готовности к изменениям. Поэтому с самого детства человека нужно готовить к тому, что мир будет меняться, будут изменяться обстоятельства и социум а, значит, внутренне должен быть готовым и открытым изменениям и сам человек. Конечно, «привычка свыше нам дана, – замена счастью она». Но привычное в социуме дает только ощущение безопасности, будучи на самом деле всего лишь квазибезопасностью. Подлинная безопасность обеспечивается творческим отношением к жизни. Творчество должно осуществляться не только в материальном или социальном мире, но и творческом по отношению к самому себе в виде самовоспитания, самостроительства на основе духовно-нравственных побуждений. Но как только мы говорим о самовоспитании, самостроительстве, сразу возникает проблема критериев и ориентиров. На что ориентироваться в этом? Обсуждение этой проблемы требует очень долгого, очень длительного разговора о внутренних параметрах, о внутренних моделях безопасности, потому что всякое самостроительство, самоизменение может идти в принципе в разных направлениях. Не случайно с 90-х годов начал формироваться новый подход к определению сущности категории безопасности,- так называемый деятельностный подход (в отличие от подхода «стационарного») [8]. В данной статье мы предлагаем свое видение решения поставленной проблемы сущности, которая проявляется в виде диалектической взаимосвязи внутреннего и внешнего человека в динамическом пространстве цивилизации и культуры как единого социума [9-14]. Мы полностью согласны с той точкой зрения, что «практика обеспечения безопасности крайне нуждается **в теории**, которая бы достаточно четко объясняла смысл безопасности, независимо от того, рассматривается ли безопасность лица, отраслевая безопасность, направление безопасности, национальная безопасность или коллективная безопасность» [8, с. 2]. Не претендуя на окончательное или полное решение, в данной работе мы предпринимаем попытку подойти к определению основных контуров такой теории.

Важнейшей категорией в нашем анализе является понятие социума. Однако оно во многом остается размытым и многозначным в социальных и гуманитарных науках, в том числе и в социологии, и в политологии, и в философии. Мы будем исходить из того, что социум – это любая организованная на материальных или духовных основаниях общность

людей – будь то регион, трудовой коллектив, фирма, государство, нация или церковь, главным и существенным признаком которого является противоречивое единство цивилизационных и культурных признаков бытийности. В соответствии с таким пониманием можно говорить о принципах типологии социумов: локальных, глобальных, политических, экономических и т.д. Одной из важнейших структур в социуме есть социальная структура, занимающаяся его самосохранением – структура безопасности. По аналогии с живым организмом структура безопасности является аналогом иммунной системы.

Безопасность социума, конечно, еще более сложно устроена, по сравнению с иммунной системой, поскольку здесь действуют люди со своими интересами и потребностями, обладающие свободной волей. Обозначим главные элементы безопасности в пространствах цивилизации и культуры.

Под цивилизацией мы понимаем способ организации людей на основе техники и технологий с эгоцентром «Я». Целью и результатом такой организации является производство материальных вещей, необходимых для удовлетворения потребностей человека. Нормальное существование социума предполагает такой уровень потребления материальных вещей, при котором возможно воспроизводство социума. Но уже здесь есть все основания для размышлений над проблемами безопасности. Безопасность – система механизмов и средств в пространстве цивилизации, которые должны обеспечивать определенный (в идеале – нормальный для всех) уровень удовлетворения потребностей. Но здесь есть одна сложность, одно важное обстоятельство, которое постоянно ставит проблему успешности обеспечения безопасности в цивилизации под вопрос. Речь идет о том, что производство конкретных вещей для удовлетворения конкретных потребностей объективно порождает целый спектр новых потребностей. Поэтому, в каждый конкретный момент времени, в каждом конкретном социуме, основанном на производстве, **потребностей всегда больше**, чем ресурсов (вещества природы; энергии; квалифицированных кадров), необходимых для удовлетворения все возрастающих и все более изысканных потребностей [9-14]. Помимо всего прочего, цивилизация – это такой тип социума, когда для удовлетворения нормальных потребностей на всех ресурсах попросту не хватает. Следует также заметить, что этот разрыв между наличными потребностями и наличными ресурсами постоянно безудержно растет, поэтому общество вынуждено ради самосохранения, ради того, чтобы оставаться сообществом, развиваться и изменяться. Мы здесь используем метод анализа социума, разработанный проф. Исаевым В.Д. [См. 9;13]. Но для

этого нужны творческие люди, а творческие люди – должны не избегать страха, а переводить страх в рациональное поле, осмысливать и выбирать приемлемые риски и совершать на этой основе оптимальные действия. Безопасность, осуществляемая через силовой метод, самая простая, но, в конечном счете, самая не эффективная. Причем неэффективность такого типа безопасности возрастает по мере того, как человек вооружается в погоне за силовыми методами обретения безопасности все более и более грозными техническими средствами. Такие технические средства сами становятся угрозой и увеличивают риск уничтожения социума вообще. С возникновением ядерного оружия вообще возникает нужда в совершенно других способах обеспечения безопасности в социумах всех типов, а не только в социумах-государствах. Конечно, таких способов помимо военных и силовых человечество изобрело достаточно много: и технических, и научных, и экономических, основанных на совершенствовании государственных структур, выработанных на основе прогнозтики и аналитики. Но это все паллиативные решения, которые не решают проблемы в целом. Онтологически для эффективного и оптимального разрешения этого все обостряющегося противоречия и возникает необходимость в создании и существовании системы и механизмов безопасности не только в пространстве цивилизации, но и вне ее. И здесь приходит понимание, что только внутренний человек может обеспечить подлинную безопасность как путь, ведущий к вечной жизни.

С самого начала возникновения цивилизации внутри этого социального пространства возникает система безопасности, как неотъемлемая ее структура, которая призвана предохранять цивилизацию от деформаций, перекосов, напряжений, разрушения и гибели, причем ее эффективность далеко не всегда оказывается достаточной.

Безопасность цивилизации можно анализировать на разных уровнях. Мы обозначим контуры на предельно обобщенном уровне – на уровне стратегии разрешения главного противоречия цивилизации. Здесь возможны две стратегии.

Первая стратегия, как мы уже упомянули, это – стратегия силы. Это стратегия все большего удовлетворения потребностей сильнейшего, за счет неудовлетворения потребностей слабого. В XX веке цивилизация достигла в этом смысле своего предела. Обстоятельства такой всевозрастающей угрозы делает проблему безопасности таким способом бессмысленной.

Второй тип безопасности в пространстве цивилизации, - это стратегия экономии. Развивающиеся экономические отношения, собственности, обмена, распределения, которые позволяют более или

менее справедливо и рационально распределять в социуме вещи и продукцию в соответствии с имеющимися потребностями. Такое распределение воздействует и на рынок, и на систему бюджетных отношений, и на систему социальных гарантий и социальной помощи. Здесь тоже, по существу, действует сила, силовое разрешение основного противоречия. Причем в таких условиях сила скрыта, смягчена, опосредована, не так явно и агрессивно проявляется. Такая объективно существующая тенденция превращает безопасность в систему локальной безопасности, т.е. в систему *квазибезопасности*. Такой процесс вырождения характерен в той или иной степени для любого политического строя и государства, для любой системы безопасности, встроенной в пространство цивилизации.

Есть третья стратегия обеспечения безопасности. Это стратегия самоуправления и самоограничения роста потребностей, которая называется стратегией аскетизма. Об этом по существу, говорили и говорят теологи и богословы, проповедуя стратегию ограничения потребностей, призывая человека удовлетворяться минимумом. Такую доктрину можно встретить во всех крупных религиозных учениях. В христианстве она воплощена в известной заповеди «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Матф. 6: 19). Но такая стратегия безопасности не корректируется с принципами существования цивилизации, построенной по принципу приоритетности земного и телесного, потому что аскетизм адекватен иному, особому пространству, иным смыслам и временам. И сама цивилизация не только продуцирует, но и встроена именно в этот механизм постоянного расширения и возрастания потребностей. В этом смысле цивилизация, как человек на велосипеде. - Чем быстрее едет, тем более устойчивой становится данная система. А уменьшение скорости (аскетизм) или остановка (монашество, затворничество и др.), тут же оборачивается потерей устойчивости цивилизации. Поэтому в реализации этой стратегии должна осуществляться философия компромисса. При этом основные механизмы, обеспечивающие такую стратегию, должны находиться в пространстве вне цивилизации – в пространстве культуры. Речь идет не о министерстве правды по Оруэллу, а психологических и личностных человеческих качествах внутреннего человека, которые обеспечивают возможности нахождения компромиссов на границах цивилизации и культуры. Компромисс есть наиболее рациональная и оптимальная (хотя и частичная) возможность разрешения главного противоречия, присущего цивилизации, в конкретных исторических условиях.

Здесь мы подходим к одному из важнейших открытий психологии

XX века. Это открытие пришло в психологию из богословия, из философии религии, из православной антропологии. Мы имеем в виду как раз *учение о внутреннем и внешнем человеке*. Внешний человек через свою телесность, через ее вписанность в материальные параметры цивилизации (с ее витальными потребностями, с ее производством вещей и услуг, с ее ограниченными ресурсами, но растущим спектром потребностей) опирается на силу разума, на силу и возможности своего левого полушария. В этих параметрах он способен на компромиссы до известного предела. Эта возможность может доходить только до границ, не затрагивающих и не ущемляющих его витальных потребностей. При нарушении таких границ, сразу включаются механизмы социальной безопасности по защите цивилизации и цивилизационного способа бытия. В этом случае внешний человек резко меняет свою стратегию, переходя к использованию стратегии силы материальным овеществлением которой и являются механизма безопасности встроенные в тело цивилизации. Система безопасности, рассчитанная на обслуживание внешнего человека в социуме, всегда готова обернуться реализацией стратегии силы. Эта тенденция соскакивания со стратегии ограничения на стратегию силы – ***один из фундаментальных законов существования цивилизации***. Безрадостный закон, закон, открывающий не горизонты светлого коммунистического будущего, как общества всеобщего благоденствия, а горизонты апокалипсиса, как общества пожирающего и уничтожающего самое себя.

Стратегии силы может противостоять стратегия компромисса. Но на компромисс способен только внутренний человек. Не он ли говорит устами Оптинских старцев, обращенных к Господу: «Господи! Научи меня правильно, просто, разумно обращаться с младшими, равными и старшими, чтобы мне никого не огорчить и ***всем содействовать ко благу***». В этих словах молитвы и заключена сущность нового типа обеспечения безопасности. На реализацию такой стратегии способен только внутренний человек. Внутренний человек – это человек, в основе бытия которого, лежат не законы социума, не юридические законы и право, присущие цивилизации, а законы совести, источником которых является не человек, не социум, а Высшая Сила Любви – Господь, который и есть любовь. Внутренний человек, - это человек, исходящий в своих оценках себя и других путем соотнесения своих потребностей по форме, содержанию, целям, следствиям и последствиями их реализации с Абсолютом, с Богом. В этом смысле в наиболее «выигрышном» отношении находится внутренний человек, исповедующий христианское учение, потому что он видит перед собой зримый образ Господа нашего, Иисуса Христа, который,

став человеком, показал, как можно, сведя свои телесные потребности к минимуму, максимально умалив своего внешнего человека, остаться Богом. В реальности единство внутреннего и внешнего человека в единой, целостной, личности проявляется как компромисс в конкретных жизненных обстоятельствах: компромисс и со стороны внешнего, и со стороны внутреннего человека. Со стороны внешнего человека в этом случае идет некоторое наступление на принципы бытия внутреннего. В этом случае устоять перед таким наступлением может не просто человек внутренний, а человек внутренне (духовно) здоровый. Степень здоровья внутреннего человека проявляется в виде интенции **К** Богу или же от Бога. В последнем случае можно и нужно говорить о болезни внутреннего человека, которая приемлемый компромисс может превратить в предательство Принципов своего бытия. В этом случае побеждает внешний человек, а вместе с ним и стратегия силы. Безопасность в социуме тает «яко дым». Здесь открываются оптимистические горизонты и возможности для того, чтобы разрешить основное противоречие цивилизации. Но для этого нужно иметь силу, энергию, волю и веру в возможности внутреннего человека, веру в понимание того, что внутренний человек и есть собственно тот человек, который способен к обожению. Этот путь, обретаемый верой, знанием и Истиной богооткровения, начинается на Земле и пролегает именно через православную культуру, важней составной и центральной часть которой является православное учение о Спасении. Компромисс чреват грехом, и пости всегда придет к греху, но православный путь дает возможность человеку покаяться в своих грехах, причаститься Святых Тайн и с Божьей помощью найти истинный путь обретения безопасности как средства в любых обстоятельствах остаться человеком. Так что основания безопасности социума в осуществлении стратегии аскетизма, пусть и в мягких компромиссных вариантах, находятся в культуре, в отличие от основ безопасности в ее силовых вариантах, находящихся в цивилизации, которая держалась на идеологии внешнего.

В советской идеологии очень конструктивным для определения и оправдания собственной политики была попытка определить главное противоречие эпохи.

Сейчас для нас становится ясным, что феноменологически можно сформулировать десятки противоречий современной эпохи, и все они будут в той или иной мере основными в зависимости от мировоззренческой, экономической, политической или иной другой позиции занимаемой волею судеб и обстоятельств нами в этом мире. Но сегодня становится совершенно ясным, что все такие противоречия лишь разные стороны одно

и того же действительно главного противоречия все эпох и народов – это противоречие двух основных сценариев движения человеческой истории: сценарий «с Богом» и сценарий «без Бога». За каждым сценарием стоят трансцендентные и имманентные силы, каждый из сценариев имеет своих противников и сторонников, борьба между которыми и составляет основу человеческой истории. Если до сих пор нам казался откровением тезис о том, что вся человеческая история до сих пор была историей борьбы классов, то теперь мы знаем более глубокую истину, истину основанную не на логике цивилизации, не на логике классовой борьбы, а на логике Вечности. С наступлением Нового времени эта логика модифицируется в противоречие между христианством и революцией. В том, что это всего лишь модификация Основного противоречия человеческой истории нас убеждает то обстоятельство, что и здесь как и всегда и везде, где разворачивается основное противоречие, сценарии окрашены струями понижения или возвышения. Причем, возвышения или понижения не человека как самостоятельного центра исторических событий, а возвышением к Богу или понижением человека, теряющего свою сущность – образ и подобие. В этом смысле понижение или возвышение предстает процессом образующим смысл нашей жизни и нашей истории и путь обретения подлинной безопасности.

Выводы. Есть только две стратегии в жизни человечества – либеральная и демократическая. Слова эти затерты от частого политического употребления, поэтому лучше сказать так: либеральное, которое, в сущности, обозначает эгоизм и демократическое, которое, в сущности, обозначает социализм. Безопасность через внутреннего человека и его стремлением жить по законам веры и любви сразу ставит проблему стержня личностного поведения – совести. И таким стержнем выступает вера в Христа и сам Христос. Ибо как свидетельствует Апостол «благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов» (Кол.1:12-14).

Литература

1. Вознесенская О.В. Безопасность личности в чрезвычайных ситуациях: философско-политологический анализ: Дисс... канд. Филос. Наук // Академия Федеральной пограничной службы (АФПС). 2000.
2. Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ТРГУ, 2001.
3. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. М.: Олма-Пресс, 2002.

4. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные компании. М.: Академия, 2005.

5. Камашев С.В. Безопасность образовательного пространства: философский анализ. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

6. Интернет-проект: НацБез. Ру.

7. V Межвузовская научно-практическая конференция «Духовная безопасность современного российского общества и пути ее укрепления». Филиал МГОУ, г. Кропоткин. Секции: «Историко-философские проблемы духовной безопасности российского общества», «Нормативно-правовой аспект духовной безопасности современного российского общества», «Экономические аспекты духовной безопасности российского общества», «Безопасность жизнедеятельности», «Информационный аспект духовной безопасности общества», «Социальные аспекты духовной безопасности».

8. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность» // <http://credonew.ru/content/view/207/>

9. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. – Луганск: Світлиця, 2003

10. Исаев В.Д., Ильченко В.И., Шулико В.П. Духовное возрождение личности в современном социуме Украины (смена парадигмы). – Луганск: «Глобус», 2005.

11. Исаев В.Д. Реальність людини: Навчальний посібник. – Луганськ: Глобус, 2006.

12. Исаев В.Д., Ильченко В.И. Методологические проблемы воспитания и обучения в современном информационном обществе. // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. – 2005. – № 11, листопад.

13. Исаев В.Д., Ильченко В.И. Диалектика внутреннего и внешнего человека как информационная проблема. // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. – 2006. – № 21, грудень.

14. Августин Блаженный. Исповедь / Августин Блаженный. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – Кн.10. – Гл. XXI. – С. 43.

Ponomarev A.V. SPIRITUAL AND MORAL HEALTH OF THE INNER MAN AS THE BASIS OF SECURITY OF HIS BEING

The article defines the essence of security, the parameters of the structure of spiritual and moral security based on the formation and development of the qualities of the inner man, formed in the cultural space based on the dominance of the latter in society. Two strategies of forming security in the modern society

are considered: the austere strategy and the strategy of violence, and ways of resolving the contradiction between them as a conscious decision of the inner man

Key words: *security, time logic and the logic of Eternity, external and internal man, quasi-security, civilization and culture, society, ego-center «I».*

Рецензент: Ильченко В.И. – к. пед. н., доцент.

Пономарев Александр Владимирович – протоиерей о. Александр, магистр-аналитик философии и теологии, аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, настоятель храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление» (г.Луганск).

УДК 37.035.4:342.742

Ильченко В.И.

**ВОСПИТАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА
В АРХИТЕКТОНИКЕ САКРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ
СВЯТОСТИ КАК ГАРАНТА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОТЕЧЕСТВА
(постановка проблемы на методологической
основе православия)**

*Если внешний наш человек и тлеет, то
внутренний со дня на день обновляется.
2Кор.4:16*

*Солдату надлежит быть здорову, храбру,
тверду, решиму, правдиву, благочестиву.
Молись Богу! От Него победа. Чудо
богатыри, Бог нас водит, Он нам генерал.
Божий раб, Граф Александр Суворов-Рымникский*

Когда-то гениальный Архимед утверждал, что имея точку опоры, можно, при помощи рычага, перевернуть Землю. Такая, и не просто точка опоры, а целое предельно-абсолютное духовное основание, может находиться в сердце человека, опираясь на которое, можно перевернуть и разрушить любую систему

опасностей, как внешних, так и внутренних. Эти две опорно-спасительные мистические субстанции явлены в Православии как Дух Святой и Богочеловек Иисус Христос. Соработничая с Ними, внутренний человек может стать непоколебимым гарантом комплексной безопасности своего Отечества. Но именно данный подход практически не реализуется в светских государственных структурах: в системах образования и безопасности. К сожалению, это всемогущее основание («камень»), в который раз, на протяжении веков отвергают опрометчивые строители, постоянно пожиная плоды реализовавшихся опасностей.

Ключевые слова: *опасность, безопасность, духовная безопасность, внешний и внутренний человек, светская цивилизационная педагогика, сакральная педагогика святости.*

Актуальность исследования. Уровень опасностей в современном мире предельно высок. Генсек ООН Антонио Гуттериш отмечал: «Год назад, заняв эту должность, я призвал сделать 2017 годом мира. К сожалению, мир ушел в принципиально ином направлении. Поэтому сейчас я не делаю обращений. Я даю предупреждение – сигнал тревоги для нашего мира».

20 февраля 2018 г. президент Украины П. Порошенко подписал закон о реинтеграции Донбасса, что предусматривает передачу ему права использовать армию внутри страны без согласия парламента. Горячие головы украинского политикума ранее призывали расстреливать русскоязычное население Донбасса «атомным оружием», а теперь – стереть с лица земли Донецк, Луганск и другие города региона для выхода на российскую границу, невзирая на множество жертв среди мирного населения, именованного ими, как коллаборационисты. В связи с системными угрозами, в своем послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., Президент РФ В.В. Путин четко заявил всему миру, что любое применение ядерного оружия против России или ее союзников, будет рассматриваться как ядерное нападение. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями.

Предотвратить эти опасности, по нашему мнению, можно быстрым, строгим и поэтапным исполнением Минских соглашений, а в дальнейшем – длительным перевоспитанием народа, потерявшего духовно-нравственные ориентиры. Опыт 40-летнего формирования еврейского народа, под водительством Бога и Моисея в пустыне, при наличии Декалога, – яркий и полезный пример как для всего мирового сообщества, так и для Украины. Для этого и необходимо Библейское образование.

Степень исследования проблемы. Доминанта светскости и секуляризации как в социуме, государстве, так и в системе образования

ЛНР (Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики, Законы ЛНР «Об образовании», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О военном положении», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму») не дают в полной мере оптимальных оснований для реализации системного применения на практике возможностей Сакральной педагогики святости, для воспитания внутреннего человека, как гаранта духовной безопасности своего Отечества в пространстве духовно-нравственных ценностей Православия Русского мира.

Цель исследования. Осознать системные и разноуровневые опасности, кризисы, вызовы в пространстве социума (цивилизация – культура) и предложить пути выхода из них в гуманитарно-образовательной сфере, путём целенаправленного воспитания внутреннего человека на основе духовно-нравственных ценностей Православия, как ведущей вере нашего народа и духовной основы Русской культуры.

Основная часть. Прежде чем говорить о безопасности, важно разобраться в опасностях. Необходимо уметь определять и знать координаты опасностей, их природу, источники и причины, их субъект-объектных носителей, а также пространство, в которых они проявляются и реализуются. Это пространство социума, которое представлено двумя основаниями – цивилизацией и культурой, в которых реализуются жизненные обстоятельства каждого человека и каждого сообщества.

Цивилизация – это пространственно-временной способ жизнедеятельности внешнего человека с эго-центром «Я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с временной и конечной логикой истории. **Культура** – пространственно-временной способ жизнедеятельности внутреннего человека с альтруизм-центром «Мы», обслуживаемым цивилизацией, который разворачивается в логике вечности [1].

Безопасность в пространстве цивилизации должна осуществляться так, чтобы обеспечивать определенный (оптимальный для всех) уровень удовлетворения потребностей. Но в каждом конкретном социуме, основанном на производстве, **потребностей всегда больше**, чем ресурсов (вещества природы; энергии; квалифицированных кадров и др.). Потому, в примитивном подходе, нужно осуществлять захваты новых (чужих) ресурсов, чтобы обеспечивать себя. А это практика однополярного мира, практика силы, стратегия все расширяющейся войны. Возможен и другой путь, - осуществлять стратегию экономии, когда необходимо создавать многополярный мир со справедливым и рациональным распределением ресурсов. Однако, на современном историческом этапе развития социума,

доминантным является стратегическая опасность угрозы, осуществляемая действием всё расширяющейся силы [2].

Опасность – это возможность нанесения вреда (материального, физического, морального, духовного разложения) личности, обществу и государству извне или изнутри. Это одно из основных понятий наряду с вызовом, кризисом, риском и угрозой. По масштабам возможных негативных последствий, опасности могут быть: глобальные, региональные, национальные, локальные, частные. По срокам подготовки, реализации и предотвращения опасностей, можно говорить о: краткосрочных, средне и долгосрочных возможностях. Содержание данной статьи нацелено на решение глобальных, стратегических проблем, воздействия не на следствия и явления, а на глубинную сущность, заложенную в трансцендентно-причинных глубинах человеческого «Я», которую может изменить только сам человек, через свое самообучение, самовоспитание и самоизменение (метанойя). Именно в глубинах человеческого «Я» (во внутреннем человеке) находятся основания совершенно иного вида безопасности в проявлениях веры, воли, совести, аскетизма и самоограничения, что обычно приводит к резкому сужению расширяющегося спектра материально-витальных (цивилизационных) потребностей. Но такая безопасность может осуществляться не просто в культуре, а в теосе культуры, т.е. в интимном и мистическом пространстве Богооткровения.

Учет этих динамических факторов, а также стратегий безопасности в двухсоставном социуме, даст возможность комплексно прогнозировать последствия системного ущерба и такая предварительная теоретико-аналитическая работа позволит выстраивать адекватные и оптимальные системы и правила безопасности.

Глубинное онтологическое содержание опасности, опредмеченное в процессе её практической реализации, в итоге проявляется как зло, насилие, а в предельных своих значениях, как уничтожение людей, народов и целых стран (например, «ядерная зима»). Опасность исходно зарождается в помыслах на душевно-духовном уровне (причина), а завершается – на телесно-материальном (следствие). Потому и борьба со злом должна начинаться не только на видимом этапе фактов, явлений и следствий, а на исходно-причинном, невидимом сущностном уровне.

С этической точки зрения, плоды реализованной опасности оцениваются как зло, грех и преступление. Вся история человечества, включая и сегодняшний день, убеждает нас в правоте библейской истины о том, что мир лежит во зле (1Иоан.5:19), после совершенного грехопадения наших прародителей (Быт. 3). Разочарование Бога Созидателя в падших

людях следует со времен Ветхого Завета: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил...» (Быт. 6:5-7). И был великий потоп (кризис), как наказание Господне. Но не сокрушился и не покаялся человек, ответив Господу гордыней строительства Вавилонской башни. Но любящий Господь дает Моисею на скрижалях Закон исправления (Декалог), в котором задаются нормы земного поведения, с указанием запретов (табу): **не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства, не пожелай чужого**. Это тот этический минимум, ниже которого уже свирепствует гибельная бесовская бесчеловечность. Однако и этот минимальный перечень табу, оказался непосильным для исполнения человеком. Потому, современный мир не только статично возлежит во зле и грехе, но и с мазохистским упорством активно погружается в его inferнальные пучины.

Обезумел человек, потерявший Бога. Христианство четко определяет системообразующий фактор этой комплексной опасности – дьявол (Люцифер), как высший бестелесный духовный носитель греха и зла, произрастающий в сердце человеческом. Но в этом же сердце может пребывать и Господь в Духе Святом. Потому двуличие человека дает ему возможность совершать как злое, так и доброе, в зависимости от того, какими ценностями он наполнил внутреннее пространство своего духовного мира. Ибо где сокровища твои, там и сердце твое (Матф.6:21). Эту проблему прописал и Ф.М.Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы», указывая на то, что «дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Исходя из вышесказанного, проблема и опасности, и безопасности прямо и опосредованно сводится единственно к феномену человека. Только от человека в диалектической взаимосвязи исходят как угроза, так и безопасность, и на нем же (на человеке и на человечестве), в конце концов, они и замыкаются. Зло, угрозы, грех сами по себе в мире не существуют. Материальными (телесными) их носителями являются люди. Именно в человеческой экзистенциальной глубине рождается и формируется зло и экстериоризируется во внешний мир, в среду обитания и общения других людей, создавая угрозы, напряжение, насилие. «Ибо извнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, лжесвидетельства, худения, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» (Матф.15:19,20; Мар.7:21-24).

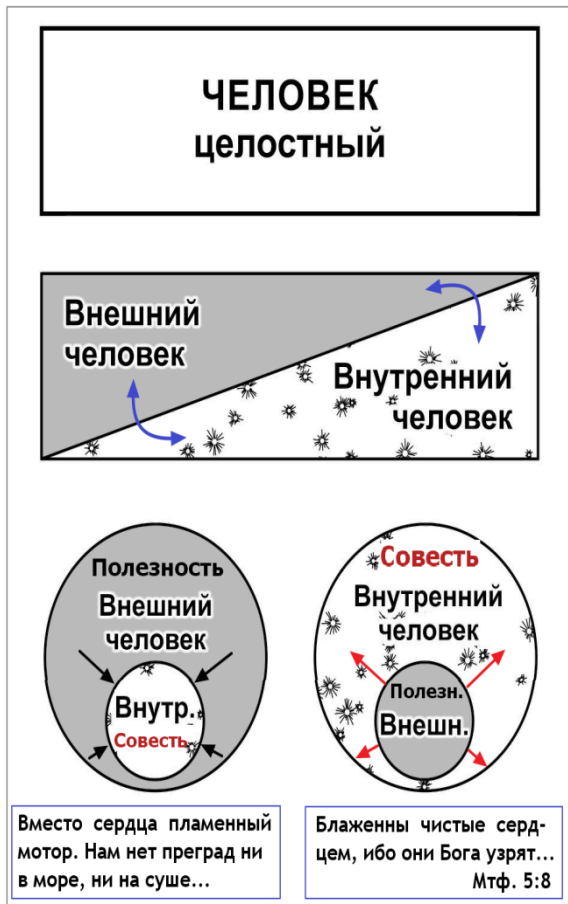
Недаром авторы цветных революций, используя системные методики разрушения, утверждают: начните развращать молодежь и через несколько лет эта же молодежь в упоении сама и разрушит свою страну. Пир во время чумы.

Как противодействовать злу и угрозам, выплескивающимся из душевных недр человеческого сердца? Для этого нужно знать и понимать сущность человека, смысл предзаданности его бытия. Однако, проблема феномена человека, его онтологии до сих пор не разрешена, несмотря на высокий уровень развития всей современной интегративной науки о человеке. Ибо он, помимо своей земной природы, помимо сугубо человеческого, в беспредельных сферах трансцендентного бытия, - существо божественное, святое, сакральное, потенциально образ Божий с возможным свободным устремлением, при волевом усилии и делании, – к Богоподобию по благодати (теозис) или к одьяволению.

Любая целостная система, по своему диалектическому устройству, состоит, как минимум, из двух взаимообусловленных, взаимодополняющих и взаимоисключающих частей, элементов. Так и целостный человек, по святоотеческому преданию, проявляется как **человек внешний** (телесный, душевный, ветхозаветный, греховный, смертный, моральный, субъект целеполагающей и целераализующей деятельности по изменению внешнего мира), так и **человек внутренний** (духовный, новозаветный, вечный, нравственный, совестливый, стыдливый, субъект целеполагающей и целераализующей деятельности по определению высшего смысла своей жизни, внутренне тяготеющий к Богоподобию через добротворчество, устремленный к святости по благодати для предстояния одесную Христа в вечности инобытия). Вот эти две сферы (зачастую непримиримые и враждующие) и составляют феномен целостного человека.

Наличие дуальности (бифуркальности) в целостном человеке определяет вектор его системного качества в зависимости от того, какая из составных частей преобладает, являясь доминантной. Если в целостном человеке доминирует внешний человек, то мы получаем субъекта внешней созидательной, а чаще всего – разрушительной деятельности. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Ведь Октябрьский переворот 1917 совершал внешний человек, который жаждал разрушить до основания весь мир насилья в планетарном масштабе и построить новый мир светлого будущего. А всё обернулось наоборот. Внешний человек «удушил» свою совесть, отправил своего внутреннего человека в длительный «метафизический» обморок (Антоний Сурожский), потерял стыд и стал палачом по уничтожению своих же соотечественников, названных «врагами народа». Так же начали уничтожаться силами АТО «сепары»,

«ватники», «недочеловеки», «биологический мусор», - мужественные люди Донбасса, восставшие против бандеровского майдана в 2014 году. Весь мир обошла телевизионная картинка скачущей школы орущая, от первокурсника до директора: «москаляку на гілляку».

На протяжении последнего времени эту доминанту внешнего человека используют США, неся кровавую и цветную «демократию» посредством «уникальности» своей нации многим народам мира, в том числе и на Украину (Р.Роллан «Предупреждение Америке»). Таким образом, гордому, но смертному внешнему человеку, ломающему традиционные духовные стереотипы, очень мешает его же внутренний вечный человек с муками и страданиями совести, стыдливостью, верой в

Схема 1

высшую справедливость и Истину. Внутренний человек становится врагом внешнему и он (внешний), готов кровного брата своего не только изолировать, но и уничтожить. Именно так и поступил Каин, убив своего родного брата Авеля. Именно Каин создал первую технократическую эгоцентричную цивилизацию, которая, совершенствуясь во зле, до сих пор несет все возрастающие угрозы, беды, кризисы и войны в глобальном

планетарном масштабе.

Так, где же выход? Когда же мы «вынырнем» из inferнальных глубин дьявольского зла? Неужели человечество запрограммировано на бытие в этой страшной и губительной матрице? Разве доминанта внешнего человека и впредь будет всевозрастающей?

Выход очень простой: в пространстве свободного демократического гражданского общества необходимо начать как можно активнее воспитывать внутреннего человека, чтобы именно он стал доминантным в структуре целостного человека, стал старшим и авторитетным братом над внешним. Они должны не просто сотрудничать, необходима их резонансная синергия (соработничество). Если внешний человек руководствуется эмоциями, страстями, рассудочным мышлением, то внутренний – связан силой воли и своим человеческим духом с высшими мистическими силами Пресвятой Троицы. И это не мифы, а проверенный веками практический и таинственный исихастский механизм молитвенной связи человека и Бога. Потому мы с уверенностью используем утверждение Серафима Саровского, обращенное и к нам: «Стяжайте Дух Святой и тысячи вокруг вас спасутся» (спасение – это и есть практический результат безопасности, ниже, мы рассмотрим два уровня спасения: в мире дольном и в мире Горнем). Потому, чтобы внутреннему человеку выйти из «метафизической» комы, необходимо практически начать стяжать житнетворный Святой Дух. А он стяжается, начиная с таинства крещения (духовного рождения человека и вхождения крещаемого в статус воина Христова), а затем продолжается на протяжении всей жизни, восходя по духовным ступеням в пространство святости посредством участия в литургии, исповеди и покаянии. И этот человек уже признается Господом святым, именно ему адресуется последний литургийный возглас священника: «Святая святым!». А во время приёма Евхаристических даров из Чаши звучат песнопения: «Тело Христово примите. Источника Бессмертного вкусите» (Схема № 2).

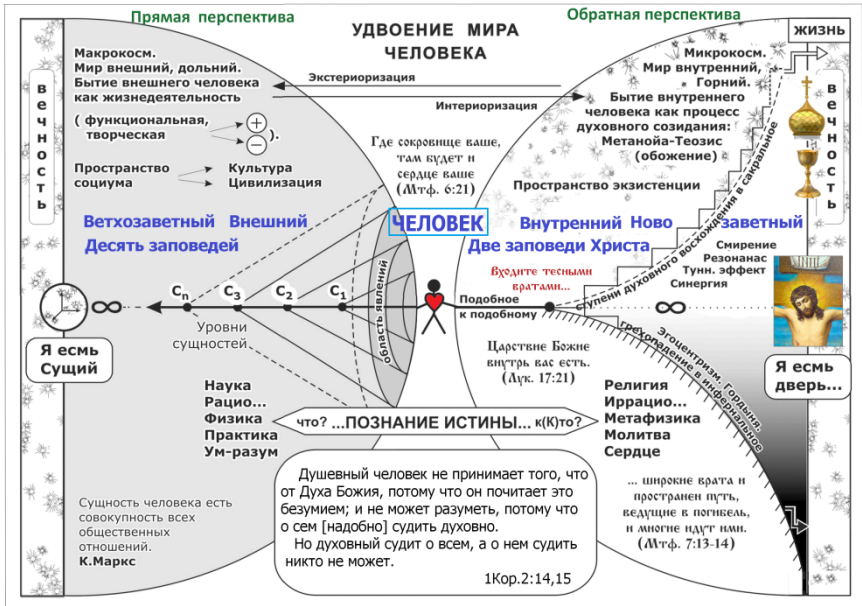

Схема 2

Схема дает целостное представление о единстве двух пространств, в котором бытийствует целостный человек, проявляясь в деятельности как внешнего, так и внутреннего человека. Если прослеживается доминанта внутреннего человека, то изучив проблему внешних вызовов или опасностей, субъект обращается (интериоризация) во внутреннее пространство своей экзистенции, трансцендентально поднимаясь (образное выражение) по ступеням ценностно-смысловой сферы, принимая решение (как на основе мыслительных процессов: логико-вариативного, системно-диалектического, вероятно-прогностического, или получая информацию мистическим путем через знаково-символический, трансцендентно-метафизический код или молитвенное вопрошание) и через внешнего человека начинается деятельность во внешнем пространстве (экстериоризация), по пресечению или купированию возникшей проблемы или опасности, как на уровне сущности, так и на уровне явления. Внешний человек выступает уникальным исполнителем идей, смыслов и целей внутреннего человека (внутренний – аргументален, а внешний - функционален). Такая деятельность происходит в духовно-нравственной сфере созидательного **добротворчества** в пространстве культуры.

Но духи, питающие внутренний человеческий мир, бывают разные, в том числе и злые, дьявольские, сатанинские. На это нам указывает Евангелист Иоанн Богослов в своем первом послании: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.» (1Иоан.4:1-4). Потому на схеме (в правой её полусфере), четко определяется траектория эгоцентризма, гордыни грехопадения в сатанинское пространство inferнального. Вот откуда черпается энергия зла, опасностей, которые потом вбрасываются внешним человеком во внешний мир (левая полусфера). Это тоже творчество, но именуемое **злотворчеством**. И в первом, и во втором случаях и внешний человек, и внутренний – действуют сообща. Только в первом случае имело место созидательное добротворчество, а во втором – разрушительное злотворчество. Проблема заключается в создании таких педагогических условий (воспитание – обучение) в системе образования, чтобы пресекать через саморефлексию, исполнение заповедей и волю, падение субъектов в глубины inferнального и помогать им самостоятельно взбираться по ступеням сакрального к вершинам святости, научая субъектов умениям самовоспитания и самопознания в процессе стяжания Духа Святого.

Каким же образом управлять таким педагогическим процессом? Для этого необходимо выйти из горизонтальности жизненных, цивилизационных отношений, в совершенно иное пространство, в пространство архитектоники вертикали теоса культуры, устремляясь к высотам Духа Святого. Уйти с уровня явления на уровень сущности. Именно сущностный уровень поможет не только управлять временной ситуацией, но и контролировать ее с позиции вечных духовных ценностей, наполнять конкретику вечными сакральными смыслами культуры и религии. Пространство духовной вертикали теоса культуры, это и есть мир Горний, где бытует одухотворяемый внутренний человек. Представитель русского «духовного ренессанса», философ Е.Н.Трубецкой (1863 - 1920) в знаковой работе «Смысл жизни» определил это измерение как «Вертикальную линию жизни». Горизонталь – всегда ограниченность, относительность, неполнота, временное, преходящее, всё то, что чем наполнено пространство цивилизации. Только при наличии вертикали, горизонтальность может получить оправдание в самой себе. Вертикаль – феномен, аргумент и атрибут Абсолютного, вечного, непреходящего,

духовного. Пространство полного жизненного смысла может быть определено и оправдано только вертикалью. Но предельное поднятие по данной вертикали неотвратимо приводит к Богу, любви (агапе), святости, как максимально проявленному **сакральному**. Только на этом пути раскрываются и наполняются истинным содержанием такие понятия как любовь, сострадание, милосердие, душа, дух, совесть, святость, нравственность.

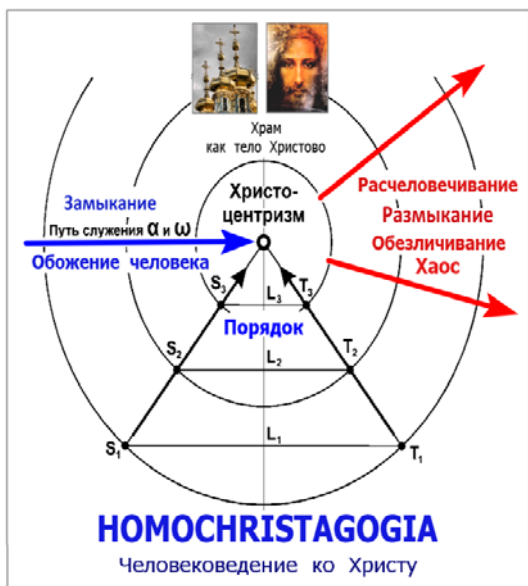

Схема 3

Вышеизложенное позволяет говорить о целостной личности. Личность – есть сложное, нелинейное, гармоническое и диалектическое единство внешнего и внутреннего человека, единство рационального и сердечного (образно-чувственного). Внутренний человек – целостный человек, когда единство души и тела предстают под управление Духа, который нужно постоянно стяжать, ибо Царствие Божие силою берется. Личность только и может самосозидаться,

при волевом стяжании благодати, в движении по пути $\acute{\alpha}$ и ω в пространстве Христоцентризма. Поэтому, внутренний человек как «духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, А нам Бог открыл [это] Духом Своим; ибо Дух все пронизает, и глубины Божии. Ибо кто познал ум Господень, чтобы [мог] судить его? А мы имеем ум Христов» (1Кор.2:10-16).

Стратегия деятельности внутреннего человека заключается в использовании ценностей вечного. Ибо только при наличии Божественной энергии Духа, человек предстоит в своей целостности и совершенстве пред Господом и способен к нравственной деятельности, обеспечивая реальную

и истинную безопасность в пространстве культуры и через нее, детерминантно воздействуя на цивилизацию. В противном случае эта целостность разрушается, и личность вырождается в свой примитив, во внешнего человека, которым руководит инфернальная сущность. Такое понимание соответствует каноническим Новозаветным представлениям о человеке. Апостол Павел говорит: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно» (2Кор.4:16-18). Внутренний человекечно жив, ибо он призван духовно каждый день обновляться, восходя с молитвой по ступеням лестницы Иакова к Богу (Быт.28:12). Только через внутреннего человека можно найти удовлетворение и пользу в законе Божием (Рим.7: 22), обретя, при этом, **абсолютную безопасность**. Эта мысль получила свое исходное развитие в том, что: «На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне человек?» (Пс.55:12).

Таким образом, становится понятным, что главным ориентиром формирования целостной личности для пространства культуры и постиндустриальной цивилизации есть воспитание в ней внутреннего человека, доминантного над внешним. Определяющим направлением является духовно-нравственная вертикаль, устремленная в пространство святости, сакрального, Божественного. А воспитательным средством такого образовательного процесса выступает Сакральная педагогика святости, построенная на 2-х заповедях любви, которые принес вочеловечившийся Иисус Христос.

Сакральная педагогика осуществляет такой образовательный процесс, который через культуру включает личность в мистические таинства православной веры (религия – Re-ligare – во восстановление утраченной связи с Богом). У личности вырабатываются не только способности, но и потребности сравнивать свои целеполагания, действия, поступки и целую жизнедеятельность с высшим эталоном и смыслом сверхчеловеческого бытия. Человек, воспитанный в такой традиции, оказывается в условиях совершенной защищенности, в ситуации абсолютной безопасности. И в Новом Завете это однозначно подтверждается: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим.8:31). Данная позиция еще более усиливается, если человек, осознав свою внутреннюю священную сущность, будет формировать комплекс духовно-нравственных способностей: способность веры; способность любви к Богу и ближнему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же

подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф.22:37-41). Способность милосердия, ставя себя на место не только любого другого, ощущая его боль (эмпатия), но и милосердное отношение к врагам своим: «А Я (Господь) говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф.5:44); способность самопожертвования во имя другого: «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн. 15: 13).

Представления о всеобщей любви в православии, приводит к осознанию того, что существует асимметрия добра и зла. Добро преобладает над злом. Такой нравственный вектор и приводит к абсолютному добру, к абсолютной любви, к абсолютной свободе, к абсолютной безопасности, т.е. к Богу.

В этой связи у внешнего человека асимметрия

обращена в обратном направлении, где зло превалирует над добром. Данный путь развернут в инфернальное, со всеми трагическими последствиями. А начинался тоже с любви, но любви плотской, похотской. И этот вектор задается в масскультуре и шоубизнесе, расцветая пыльным инфернальным

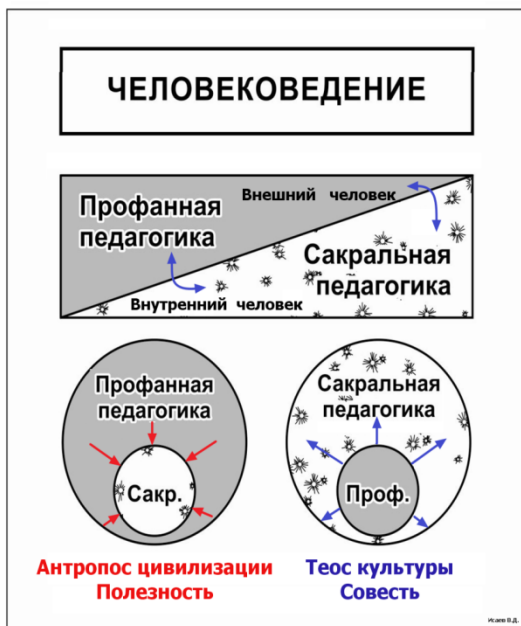

Схема 4

цветом. В популярном шлягере восторженно звучат слова, ласкающие душевные страсти внешнего человека: «Я душу дьяволу продам за ночь с тобой».

Сакральная педагогика предусматривает реализацию дидактического направления по формированию целостного мировоззрения. Об этом писал академик Б.В. Раушенбах: «Человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное (включая образное) восприятие его. Мир следует постигать, по выражению Гомера, и мыслью и сердцем. Лишь совокупность научной и «сердечной» картины мира даст достойное человека отображение мира в его сознании и сможет быть надежной основой для поведения». Вот это и есть методологический указатель для целостного и сакрального переустройства педагогической теории и практики. И чем больше людей попадет в деятельностную сферу функционирования и развития сакральной педагогики святости, тем все более будет нарастать «критическая масса» личностей, доминантным фактором которых будет выступать внутренний человек. Только при таком условии эта критическая масса запустит процессы формирования и нации и народа. А иначе, как пишет иеромонах Роман (Матюшин): «Без Бога нация – толпа./ Объединенная пороком, / Толпа останется толпой./ Пока не обратится к Богу!». Потому и демократия не оправдывает чаяния народов, ввиду того, что забыто изречение Ж.Ж.Руссо, который утверждал, что демократия создавалась не для людей, а для богов. Человечеству нужно обожиться, чтобы достойно жить в демократическом сообществе. Святые отцы вывели формулу, по которой этот процесс осуществим: Бог вочеловечился, чтобы человек – обожился.

Какова же роль цивилизационной (профанной) педагогики, которая должна разрабатывать теоретические основы, для практики создания образовательных условий воспитания и обучения внешнего человека (Схема 4)? Её задача социализировать внешнего человека, подготавливая его как субъекта деятельности по преобразованию внешнего материального мира. Методологическим основанием выступает такой формат решения основного вопроса философии (ОВФ), когда ведущим элементом противоречия является материя, а сознание, духовность, идея выступают функциональным пособием. Здесь царят, в основном, идеологические установки (моральный кодекс строителя коммунизма), используемые в душевно-моральном воспитании и предметноцентрическая система устройства дидактики с целью запоминания содержания учебного материала. Потому и акцентируются мнемонические приёмы, используемые для эффективного заполнения тестовых таблиц. На выходе из неё – человек-флешка, вне целостного (научно-богословского) мировоззрения, так и не наученный мыслить (Э.В.Ильенков «Школа должна учить мыслить»). Вот так возвращается монстр в роли внешнего человека – антипод внутреннему – святому. Но свято место пусто не бывает, и ролью внутреннего-святого

овладевает внутренний человек, сущностно наполненный сатанинским inferнальным содержанием. «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит [его] незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Матф.12:43-45). И педагогическим идеалом для такого одьяволенного внутреннего человека становится антихрист (Ф.М.Достоевский «Легенда о великом Инквизиторе»), а не Иисус Христос, как идеал внутреннего-святого (К.Ушинский, Н.Гоголь, Ф.Достоевский, С.Гогоцкий, П.Юркевич, Н.Пирогов, П.Новгородцев, В.Зеньковский). Потому, на современном этапе и социального, и педагогического строительства доминантной должна стать Сакральная педагогика святости (Схема 4), выстроенная на педагогических воззрениях Евангельской любви, ибо Бог есть любовь, потому: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5:48). Тогда, Сакральная педагогика святости введет профанную педагогику, по принципу дополнительности, как элемент в свою конфигурацию и будет отвечать за формирование и самовоспитания человека совестливого, умеющего профессионально трудиться, принося пользу и защиту своему Отечеству, как человековедение ко Христу.

Сакральная педагогика святости – это диалектический синтез науки, искусства и веры, способствующий раскрытию в человеке вершинных предзаданных духовных оснований, являющихся доминантными и создающими оптимальные условия и средства, устремляющие человека в процессе самоосуществления им жизненной стратегии добротворчества совместно с другими субъектами общей соборной деятельности и катарсических сопереживаний, к высшим духовным ценностям и смыслам, к Абсолютному личностному идеалу - к Господу нашему Иисусу Христу и надежды обожения по благодати и стоянии в Вечности одесную Иисуса Христа.

Идея и процесс созидания целостного человека (Сакральная педагогика святости) с воспитанием доминанты в нем внутреннего человека, были изначально предзаданы Богом каждому человеку, а системно – всему человечеству, начиная с этапа Сотворения мира. Потому и начертал Господь путь мудрости, чтобы вести человека и человечество по стезям прямым (3 Цар. 3:14; Притч. 4:11 и др.).

Выводы. Если сегодня мы осознаем величие и необходимость этого доминантного святого пути, то нет, и не может быть той опасной силы, которая нас смогла бы победить. Ибо с нами Иисус Христос. А Он с нами,

потому, что в преамбуле принятого 2 февраля 2018 года законе «**О свободе совести и о религиозных объединениях**» в ЛНР четко и однозначно прописано: «Луганская Народная Республика является государством, которое признает особую роль православия в своей истории, в становлении и развитии духовности и культуры». Христос с нами, потому, что в перечне государственных праздников ЛНР заявлены три церковных православных праздника: Рождество Христово, Пасха Христова и День Святой Троицы, Пятидесятница (День Святого Духа). Христос с нами до скончания века, потому, что и в гимне ЛНР громогласно звучит: «С нами Бог!».

В этой связи можно констатировать, что идея всемирной, планетарной системы безопасности принадлежит Иисусу Христу, который призвал апостолов к святому деланию, сказав им: «дана Мне всякая власть на небе и на земле. Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Матф.28:18-20). Учить Христу нужно все народы и их правителей.

Почти 2,5 тысячи лет назад, великий Платон провозгласил, что справедливым государством должны управлять философы. Мы же, опираясь на вышеприведенные слова Иисуса Христа, можем сказать, что эффективно руководить государством, в пространстве Русского православного мира могут оргуправленцы, имеющие, помимо светского базового образования, в том числе и философского, еще и основательные богословские знания. Православный народ нуждается в православном правителе. Только тогда, по принципу дополнительности, в полную силу заработают идеи Синергии и Симфонии. В этой связи уместно привести слова, написанные Н.Пироговым в знаменитой статье «Вопросы жизни»: ...вспомним еще раз, что мы христиане и, следовательно, главной основой нашего воспитания служит и должно служить Откровение.

Если принять такую концептуальную идею, устроенную на методологической основе Православия (при доминанте мистического, трансцендентного, метафизического, иррационального, святого), тогда придется переустраивать и переформатировать свое земное бытие мира дольнего: и социум, и, в частности, систему образования. Но только так и можно достичь абсолютной безопасности, устремляясь в мир Горний. Грубая цивилизационная сила может быть побеждена только высотой высших смыслов Божественного бытия. Всё остальное – от лукавого.

Литература

1.Исаев В.Д. Антропос цивілізації та теос культури // Автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. д-ра филос. наук: (09.00.04) / Луганськ, 2012. – 35 с.

2. Исаев В.Д. Духовная опасность «новой духовности» / Вестник Луганского национального университета им. В.Даля, № 4(6) Ч.1, 2017, С. 17-20

3. Вознесенская О.В. Безопасность личности в чрезвычайных ситуациях: философско-политологический анализ: Дисс... канд. Филос. Наук / Академия Федеральной пограничной службы (АФПС). 2000. – 179 с.

4. Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ТРГУ, 2001. – 108 с.

5. Раушенбах Б.В. К рационально-образной картине мира // Коммунист. – 1989. – № 8. С.12-23.

6. Ильченко В.И. Духовно-нравственные основы возрождения системы образования в ЛНР // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета им. В.Даля. Выпуск № 1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В.Даля, 2016. – С. 134-145.

7. Ильченко В.И., Шелюто В.М. Духовная культура в пространстве сакрального: Монография. – СПб: Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. – С. 432-594.

8. Ильченко В.И. Смена образовательной парадигмы Донбасса (созидание целостной личности средствами сакральной педагогики) Філософська та релігійна антропология: Збірник наукових праць СНУ ім. В.Даля. Випуск № 3-4. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2014. – С.241-254.

9. Ильченко В.И. Сакральная педагогика сердца Памфила Юркевича (Хрестоматия научно-христианской педагогики) / Научное издание. – Луганск: ОАО "ЛОТ", 2000. – 400 с.

10. Ильченко В.И. Сакральная педагогика: воспитание совершенного человека / В.И. Ильченко // Філософські дослідження. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. – Випуск № 8. – Луганськ, 2007. – С. 56-68.

11. Ильченко В.И. Феномен внутреннего человека в архитектонике Христоцентризма / В.И. Ильченко // Філософські проблеми людини // Матеріали науково-практичної конференції. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2011. – С. 208-212.

12. Ильченко В.И. Сакральная педагогика в духовном пространстве культуры восточных славян. / В.И. Ильченко // Релігія. Особистість. Громадянське суспільство. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. – Луганськ, 2003. – С.24-30.

13. Драгнев Ю.В. Православная педагогика физической культуры в информационном обществе (на основе православной святоотеческой традиции) / Ю.В. Драгнев. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В.Даля, 2017. – 801 с.

Ищенко В.И. EDUCATION OF THE INNER PERSON IN ARCHITECTURE OF SACRED PEDAGOGY OF HOLINESS AS GUARANTOR OF SPIRITUAL SECURITY OF HOMELAND (stating the problem on the methodological basis of Orthodoxy)

Once an ingenious Archimedes claimed that having a fulcrum, it is possible, with the help of a lever, to turn the Earth. Such, and not just a point of support, but a whole ultimate-absolute spiritual foundation, can be in the heart of a person, relying on which, he can turn and destroy any system of dangers, both external and internal. These two supporting and saving mystical substances are manifested in Orthodoxy as the Holy Spirit and the God-man Jesus Christ. Working with them, the inner man can become an unshakable guarantor of the integrated security of his Motherland. But this approach is practically not implemented in secular state structures: in education and security systems. Unfortunately, this omnipotent foundation ("stone"), for the umpteenth time, reckless builders for centuries, constantly reaping the fruits of the realized dangers.

Key words: *danger, security, spiritual security, external and internal man, secular civilization pedagogy, sacral pedagogy of holiness.*

Ильченко Валерий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

УДК 372.8: 37.01:130.2

Лукьяненко К.А.

**ТЕМА ЛЮБВИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ЕЕ РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ**

О любви последнее время говорят все кому не лень, снимают множество сериалов и фильмов, пишут множество книг. Но, не смотря на изобилие слов и смыслов, посвященных этой теме, в мире еще больше ощущается дефицит любви, непонимание того, какой является подлинная любовь. Традиционное понимание жертвенной, милосердной любви и верности, все чаще заменяется и вытесняется грубой, похотливой, меркантильной, эгоистичной, плотской любовью. Вся «жуть и муть»

подобной плотской любви очень ярко и отчетливо изображена, например, в таких российских сериалах как: «Улыбка пересмешника», «Тонкий лёд» и «Саранча». Но нужно сказать, что множественными примерами любви со знаком минус изобилует и вся мировая литература.

В своем кратком размышлении на тему любви мы лишь хотим подчеркнуть важность того, что реализация задачи по сохранению национального духовного кода, возрождения и привития русских нравственных ценностей будущим поколениям должна осуществляться сознательно. В образовательном и воспитательном процессе важно уметь грамотно проводить дифференциацию существующих типов любви, их отражений в культуре. Ведь любовью часто называют то, что чаще всего таковой не является. Отчего и почему так обстоят дела можно понять на многочисленных примерах художественной литературы.

Изучение феномена любви в школе должно быть поставлено на серьезный методологический уровень (а в университете должно быть продолжено в качестве специальных семинаров, в рамках изучения особенностей понимания, начиная с Античности, других феноменов: дружбы, красоты, святости, семьи, смысла жизни...). Учитель должен не только сам понимать разницу между типами любви, но и после прочтения каждого произведения, затрагивающего проблему любви, анализировать с учениками все положительные и отрицательные стороны любви, описанной в романе.

Стоит также особо подчеркнуть, что понимание этих произведений в полной мере возможно только в контексте христианской антропологии. Без знания того, что есть внешний и внутренний человек будет совершенно невозможно понять смысл многих произведений. И, в конце концов, нужно понимать, что только русское традиционное отношение к браку и семье способно сформировать крепкое и здоровое общество, а также выработать иммунитет от различных западных ядов постмодернистской гендерной морали.

Ключевые слова: любовь, влюбленность, литература, внешний и внутренний человек, страсть, христианство, рискогенный потенциал, неофитство.

В прошлом году подвергся нападкам член Союза писателей России, входящий в состав патриаршего совета по культуре, профессор, заведующий кафедрой гомилетики ПСТГУ, педагог высшей категории, духовник Алексиевского ставропигиального женского монастыря г. Москвы, протоиерей Артемий Владимиров. Ему «инкриминировали» идею запрета преподавания произведений школьной программы, в которых

поднимается тема любви. СМИ раздули колоссальную шумиху, обвинив не только отца Артемия, но и всю Церковь в мракобесии и клерикализме...

В свою очередь, протоиерей Артемий в интервью журналу «Фома» и радио «Вера» сказал, что «вопреки информации ряда СМИ, Церковь не выступает против классиков русской литературы, а за то, чтобы в школьной программе было больше произведений, способных научить детей добру, чистой жизни и настоящей любви» [1]. На самом деле отец Артемий призывал и призывает к полемике, которая «должна идти не против классиков, а за гармоничные и целостные примеры настоящей любви...» в педагогическом процессе. «Я рассказал комиссии о том, что в методическом пособии для педагогов госпожи Ереминой, разрабатывающей для рядовых литераторов вопросники для бесед с детьми о любви, я нашел, что идеал семейной жизни отступает на второй план, а свободная любовь, то есть ни к чему не обязывающее чувство главных героев... рассказов, объявляется некоей самоценной вещью. В ее жертву приносится семья, дети, тот самый семейный идеал, отсутствие которого сегодня так плачевно сказывается на наших супружествах», – пояснил священнослужитель.

Если быть объективными, то следует категорически уточнить, что во многих рассказах, затрагивающих тематику любви в школах, нет даже приближенного соответствия возрастной психологии...

Кто прав, кто виноват? Давайте попробуем разобраться.

Все мы – социальные существа. Мы проходим, в подавляющем большинстве, несколько стадий взросления: детский сад, школа, вуз. Уже в младенческом возрасте человеку свойственно переживать первые чувства влюбленности. Кто, воспитываясь в детском саду, не испытывал симпатии к противоположному полу? В школе это чувство обретает более отчетливые очертание и форму, но и они условные. И, именно в школьный период мы соприкасаемся с потрясающими произведениями великих мастеров письма! Несомненно, одним из важнейших направлений, которое изучают в школе на уроках русской и зарубежной литературы, является романтизм.

Удивительно, но среди школьников многие, прочитав то или иное произведение о романтической любви, считают, что именно такой и должна быть настоящая любовь. Однако, приняв эту мысль за истину, школьники сильно рискуют оказаться в ловушке. И вот почему.

Прежде всего, произведения и фильмы о романтической любви являются результатом полученного опыта пережитой любви (конкретнее: влюбленности) самих авторов, и эти произведения, по идее, должны были бы служить примером для нас как надо, или не надо поступать, что нужно,

или не нужно говорить и т.д. Однако, как правило, даже зная примеры любовных отношений, человек совершает одни и те же действия и ошибки, наступает на одни и те же эмпирические грабли, минуя накопленный многотысячелетний опыт.

Человек, опьяненный любовными чувствами, забывает все, чему он учился, забывает все, что он знал о любви в теории. Тогда получается, что история любви – учительница жизни, учит лишь тому, что она вовсе ничему не научила...

Когда поднимается тема любви, необходимо сразу задать вопрос, а что понимается под любовью? Недаром понятие любви дифференцируется еще с античных времен и имеет свою аксиологическую градацию. Основные типы любви были описаны еще Платоном в его знаменитых диалогах. В них мы встречаем такие типы любви как: эрос, сторге, филия и агапе. Мы не будем останавливаться подробно на каждом типе любви, но лишь подчеркнем, что любовь имеет свои стадии возрастания, взросления.

Правильно говорят, что любовь – это не существительное, а глагол. Этот тезис раскрывается в своей полноте благодаря апостолу Павлу. В своем послании к Коринфянам святой апостол описывает все свойства любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...» (1Кор. 13). А в послании к Колоссянам апостол говорит, что «любовь... есть совокупность совершенства» (Кол. 3:14).

Каждый, кто постарается в полной мере осмыслить сказанное, обязательно поймет насколько глубоки и проникновенны эти слова! Вот, что такое настоящая любовь!

Когда апостол Павел описывает свойства любви, он как раз говорит о любви-агапэ, к которой, духовно возрастая, должен стремиться каждый. Но, это возможно только посредством стяжания Духа Святого. Такую любовь имели святые отцы. О такой любви говорил и святой авва Дорофей в геометрической притче о любви, такой любовью любил всех проходящих к нему святой Серафим Саровский, встречая каждого словами «Радость моя».

А главной «героиней» наших размышлений является начальная стадия любви – страстная, чувственная любовь, плотская или любовь-эрос. Любовь-эрос – является любовью, безрассудной, в основании которой лежит страсть, основанная на физическом влечении к противоположному полу. Любовь эрос включает в себя три другие подтипа любви и может развиваться сообразно с одним из них: мания (любовь-одержимость), людус (любовь-игра) и прагма (любовь-расчет).

Любовь-эрос является основанием влюбленности. Т.е., когда мы говорим о любви в подростковом возрасте, то речь идет, прежде всего, о влюбленности. Но можно быть «слегка влюбленным», да еще и на расстоянии, безо всякого вреда для кого бы то ни было. А можно...

Анализируя феномен влюбленности, в своей книге «Любовь», английский писатель Клайв Стейплз Льюис скажет потрясающие слова о том, насколько сильно данный тип любви подменяет до неузнаваемости настоящую любовь. Пусть Вам не покажется странным, но я хочу сделать акцент на том, что здесь, в любви-влюбленности мы можем наблюдать те же скрытые свойства, что и в периоде религиозного неопитства. Как неопитство, при неверном развитии, может привести либо к уходу от веры, либо к «убийству ради Бога», а не к самому Богу. Так и неверно развивающаяся влюбленность может не перерасти, а чаще всего не перерастает в настоящую любовь.

Чтобы понять мою мысль, позволю себе привести цитату самого Льюиса: «Во всем своем самоотречении и величии она (влюбленность – К.Л.) может привести и ко злу. Мы ошибаемся, думая, что к греху ведет бездуховное, низменное чувство. К жестокости, неправде, самоубийству и убийству ведет не преходящая похоть, а высокая, истинная влюбленность, искренняя и жертвенная свыше всякой меры» [2].

Свыше всякой меры – это такая чрезмерность, которая может достигать абсурдно гигантских масштабов. Поэтому, этот тип любви является самым опасным. Обогащение влюбленными друг друга чаще всего обретает такой размах, что принимает форму особой религии. И эта созданная ими религия вырабатывает и свою догматику (вероучение) и свой «символ веры». Под этими «святыми занавесками» влюбленные могут оправдывать абсолютно ненормальные, с точки зрения нравственности, поступки.

Во имя «любви» осуществляются убийства, уходят из своих семей, обижают, обманывают родных и близких. Во имя «любви» кончают жизнь самоубийством. Подобная любовь эгоистична. Ее производными обычно являются: ревность, страх, гнев. Влюбленный ослепляется страстью. Разумеется, каждый в свою меру.

Романтическая любовь соответствует влюбленности – любви-эросу. В художественной литературе и в фильмах данному типу любви посвящена большая часть наиболее известных произведений. Влюбленного очень часто сравнивают с ослепленным, аргументируя это тем, что любовь сама по себе слепа. Многие психоаналитики подобную любовь считают неврозом, или попросту болезнью. Разумеется, не бесосновательно. Вот, например, в «Княжне Зизи» мы встречаем такие слова героини, описывающие влюбленность: «Маша, участь моя решилась: я... влюблена, Маша, я влюблена до безумия! Я хотела скрыть это и от тебя и от себя самой, но я не могу далее сохранить в душе моей этой тайны... Я полюбила его с первой минуты нашего свидания, я не могу жить без него... Если б ты видела его – ты бы поняла меня. Он соединение всех совершенств: прекрасен собою, глаза его – огонь, а его сердце, его доброе, прекрасное сердце, его кроткий, тихий разговор, его милое обращение... Я без ума, Маша; я стыжусь себя самой, я готова бежать за ним на край света, – и я не могу его видеть. Целый день я как пришта к окошку на моем проклятом мезонине, чтоб услышать стук его дрожек: я их узнаю между тысячами; услышу – и кровь у меня стынет в жилах, сердце бьется, я вся дрожу, я вся в огне, в глазах темно, и голова кругом – нет сил больше. Когда он уедет, я сбегаю вниз, ищу стула, на котором он сидел, стола, к которому он подходил, двери, в которую он вышел; я готова расцеловать их, – а тут мученье; Лидия, холодная Лидия, рассказывает, что он говорил, шутит, смеется над ним, а я... я ревную, я готова растерзать Лидию...»

Именно поэтому и отец Феофан Затворник в своей «Аскетике» также предостерегал юношей от попадания на «любовный крючок»: «Этого-то уязвления (влюбленности – К.Л.) больше всего надлежит избегать юноше, потому что это есть болезнь, и болезнь тем опаснейшая, что больному хочется болеть до безумия» [3]. Влюбленный юноша «уныл, погружен в себя... ищет, как будто что потерял, и что ни делает, делает для одного лица и как бы в присутствии его. Он точно потерянный, сон и еда нейдут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в расстройство; ему ничто не дорого. Он болен лютою болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни» [там же].

Справедливости ради, стоит отметить, что не смотря на всю романтику, подобный тип любви содержит в себе огромный рискогенный потенциал, потому что, чаще всего, приносит много горя и страданий не только самим влюбленным, но и их ближним. Какая мать не страдала, наблюдая со стороны за мучениями и душевными терзаниями от любовных переживаний ее дитя. Вспомним, хотя бы, «Бедную Лизу» Карамзина. А чем заканчивается данная повесть, все знают? Лиза кончает жизнь

самоубийством. А известие о смерти Лизы «убивает» и ее мать. Измена, предательство, грех «возлюбленного» Иуды по имени Эраст убили этих людей...

В школе, в обязательное прочтение входит множество произведений, в которых «любовь» заканчивается трагично. Вот, например, передо мной лежит книга под названием: «О любви. Лучшие произведения лучших классиков в одной книге», издательства АСТ, 2011 года. Обложка данной книги очень притягательна. Глядя на нее нельзя и подумать, что в книге могут содержаться произведения с ошеломляющим концом. Более того, на обороте ее обложки помещены слова, которые представляют собой некую психологическую установку, призыв для каждого ребенка: «Когда же, если не сейчас, в юности, наслаждаться прекрасной литературой и влюбляться в соседку по парте или известного актера. И пусть у героев данной книги, может быть, к сожалению, совсем другие костюмы, язык и манеры, но...их чувства те же, что и у тебя. Итак, познакомьтесь с лучшими произведениями русских писателей о самом главном – о любви». Не кажется ли Вам, что это манипуляция детским сознанием? Я в этом уверен!

Именно эта книга побудила меня написать несколько строк об опасностях в амурных делах и о невыдуманных рисках, возникающих в результате прочтения произведений, транслирующих подобную любовь неискушенным детским сердцам.

К примеру, два произведения данной книги оканчиваются самоубийством, из-за неразделенной любви. Это – «Митина Любовь» Ивана Бунина и «Гранатовый браслет» Александра Куприна. «Крейцерова соната» Льва Толстого, оканчивается убийством на почве ревности. А «Полинька Сакс» Александра Дружинина – заболеванием и скоротечной смертью из-за измены. Двойной смертью как результата измен (прелюбодеяния) оканчивается повесть о первой любви Тургенева... Во всех этих произведениях одна виновница – романтическая, плотская любовь, любовь-эрос.

Не стоит забывать и о содержании «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания» Достоевского; «Отелло», «Ромео и Джульетте», «Гамлете» и многих других трагедиях Шекспира; «Евгения Онегина» Пушкина; «Тараса Бульбы» и «Невского проспекта» Гоголя; «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова; «Мадам Бовари» Флобера; «Земли» Золя; «Избранника» и др. рассказов Т. Манна; «Анны Карениной», «Войны и мира», «Воскресения», «Дьявола» Толстого; «Грозы» Островского; многих рассказов Чехова типа «Попрыгуньи»; «Кавказа», «Зойки и Валерии» и др. рассказов из сборника «Темные аллеи» Бунина; «Мастера и Маргариты» Булгакова, «Тихого Дона» Шолохова; «Доктора Живаго» Пастернака; и даже «Илиады»

Гомера и «Божественной комедии» Данте. Этот список еще можно долго продолжать.

А, благодаря Вольфгангу Гете, научный мир стал еще богаче на очередной феномен – «эффект Вертера». Гете написал «Страдания юного Вертера», произведение о любовных переживаниях и неразделенной любви, которая заканчивается трагично. Главный герой кончает жизнь самоубийством. Сила буквы данного романа оказалась настолько сильна, что после его выхода в свет, по всей Европе прокатилась волна самоубийств на почве неразделенной любви. Все самоубийцы были примерно такого же возраста, что и юный Вертер.

Я не просто так привел этот пример. Мне кажется, что изучение феномена любви в школе должно быть поставлено на серьезный методологический уровень. Учитель должен не только сам понимать разницу между типами любви, но и после прочтения каждого романтического произведения анализировать с учениками все положительные и отрицательные стороны любви, описанной в романе.

Более того, можно с уверенностью сказать, что понимание этих произведений в полной мере возможно только в контексте христианской антропологии. Без знания того, что есть внешний и внутренний человек будет совершенно невозможно понять смысл упомянутых нами произведений.

Так, например, в романе «Воскресение», Лев Толстой, который также далек от верного понимания христианства как Солнце от Земли, описывает почти по-христиански, очень близко к православной антропологии, главного героя следующим образом: «В Нехлюдове, как во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира». Последний пример назван писателем «сумасшествием эгоизма», когда животный человек властвует и совершенно задавливает духовного человека.

У внешнего человека, субъекта внешней деятельности мысль, к сожалению, только о мирском, временном, конечном. Таким примером внешнего человека является гоголевский Андрийка, который решился отдать, продать и погубить за свою влюбленность все, что ему было так дорого: и веру православную, и отца, и братьев, и всю Отчизну... Этот пример антропологического духовного маятника указан многими писателями. И даже в Библии мы находим примеры плотских вспышек влюбленности, например, в образах царей Давида и Амнона. А великий царь Соломон в своих притчах дает потрясающие предостережения всем нам, а в особенности молодым, от подобных деяний...

Важно понимать, что как свойственна человеку возможность духовного роста, так возможно и развитие любви. Этот процесс указан В. Далем в его словаре. Вот как Владимир Иванович определяет различные уровни духовного бытия человека: «Человек плотский, мертвый едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус впадает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть, в искус побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину; цель его – царство Божие, закон – духовное чутье, искушенья он презирует. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его». Преподобный Иоанн Лествичник писал: «Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть».

Итак, плотский и чувственный – это внешний человек, а духовный и благодатный – вектор развития внутреннего. Так борьба внешнего человека с внутренним идет всю жизнь, пока жив человек.

В контексте сказанного будет понятно и то, что имел ввиду протоиерей Артемий Владимиров, когда говорил о том, что не все полезно для чтения в школьной программе. Ведь речь идет не о запрете классиков, но об использовании гармоничных и целостных примеров, помогающих научить детей добру, чистой жизни и, разумеется, настоящей любви.

Хочется в очередной раз напомнить всем нам, что настоящая любовь создается! Любовь – это не просто чувства, это нечто гораздо большее. Это и дружба, и верность, и преданность, и уважение, и самое главное: любовь – это жертва. Жертва своим «Я» ради счастья другого. Например, это прекрасно изображено в произведениях: «Пути Небесные» и «Неупиваемая чаша» Шмелева, «Идиот» Достоевского, «Две повести о любви» И. Денисовой, «Счастливый принц» Уайльда, «Дары Волхвов» О’Генри, «Ночь перед рождеством» Гоголя, в «Капитанской дочке» Пушкина и в других.

Польза влюбленности как примера того, что же есть любовь в ее ценности – это способность (или временный дар) видеть другого (ближнего моего, возлюбленного) идеальным, без каких-либо недостатков. Влюбленный обоготворяет одного человека, сводит к нему весь мир, т.к. его возлюбленный ему дороже всего на свете, а другие и все остальное – ровным счетом ничего не значат («Я душу дьяволу продам за ночь с тобой», – мы слышим безумные и страшные слова в песне). В случае с любовью-эросом влюбленность делает богом человека.

Влюбленность – это фанатизм. Это пример того как надо (в цельности и неподдельности, без фальши) и не надо (в сумасшествии и

болезненности) любить. Это прекрасный пример всем верующим того, как нужно любить Бога (снова вспоминаем неофитство), как любили Его святые (без болезненного надрыва), а в Боге – любить человека.

Закончить свое краткое рассуждение на тему любви мне бы хотелось словами митрополита Антония Сурожского: «...Любовь – удивительное чувство, но оно не только чувство, оно – состояние всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность... Тайна любви к человеку начинается в тот момент, когда мы на него смотрим без желания им обладать, без желания над ним властвовать, без желания каким бы то ни было образом воспользоваться его дарами или его личностью, – только глядим и изумляемся той красоте, что нам открылась» [4].

Lukyanenko K.A. THEME OF LOVE IN CLASSICAL LITERATURE AND ITS ROLE IN EDUCATIONAL PROCESS AND IN SPIRITUAL-MORAL UPBRINGING

At the last time about love talking all who are not lazy, they making many serials and films, they write a lot of books. But, despite the abundance of words and meanings on this topic, the world is even more affected by a lack of love, a lack of understanding of what true love is. Traditional understanding of sacrificial, merciful love and fidelity is increasingly replaced by crude, lascivious, mercantile, selfish, carnal love. The whole «horror and turbidity» of such carnal love is very clearly and clearly depicted, for example, in such Russian serials as «Smile of the Mockingbird», «Thin Ice» and «Locust». But we must say that the whole world literature abounds with multiple examples of love with a minus sign.

In our brief reflection on the subject of love, we only want to emphasize the importance of the fact that the realization of the task of preserving the national spiritual code, the revival and inculcation of Russian moral values to future generations must be carried out consciously. In the educational and upbringing processes, it is important to be able to competently differentiate existing types of love, their reflections in culture. After all, love is often called what most often is not. Why it is happen in such a way this case can be understood on numerous examples of fiction.

The study of the phenomenon of love in the school should be placed on a serious methodological level (and at the university it should be continued as special seminars, as part of studying the features of understanding, beginning with Antiquity, other phenomena: friendship, beauty, holiness, family, the meaning of life ...). The teacher should not only understand the difference between the types of love, but also after reading each work touching the problem

of love, to analyze with the pupils and students all the positive and negative aspects of love described in the novel.

It is also worth emphasizing that the understanding of these works is fully possible only in the context of Christian anthropology. Without the knowledge that there is an outer and inner man it will be absolutely impossible to understand the meaning of many works. And, after all, one must understand that only Russian traditional attitude to marriage and family can form a strong and healthy society, and also develop immunity from various western poisons of postmodern gender morality.

Key words: *love, affection, literature, external and internal man, passion, Christianity, risk potential, neophyte.*

Литература

1. Журнал «Фома»: Полемика должна идти не против классиков, а за гармоничные и целостные примеры, – протоиерей Артемий Владимиров. : Электронный ресурс. – URL: <https://foma.ru/polemika-dolzha-idti-ne-protiv-klassikov-a-za-garmonichnyie-i-tselostnyie-primeryi-protiierey-artemiy-vladimirov-90319.html/amp>.

2. Льюис. К.С. Влюбленность не стремится к счастью...: Электронный ресурс. – URL: <http://www.pravmir.ru/vlyublennost-nestremitsya-k-schastyu/>

3. Феофан Затворник (Говоров), святитель. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике.: Электронный ресурс. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/put-ko-spaseniju/1

4. Антоний Сурожский (Блум), митрополит. Таинство любви. Беседа о христианском браке.: Электронный ресурс. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1267>.

Лукьяненко Константин Александрович – старший преподаватель кафедры теологии и религиоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, РФ).

ПРИЧИНЫ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСЦИПЛИН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ

Преподавание религиозных дисциплин в образовательных учреждениях различного уровня набирает все большую и большую популярность. Не смотря на все дискуссии и проблемы, религиозные дисциплины преподаются все больше и все чаще. Это обусловлено не только европейским опытом и традициями, а ведь российское образование ориентируется именно на европейскую систему. Вторая причина – это необходимость, которая продиктована современными реалиями.

***Ключевые слова:** Основы православной культуры, преподавание, свобода, правомерность.*

Постановка проблемы. В современном обществе, в частности сфере образования уже многие годы стоят острые дискуссии касательно правомерности, необходимости и целесообразности преподавания предмета «Основы православной культуры».

Цель исследования. Рассмотреть все аргументы «за» и «против» касательно преподавания религиозных дисциплин и сделать анализ фактов для объяснения необходимости преподавания религиозных предметов.

Основная часть. В СМИ можно встретить немало публикаций, где сторонники и противники преподавания данного предмета не только высказывают свои мнения касательно данного вопроса, но и выходят за рамки этики, обвиняя своих оппонентов в различных антинародных и антигосударственных грехах.

Причем, почти все публикации касательно преподавания предмета «Основы православной культуры» относятся к преподаванию данного предмета в сфере среднего образования. Среднее образование направлено прежде всего на несовершеннолетнюю часть населения Российской Федерации. Это и обуславливает определенные правовые аспекты в преподавании данного предмета. Несколько иная ситуация обстоит с преподаванием названного предмета в высших и средне специальных заведениях, так как категория студентов или являются совершеннолетними, или просто можно обозначить как личности с более-менее состоявшимся мировоззрением и религиозным убеждением. Потому,

если касательно сферы среднего образования отрицательные реплики приходится слышать от родителей и различных общественных деятелей, то в сфере высшего и средне специального образования негативные высказывания прежде всего можно услышать от самих слушателей, то есть студентов. Их аргументы можно обобщить следующим образом:

1. Образование носит светский характер, потому предмет «Основы православной культуры» в перечне дисциплин является грубым нарушением данного положения [1].

2. Данный предмет является своего рода агитацией, что является нарушением Федерального закона от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2].

3. Студенты, относящиеся к иным религиям и конфессиям рассматривают как определенного рода навязывание, или даже оскорбление религиозных чувств.

Для объективной оценки сложившейся ситуации необходимо рассмотреть возникшую проблему в нескольких плоскостях: правовом, православно-вероучительном и культурно-историческом.

Касательно правовых аспектов следует сказать следующее:

Исходя из ст. 7 Закона РФ «Об образовании» и п. 35 типового положения об образовательном учреждении, утвержденном постановлением правительства РФ от 31.08.94г. № 1008 с изменениями от 15.01.97г, основная общая образовательная программа учебных заведений включает в себя в том числе национально-религиозный компонент. Это напрямую относится к предмету «Основы православной культуры» [2].

Но в федеральных законах подзаконных актах РФ в том числе говорится о принципе светского характера образования – это ст. 2 действующего Закона РФ «Об образовании» и принципа равенства религий перед законом (ст.4ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») [2].

Но, будет справедливым сделать объективное уточнение, что в законе «О свободе совести» подчеркивается роль православия: «Федеральное Собрание Российской Федерации признает особую роль Православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры».

«В декабре 2007 года Минобрнауки России с участием Российской Академии образования, Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования (АПК и ППРО) и Русской православной церкви организовал всероссийскую конференцию в Калуге. На конференции была одобрена концепция включения в новое поколение государственных стандартов общего среднего образования учебного

предмета «Православная культура» в составе новой образовательной области учебного плана «Духовно-нравственная культура», разработанном светскими и церковными специалистами и представленная от РПЦ» [2].

Отдельно следует отметить, что многие политики, включая главу государства и премьер министра неоднократно положительно высказывались касательно целесообразности преподавания предмета «Основы православной культуры».

Учитывая, что в Белгородском регионе подавляющее большинство жителей исповедуют Православие и Православие является культуuroобразующей религией данного региона вполне справедливо в цикл образовательных дисциплин вводить именно данный курс. В свою очередь, следует сделать уточнение, что в регионах РФ, где подавляющее большинство жителей исповедуют иные религии, или конфессии, и они являются там культуuroобразующими, вполне справедливо проводить занятия по иным религиям. По этой причине, если студент относится к другой религии, предмет «основы православной культуры» для него всего лишь возможность узнать о Православии как культуuroобразующей религии региона, в котором он живет. Для студентов православного вероисповедания (которых по крайней мере в Белгородском регионе большинство) это возможность ближе познакомиться с религией, в которой они крещены. К сожалению, религиозная грамотность среди населения, относящегося к Православию остается на низком уровне. А это дает повод быть подверженными влиянию различных около религиозных мифов и учений, иногда имеющих коммерческий, или мошеннический характер.

В аспекте православного вероучения следует сказать, что Христианство является религией добровольной и не может быть навязываемой различными способами. Отправляя своих учеников проповедовать Христос давая им различные наставления в том числе сказал: «В какой бы город или селение ни вошли вы, навещайте, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших» (Мф. 10, 11-14) [1]. Как видно из слов Иисуса Христа, проповедь должна вестись среди тех, кто хочет слушать, то есть принятие Христианства является добровольным и не может быть насильственным. Не менее показательным является пример исцеления Христом Гадаринского бесноватого. После исцеления местные жители: «Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый. И просил Его весь народ Гадаринской окрестности

удалиться от них, потому что они объаты были великим страхом. Он вошел в лодку и возвратился» (Лк. 8, 36-37) [1]. В ракурсе поставленных проблем заслуживает отдельного внимания реакция Христа на нежелание жителей слышать и видеть Его. Он даже не попытался возражать жителям, а просто сел в лодку и вернулся туда, где его ждали и хотели слушать. Применительно к предмету «Основы православной культуры» следует отметить следующее – данный курс носит исключительно образовательный характер, то есть верить в Бога и знать о Нем, это принципиально разные понятия. Посягательству на религиозные убеждения студентов в данном курсе нет места. От студента требуется исключительно знание материала, и именно за эти знания он и будет оцениваться. При оценке знаний студента, критерий религиозной принадлежности не учитывается и не может быть учтен.

В культурно-историческом плане следует отметить, что негативные отзывы о преподавании данного предмета являются следствием атеистического советского прошлого, когда на научном уровне делались активные попытки внушения несостоятельности и никчемности религии. Соответственно, это и не позволяет в учебных заведениях преподавать религиозные предметы.

Реальность несколько иная. В настоящее время можно услышать множество негативных отзывов в сторону Европы и Европейской цивилизации. Но как к Европе не относиться, следует сделать уточнение, именно у Европейской цивилизации Славянская цивилизация получила, точнее скопировала как образовательную структуру, так и научную. В настоящее время, в какой-то степени российское образование и наука являются самодостаточными и в некоторых сферах даже лидируют. Но следует сделать объективное уточнение, что Европейская цивилизация во многих направлениях науки и образовании остается мировым лидером. И российское образование, и наука продолжают обращаться к современному европейскому опыту. Потому, будет правильно обратиться к европейскому опыту преподавания религиозных дисциплин и вообще, отношению европейского образования к религиозным предметам. Рассмотрим историю возникновения старейших университетов Европы:

Болонский университет 1088 год основания – возник в церковной среде.

Парижский университет 1150-1170 года основания, был основан как полудуховное общество магистров (преподавателей) и подчинён духовной власти.

Оксфордский университет основан в начале XIII века члены многих монашеских орденов доминиканцы, францисканцы, кармелиты,

августинцы обосновались в Оксфорде и основали названный университет.

Кембриджский университет возник в 1209 году как результат просветительской программы монашеских орденов средневековья.

Университет Саламанки основан в 1218 году. Как и все древнейшие европейские университеты, Саламанкский сначала был образован в качестве школы при соборе.

Неаполитанский университет. Основан 5 июня 1224 года при короле Фридрихе II как образовательный центр Сицилийского королевства. Первоначально находился на территории монастырского комплекса Сан-Доменико-Маджоре.

Далее, начиная с XIV века количество новообразованных университетов начинает сильно увеличиваться. Но почти все они имели прямое или косвенное отношение к церкви. Традиционно, в Европейских университетах до настоящего времени продолжают функционировать теологические факультеты. Это означает, что для передовой европейской науки и образованию, религиозные знания не являются противоречием для прогресса.

Отвечая на вопрос о светскости государства, следует привести пример, что светскими остаются и такие современные европейские государства, как Дания или Норвегия, с официальным статусом в них Лютеранской Церкви, или Греция, где статус господствующей религии принадлежит Православной Церкви и где, естественно, в школах преподается православное вероучение. Не смотря на светскость Европейских государств это не сколько не является препятствием для преподавания религиозных дисциплин. В Италии, Польши и Австрии в разных формах в государственных школах также ведется преподавание религии – основ католического вероучения. Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, в котором Англиканская Церковь имеет государственный статус, никто из британцев, находясь в здравом уме и ясной памяти, не назовет государством не светским, а церковным. И в школах Великобритании, несмотря на очевидно светский характер этого государства, религия преподается. По этой причине связывать с преподаванием религиозных предметов некую отсталость будет некорректно.

Следующий факт – к Православию можно относиться по разному: положительно, отрицательно, или нейтрально, но остается безусловным тот факт, что именно Православие является культуuroобразующей религией России. По этой причине, «Основы православной культуры» имеет полное моральное право на преподавание, как и История России, или Русская литература.

Еще одной причиной можно назвать низкую религиозную грамотность многих россиян. Проблемой здесь является не то, что они просто чего-то не знают о Православии, а в том, что это незнание позволяет манипулировать ими с помощью околорелигиозных мифов, которые часто имеют коммерческие, или мошеннические цели.

Так же предмет «Основы православной культуры» должен давать минимум знаний о религиозных объединениях деструктивного характера. Что бы слушатели были менее подвержены манипуляторным техникам сознания, к которым часто прибегают подобного рода проповедники. По свидетельству ректора Московского ядерного университета МИФИ, несколько лет назад было выявлено, что около 50 студентов названного университета являются адептами секты саентологов. Это свидетельствует, что саентология занимается не просто миссионерской деятельностью, а ведет целенаправленную миссию. Значит, пытается внедриться в ядерную сферу России. Подобных примеров современные исследователи религиозных сект приводят не мало, когда представители сект пытаются внедриться в различные сферы: силовые структуры, образование, СМИ и т.д. По этим причинам предмет «Основы православной культуры» может быть использован как способ предотвращения возникновения подобных ситуаций.

В качестве еще одного примера уместно привести факт преподавания данного предмета в высших учебных заведениях МЧС, когда на вопрос, «зачем изучать православие там, где речь идет борьбе со стихией, с чрезвычайными ситуациями», заместитель председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации отвечает: «Понять истинную цену человеческой жизни можно только исходя из правильного представления о месте человека в мире, его отношения к Творцу. Тогда смысл служения и преодоления любых ситуаций, в том числе чрезвычайных, предстает в совершенно ином свете как вечная борьба жизни со смертью, как самопожертвование, как исполнение заповеди Божией о любви и защите ближнего, где ближний, по Слову и смыслу Нового Завета, – тот, кто нуждается в нашей помощи и поддержке» [4].

Выводы. Таким образом, преподавание предмета «Основы православной культуры» имеет законодательное, каноническо-вероучительные и культурно-исторические основания. Данный предмет носит исключительно образовательный характер и не является посягательством на религиозные убеждения студентов, относящихся к иным религиям или конфессиям, или просто студентов с иным мировоззрением. Так же негативное отношение к введению в образовательный цикл данного предмета можно рассмотреть, как

следствие, или отголоски грамотно организованной советской атеистической пропаганды.

Литература

1. Библия книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М.: Российское Библейское общество, 2007. – 1173 с.

2. Правовые основы введения курса «Основы православной культуры» образовательный портал электронный журнал Экстернат.РФ, социальная сеть для учителей, путеводитель по образовательным учреждениям, новости образования : [Электронный ресурс] – URL: <http://ext.spb.ru/site/131--q-q.pdf> (дата обращения: 11.04.18)

3. Цыпин В. Протоиерей. О преподавании «Основ православной культуры» : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/693.html> (дата обращения: 11.04.18)

4. Портал МЧС Медиа : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.mchsmedia.ru/focus/item/6552408/> (дата обращения: 11.04.18)

Ivashina R.A. REASONS AND BASES FOR TEACHING RELIGIOUS DISCIPLINES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF VARIOUS LEVEL

Teaching of religious disciplines in educational institutions of various levels is gaining more and more popularity. Despite all the discussions and problems, religious disciplines are taught more and more often. This is due not only to European experience and traditions, and in fact the Russian education is guided precisely by the European system. The second reason is the need, which is dictated by modern realities.

Key words: *Fundamentals of Orthodox culture, teaching, freedom, legitimacy.*

Ивашина Роман Анатольевич – старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ», г. Белгород, РФ).

ТРЕБОВАНИЯ

к публикациям в научном издании по философским наукам

«Антропос: Логос и Теос»

Луганского национального университета

имени Владимира Даля

1. При оформлении текста: все поля 20 мм; шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5; абзац – 10 мм. Относительно символов. В тексте необходимо использовать только кавычки такого образца: «», дефис – это короткое тире «-». Не нужно ставить лишние пробелы, особенно перед квадратными или круглыми скобками, а также в них.

2. Разделы статей должны включать:

- Постановку проблемы (в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами). Статья по возможности должна содержать анализ последних исследований и публикаций.

- Цель исследования.

- Основную часть (изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов).

- Выводы.

3. Статья подается на русском или английском языках. Оптимальный объем текста статьи 10-12 страниц (не должен превышать 20 тыс. знаков), включая таблицы, схемы и рисунки. Графические материалы к статье должны направляться отдельными файлами. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

4. Вверху на первой странице статьи: индекс УДК – слева, без абзацного отступа. Ниже по правому краю строки курсивным полужирным выделением приводятся фамилии и инициалы автора(ов). Далее, через один интервал прописными буквами полужирным выделением название статьи без переносов с выравниванием по центру. Далее через один интервал с абзацного отступа – аннотация к статье.

5. После названия статьи помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5). В конце статьи (после списка литературы) на английском языке указываются инициалы и фамилии автора(ов), название статьи и представляется аннотация.

6. Если в статье присутствуют иллюстрации, необходимо располагать их по тексту, выравнивая подписи (рис. 1. Схема ...) по ширине с абзаца 1 см. Второй экземпляр иллюстрации необходимо представить на отдельном листе. Иллюстрации должны быть четкими и контрастными.

7. Таблицы располагать по тексту. Над таблицей поставить ее порядковый

номер (Таблица 1) выравнивая по правому краю, под которой разместить название таблицы, выравнивая по центру.

8. Список литературы подается общим списком в конце статьи согласно установленным требованиям (ВАК РФ. ГОСТ Р 7.0.5 от 2008 и ГОСТ 7.82-2001) через 1 см от последней строки шрифтом Times New Roman, кегль 14, с полуторным межстрочным интервалом и выравнивается по ширине. Ссылки на литературу в тексте даются по такому образцу [7, с. 123]. Страница ссылки на несколько источников одновременно разделяется знаком точка с запятой и подается таким образом: [1; 4; 8] или [2, с. 32; 9, с. 48; 11, с. 257]. Ссылка на архивные источники оформляется согласно ГОСТ 11.3 и ГОСТ 11.4 – 2008. Упомянутые в тексте ученые, исследователи называются по алфавиту – Н. Бердяев, А. Лосев, В. Соловьев, Ф. Шеллинг и другие. В начале отмечается имя, а потом фамилию ученого. Необходимо выделять зарубежных и отечественных исследователей.

9. Обязательно подать электронный вариант статьи на диске CD-RW или по электронной почте – dmitriy3003@mail.ru.

При значительном объеме статьи архивировать с помощью WINRAR и подать на диске DVD-RW.

10. Публикация должна быть снабжена информацией об авторе (ах), включающей фамилию, имя и отчество, должность, место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, телефон, адрес электронной почты – подаются отдельным файлом.

11. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

12. Статьи аспирантов и соискателей без научной степени принимаются при наличии рекомендации кафедры (отдела) и рецензии доктора или кандидата наук.

13. Ответственность за точность изложенных фактов, цитат, цифр и фамилий несут авторы материалов. В статью могут быть внесены изменения редакционного характера без согласия автора. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить некачественные материалы без пояснения причин.

Авторы статей оплачивают 30 руб. за 1 стр. (или 300 руб. – за публикацию. В электронном варианте издания – 50 рублей (без сборника)). Каждый из авторов получает один печатный вариант издания. В случае, если нужно большее количество экземпляров, необходимо заранее предупредить редакцию и оплатить стоимость дополнительных экземпляров.

Редколлегия сборника «Анропос: Логос и Теос»

находится по адресу:

к. 314, корпус 2, кв. Молодежный 20а,

Луганский национальный университет

имени Владимира Даля,

г. Луганск, 91034

Главный редактор: Исаев Владимир Данилович

Ответственный секретарь: Кобылкин Дмитрий Сергеевич

e-mail: dmitriy3003@mail.ru тел. 066-321-68-44

Контактные телефоны: тел. (0642) 41-80-53

e-mail кафедры мировой философии и теологии: kaf.fil-teo@mail.ru.

**АНТРОПОС:
ЛОГОС И ТЕОС**

Выпуск 4

Сборник научных трудов

Оригинал-макет

Е.А. Гриниченко

Подписано к печати 17.06.2018

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типогр. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Услов. печат. листа.18. Учет изд. листа.18,5.

Тираж 300 экз. Изд. № 0098. Цена договорная.

Издательство

Луганского национального университета имени Владимира Даля

*Свидетельство о государственной регистрации издательства
МИ-СРГ ИД 000003 от 20 ноября 2015 г.*

Адрес издательства: 91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а

Телефон: (050) 28-58-008, (072) 138-34-80

E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com <http://www.dahluniver.ru>

